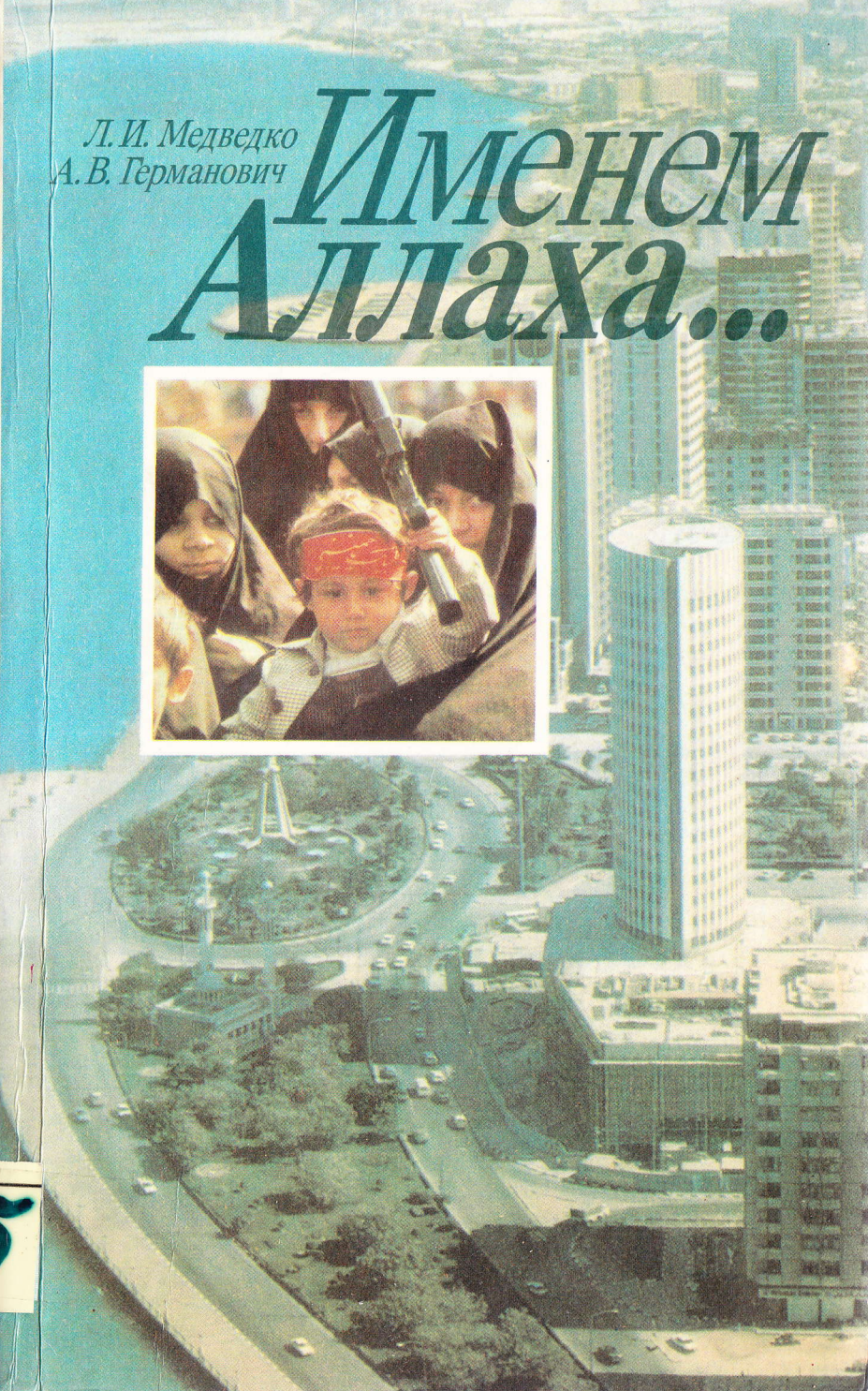

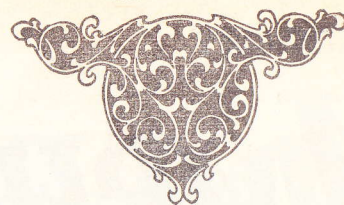
Л. И. Медведко
А. В. Германович

Именем Аллаха...

Именем
Аллаха...

Л. И. Медведко
А. В. Германович

Именем Аллаха...

Политизация ислама
и исламизация
политики

14539

Николаю Оганесовичу

Оганесену

В память о встречах
под знаком ислама

с надеждой на еще
более частые встречи
по линии дружбы

18.х.89

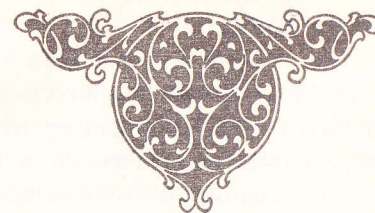
Александр

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

искренне

А. В. Германович

Введение

Медведко Л. И., Германович А. В.
 М42 Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики.— М.: Политиздат, 1988.—255 с.
 ISBN 5—250—00198—X

Последователи ислама — мусульмане составляют значительную часть населения стран Азии и Африки. Какова роль этого вероисповедания в современной политической жизни этих стран? Почему ислам используется как политическое знамя и в освободительной борьбе народов, и в неоколониалистских заговорах, и в контрреволюционных мятежах? Авторы книги доктор исторических наук, публицист Л. И. Медведко и кандидат исторических наук А. В. Германович исследуют разнообразные проявления исламского фактора как в прошлом, так и в настоящем на примерах революционных потрясений и бурных событий, приобретающих сегодня драматический, а в иных случаях трагический характер в Иране, Египте, Афганистане, Ливане, на юге Аравии и на севере Африки.

Рассчитана на широкий круг читателей.

М 0400000000—231
 079(02)—88 КБ—5—103—88

ББК 86.38

ISBN 5—250—00198—X

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988

События последнего времени с наглядной контрастностью проявляют активную и вместе с тем противоречивую роль ислама как политической силы, громко заявившей о себе в наши дни. Так называемый исламский фактор находит самое разнообразное проявление как в социально-экономической сфере ряда мусульманских государств, так и на международной арене. Политический круговорот ислама, называемый на Западе «исламским бумом», кажется, все более набирает силу...

Ничего удивительного или экстраординарного в этом нет. Другие религии тоже всегда использовались и используются различными силами в политических целях. Ислам в этом отношении, судя по последним событиям, как никакая другая религия, демонстрирует, пожалуй, особенно широкий диапазон политической приспособляемости к самым различным социально-экономическим структурам и бурным политическим потрясениям конца XX в.

Четкая классовая оценка политической роли ислама и сложных процессов, связанных с так называемой исламизацией политики и различных сторон общественной жизни в некоторых мусульманских странах, давалась в ряде партийных документов. В них подчеркивалось, что под знаменем ислама может развертываться не только

освободительная борьба, но исламскими лозунгами может оперировать и реакция. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения. Так происходит и в наши дни.

Выступая на XIX Всесоюзной конференции КПСС, М. С. Горбачев напомнил, что «наши воины уходят из Афганистана по велению Родины, которая проявила мудрость, обрета за эти годы новый политический и нравственный опыт, более глубокое понимание современного мира, его противоречий и трудностей на пути в будущее»¹. К сожалению, нужную мудрость не проявляют пока в Афганистане те, кто называет себя «борцами за ислам», хотя за эти годы у них было достаточно времени обогатить свой политический опыт, приведя его в большее соответствие с моральными ценностями ислама.

Какова сегодня общественная функция действующих в мусульманском мире не только религиозных, но и политических организаций, выступающих под флагом ислама? Каковы те современные социальные и политические причины, которые способствуют политизации ислама и исламизации политики? На эти далеко не простые вопросы нелегко дать и однозначные ответы.

Борьба за выбор того или иного пути для освободившихся стран, определение ими четких позиций в главной проблеме современности, связанной с устранением ядерной угрозы и созданием всеобъемлющей системы международной безопасности, сделали особенно трудной дилемму, стоящую перед различными религиозными и политическими движениями. Она приобретает теперь не только региональный, но и глобальный, общечеловеческий смысл.

В ядерный век ни политика, ни наука, ни религия не могут оставаться безучастными к главной проблеме современности — спасению человечества от гибели. Как подчеркивалось на встрече представителей партий и движений,

¹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 года. М., 1988, с. 32.

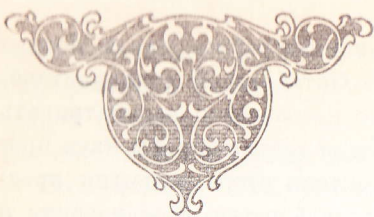
принимавших участие в юбилейных торжествах в Москве по случаю 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, сейчас уже невозможно рассматривать мировое развитие с точки зрения только борьбы двух противоположных систем. Диалектика этого развития представляет собой единство, противоборство, соревнование и взаимодействие множества факторов. Среди них в аналогичном диалектическом противоречии проявляет себя в наши дни и исламский фактор.

Миллионы верующих различных не только вероисповеданий, но и различных политических убеждений — это не «досадный промах» истории, а реальность. Подлинная действительность такова, что раз существуют религиозные потребности, то все еще остается и политический спрос на религию. Для мусульманина ислам не просто совокупность догм о тайнах мироздания. Это и своеобразная наука жизни, а иногда — азимут в лабиринте политики. Он помогает ориентироваться и строить определенный тип отношений как с единомышленниками, так и с оппонентами и политическими противниками.

Исламский фактор, следовательно, включает в себя не только религию и мусульманский образ жизни, но и так называемый исламизм, то есть политический ислам, уходящий своими корнями также в глубокую историю.

В предлагаемой книге* анализируется неоднозначная, противоречивая роль именно политического ислама как в самом мусульманском мире зарубежного Востока, так и на международной арене.

* Главы 1, 2 и 5 написаны А. В. Германовичем, остальные главы и заключение подготовлены Л. И. Медведко.

Глава 1 Немного истории: корни, ветви и побеги ислама

«Аллаху акбар!» («Аллах велик!») — таким возгласом с первыми лучами солнца муэдзины с минаретов почти полумиллиона мечетей зычными, протяжными голосами, усиленными микрофонами, возвещают о начале нового дня от берегов Тихого океана до Атлантики. Так пятькратно призывают они правоверных к молитве, напоминая им каждый раз о величии и всеисилии Аллаха. И каждый верующий мусульманин, откликаясь на этот призыв — а чаще даже и без такого напоминания, — начинает свою молитву словами: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!»

Этими словами начинается и священная книга мусульман — Коран. Они предваряют и первую сур (главу) «Фатиха», в которой выражена главная просьба мусульман к Аллаху: «Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой. По дороге тех, которых ты благодетельствовал, — не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших» (1: 4—7) ¹.

¹ Здесь и далее при цитировании Корана первая цифра в скобках обозначает номер суры, вторая — аята.

Этими словами начинается и каждая последующая — все сто четырнадцать сур Корана.

Вот уже более четырнадцати веков, которыми исчисляется история ислама, с именем Аллаха идут убивать и принимать смерть. И в эти же часы миллионы матерей в мусульманских странах заперкшимися в родовых муках губами вверяют Аллаху жизнь новых людей. Они молят его тоже о самом главном — сохранить новорожденным жизнь, благодетельствовать и вести их по дороге прямой к счастливому будущему.

В трагических зигзагах жизненных и политических драм, в крутых поворотах бурных событий истории, столь часто освящаемых именем божьим, проявляется противоречивая сущность не только мусульманской, но и всякой другой религии. И все же путь миллионов покорных и непокорных, покоренных и непокоренных мусульман никак не назовешь той «дорогой прямой», по которой они столь усердно веками молили Аллаха вести всех, кого он «благодетельствовал».

Чем же мусульмане могли столь прогневить Аллаха, что многие миллионы из них до сих пор никак не могут выйти на эту прямую дорогу к счастью?

Дело, конечно, не в том, что одни из них находятся под гневом божьим, а другие заслужили чем-то милость и милосердие. Ключ к разгадке причин всех бед и несчастий, выпавших на долю многих мусульман, содержится в том, что именно те, кто веками призывал и все еще призывает их к покорности Аллаху и его наместникам на земле, изо всех сил стараются увести трудящихся мусульман в сторону от прямой дороги к счастливому будущему; а всех непокорных пытаются объявить заблудшими.

Не только люди, считающие себя мусульманами, но и государства, относящие себя к мусульманскому миру, довольно часто придерживаются диаметрально противоположных политических взглядов и направлений. Именно это обстоятельство, а не религиозные распри или национальные споры определяет в первую очередь тот противоречивый характер событий и явлений, которые происходят сейчас под исламскими лозунгами.

Ислам (по-арабски — покорность), став третьей, самой молодой из мировых религий после буддизма и христианства, сразу заявил о себе как политическая и как военная сила.

Люди, племена и целые народы, обращенные разными методами в новую веру, называли себя мусульманами, то

ость исповедующими ислам. Но уже тогда, на заре ислама, в это понятие многие вкладывали не столько возвышенный смысл покорности Аллаху, сколько покорность судьбе, покорность победителю.

Под сводами и за стенами мечетей

Каждый мусульманин, которому Коран разрешает «напрямик» обращаться к Аллаху, может молиться не только в мечети, но и в любом месте, где застанет его время молитвы. Да и в самих мечетях, в отличие от христианских церквей, нет на их сводах и стенах ни изображений божества, ни ликов пророков и святых. Нет здесь также ни статуй, ни изваяний, как в буддийских храмах. Торжественная тишина, которая царит в мечети между молитвами, притягивает сюда не только молящихся, но и просто ищущих покоя или общения людей. Мечеть испокон веков — место моления, но кроме этого, можно сказать, и религиозная школа, и своеобразный лекторий, где звучат религиозные проповеди, как правило, с политическим подтекстом.

Здесь же, в глубине ниш и у колонн, можно увидеть студентов, беззвучно шевелящих губами. Со стороны кажется, что они читают Коран. Но, приглядевшись, можно увидеть у них в руках или на коленях вполне светские книги — учебники или политические брошюры. Часто в них содержатся призывы полагаться не столько на Аллаха, сколько на самих себя. И эти призывы, как правило, находят отклик в сердцах даже самых правоверных мусульман. Ведь в проповедях пророка Мухаммеда мусульманам внушалась не только покорность, но и вера в справедливость. В учении ислама всегда сильно звучала уравнилительная (эгалитаристская) струна. Она призывала верующих облегчать положение обездоленных, угнетенных, немущих...

Чтобы стать истинным мусульманином, мало троекратно произнести заклинание (шахаду): «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед — посланник Аллаха». Нужно знать и строго соблюдать главные догмы ислама, которые мусульманин познает не только под сводами, но и за стенами мечети. Кроме этих догм и предписанных Кораном различных ритуалов мусульманин должен соблюдать и ряд жизненных правил и обычаев. Их придерживаются даже люди, безразличные к религии, если они живут в

странах традиционного распространения ислама. Ведь им приходится жить и трудиться на земле, где с исламом так или иначе связаны не только культурное и историческое прошлое, но и многие политические реалии сегодняшнего дня. Важнейшие события семейной и общественной жизни люди с давних времен привыкли здесь сопровождать мусульманскими формулами. Может быть, их религиозный, тем более философский смысл далеко не всегда и не всем ясен. Но часто люди, считающие себя мусульманами, наполняют догматы и обряды ислама тем политическим и жизненным содержанием, которое им близко и понятно.

Каковы же эти религиозные догматы и какой скрытый политический смысл в них вкладывается самим Кораном и его толкователями?

Религиозная догматика ислама не так сложна. Мусульманину предписывается верить в Аллаха и его посланника Мухаммеда, передавшего людям якобы божественные откровения. Аллах, как его рисует Коран, очень напоминает человека. Точнее, араба VII в. Однако все человеческие качества в Аллахе доведены до превосходной степени. В Коране встречается множество эпитетов Аллаха, число которых мусульманские богословы определяют в девяносто девять. Эти эпитеты, характеризующие качества (атрибуты) Аллаха, весьма разнообразны, иногда они взаимоисключают друг друга. Аллах предстает милостивым, милосердным и всепрощающим. Он же мстителен, грозен во гневе. Он и великодушен и беспощаден. Он и творец и разрушитель. Однако самые главные качества Аллаха — это его величие, могущество и сила. Мусульмане должны безоговорочно, полностью и во всем покоряться Аллаху. Поэтому человек, решивший следовать примеру Аллаха, может совершать практически любые поступки. Не потому ли история мусульманской религии знает примеры доброты и милосердия наряду с проявлением неоправданной жестокости в отношении тех, кто провозглашался «врагом ислама». В тех и в других случаях верующие были убеждены, что поступают в соответствии с духом ислама, тем более что образцом для них служил и милосердный, и жестокий, и всепрощающий, и мстительный творец.

Кроме веры в Аллаха мусульманин должен верить в существование ангелов и дьявола — Иблиса (иначе — шайтана), который, как и в христианстве, отказался почитать Аллаха и был им проклят. Задача дьявола —

сворачивать людей с истинного пути. Наряду с ангелами и дьяволом, по Корану, существуют также демоны (джинны). Кроме того, мусульманам предписывается верить в несотворенность (вечность) Корана и в пророков — посланников Аллаха, передавших людям «слово божье». Главные пророки, перекочевавшие из христианства в ислам, — Адам, Ной (Нух), Авраам (Ибрагим), Моисей (Муса), Иисус (Иса), а также «печать пророков», то есть наивысший из них — Мухаммед.

Еще один догмат ислама — вера в конец света и страшный суд. Предвестником конца света должен стать махди — вестник истинным путем, или вестник Аллахом, мессия. Он якобы восстановит справедливость на земле. Некоторые вожди мусульманских политических движений не только верили и верят в мессию, но и провозглашают себя махди. Это часто обеспечивает им широкую поддержку масс. Мессией объявил себя, например, Убейдаллах, основавший династию Фатимидов в Северной Африке в X в. Вождь происшедшего в конце XIX в. в Судане крупного восстания Мухаммед ибн Ахмед также называл себя махди.

Страшный суд, согласно исламской догматике, ожидает не всех. Некоторые из верующих могут попасть незамедлительно в рай, минуя это тяжелое испытание. Это касается прежде всего тех, кто сознательно отдает свою жизнь в священной войне — джихаде — за исламскую веру.

Понятие «джихад» имеет довольно широкое и противоречивое толкование в мусульманском мире. Бесспорным является лишь то, что ведение джихада — это чуть ли не одна из главных обязанностей мусульманина. Однако само слово «джихад» обозначает в арабском языке не войну, а старание, усилие. На русский язык это слово, как считает советский исламовед А. В. Сагадеев, было бы поэтому более точно переводить как борьба. Именно в таком контексте раскрывается и подлинная суть таких существующих в исламе понятий, как «джихад сердца», то есть борьба со своими собственными недостатками и дурными наклонностями; «джихад языка» — повеление благого и запрет дурного, «джихад руки» — соблюдение меры наказания в отношении преступников и, наконец, «джихад меча» — борьба за утверждение ислама. Между тем на Западе до сих пор преобладает чисто религиозное толкование джихада, под которым подразумевается так называемая священная война мусульман против неверных.

«Такое толкование, — подчеркивает А. Сагадеев, — неверно уже хотя бы потому, что любая война, которую вела мусульманская община, была священной, ибо в ней мирское формально не отделялось от религиозного. Неверно оно и потому, что в истории ислама, как и в истории христианства, едва ли найдется хоть один пример военных действий, которые бы велись исключительно в религиозных целях»¹.

Современные мусульманские теологи при толковании джихада как борьбы за достижение святых целей ислама делают акцент больше на мобилизации духовных усилий, нежели физических и материальных. Если вспомнить, что Саудовская Аравия и ряд других мусульманских государств неоднократно уже объявляли джихад в борьбе за ликвидацию, например, последствий израильской агрессии против арабских стран, особенно за освобождение Иерусалима и мусульманских святынь, не вступая в войну с Израилем, то такое иносказательное толкование священной войны, очевидно, более соответствует ее подлинной форме и содержанию.

Кроме того, по мнению ряда богословов, души тех, кто погиб в священной войне за веру, незамедлительно, не дожидаясь конца света, попадают в рай.

Эту мысль мусульманские богословы и политики внушали верующим в прошлом, так они нередко поступают и сейчас. Среди них, например, шиитские лидеры современного Ирана, разжигающие религиозный фанатизм среди солдат иранской армии, участвующих в войне против Ирака. Многие из этих солдат, ослепленные соблазнительной надеждой сразу же после своей гибели оказаться в раю, добровольно стали смертниками, выполняя волю стоящего у власти в стране мусульманского духовенства.

Кроме упомянутых догматов исламская религия требует от своих последователей верить в божественное предопределение. Согласно этому догмату, все происходящее в этом мире предопределено волей Аллаха, а дела людские якобы зафиксированы еще до сотворения мира на «вечно сохраняемой скрижали» (35: 25). В то же время в Коране есть аяты (стихи), допускающие определенную свободу воли человека. Утверждается, в частности, что от Аллаха исходят только добрые дела, а дурные — от человека (см.: 4: 80, 81).

¹ Сагадеев А. Джихад. — Наука и религия, 1986, № 6, с. 18.

Это противоречие, как и другие, имеющиеся в Коране, было вызвано конкретными историческими причинами. Так, в мекканский период деятельности Мухаммеда пророку было политически более выгодно отстаивать тезис о свободе воли. В дальнейшем же обстановка заставила его перейти к проповеди фатализма. Впоследствии этот вопрос также решался по-разному. Прокламировать фатализм, всеобщую предопределенность всегда было выгодно представителям консервативных сил, стремившимся посеять в массах пассивность, покорность, непротивление социальному злу, сохранить социальное неравенство, несправедливость и эксплуатацию как некий предопределенный свыше порядок, борьба против которого противоречит якобы воле Аллаха и в конечном итоге безуспешна.

Ислам не только требует от своих последователей верить в указанные догматы, но и предписывает им довольно жесткие принципы и правила поведения, соблюдение которых рассматривается богоугодным делом. Совокупность этих норм получила название «шариат» (шариа по-арабски — правильный путь к цели). Шариат включает культовые правила и правовые предписания.

Мусульманский культ основывается на пяти главных обязанностях (столпах веры) мусульман: повторение формулы веры (шахада) («ля иляха илля-ллях, Мухаммадун расулю-ллях» — «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха»); пятикратная молитва (салат); мусульманский пост (саум); милостыня в пользу бедных членов исламской общины (закят); паломничество в Мекку (хадж).

Относительная простота мусульманского культа и возможность прямого «общения» с божеством, безусловно, способствовали привлечению к исламу новых последователей, в том числе и из представителей других религий, в частности христианства.

Что касается системы шариатских предписаний, то она весьма тщательно разработана и довольно сложна. Предписания касаются практически всех сторон жизни мусульманской общины. Они определяют семейно-бытовые, имущественные, торговые, морально-правовые и прочие отношения.

Из Корана мусульманские богословы выводят и основополагающие принципы, призванные регулировать жизнь мусульманской общины. Одним из таких принципов считается братство. В среде верующих принято даже обращение друг к другу: «Брат мой!» Отношения братства

предполагают взаимопомощь, взаимную поддержку и солидарность всех членов мусульманской общины. Этот принцип обосновывается также одним из «столпов веры» — закатом, то есть милостыней, которой богатые должны делиться с бедными. Но об этом принципе вспоминают чаще всего только тогда, когда это выгодно богачам. Так, в Афганистане контрреволюционными элементами удавалось кое-где убедить афганских крестьян не брать землю, экспроприированную у помещиков, под тем предлогом, что, дескать, это будет означать преступление против брата по вере — феодала.

Еще один принцип, провозглашаемый шариа́том, предусматривает равенство. Все мусульмане, утверждают мусульманские богословы, равны, «как зубцы гребня». Этот внешне притягательный принцип, однако, на поверку оказывается весьма абстрактным. Во всяком случае, богатые и бедные интерпретируют его по-разному. Консервативные богословы, защищающие интересы эксплуататорских классов, трактуют равенство как равенство всех мусульман перед Аллахом. Напротив, прогрессивные силы и трудящиеся мусульмане склонны видеть в этом принципе прежде всего призыв к ликвидации имущественного неравенства. Вместе с тем этот принцип не универсален. Он распространяется фактически только на мусульман, да и то не на всех: права женщин-мусульманок, согласно шариату, значительно более ограничены, нежели мужчин.

По-разному трактуется и принцип справедливости в исламе. Богословы считают, что справедливость должна осуществляться с помощью исламского суда, выполняющего «волю Аллаха». Справедливым должен быть и сам «повелитель правоверных» — халиф, имам, султан и т. д. На деле шариатские суды, находящиеся в зависимости от власти имущих, как правило, решают все вопросы в их интересах. О «справедливости» же самих мусульманских правителей, живших в роскоши и остававшихся безразличными к страданиям и нищете своих подданных, говорить вообще не приходится.

Наконец, мусульманские богословы особенно гордятся принципом свободы, которую якобы утверждает истинный ислам. Он включает различные виды свободы — личную, политическую, гражданскую, социальную, моральную и религиозную. При тщательном изучении истории мусульманского общества нетрудно убедиться, что все перечисленные «свободы» неоднократно нарушались и нарушаются. Тезис о личной свободе, например, опровергается

положениями Корана, санкционирующими рабство и зависимость одних людей от других. Религиозная свобода — то есть свобода вероисповедания — не предполагает свободы совести, а следовательно, свободы неверия. Да и веротерпимость по отношению к «людям писания» — иудеям и христианам, а также к зороастрийцам и представителям других религий в халифате — не означала их полной свободы. Фактически представители других религий оказывались в зависимости от мусульман, так как были обязаны платить им весьма большие налоги и подати.

По вопросу трактовки всех этих принципов между различными течениями и направлениями в мусульманском мире на всем протяжении истории ислама шла и идет острая борьба. Представители прогрессивных сил обвиняют реакционных мусульманских лидеров в отходе от истинного ислама. Мусульманская реакция, со своей стороны, рассматривает теорию и практику прогрессивных исламских деятелей как ересь и искажение основных принципов ислама. Корень религиозных противоречий кроется, однако, не столько в «правильном» или «ложном» прочтении тех или иных исламских положений, сколько в социально-экономических и политических интересах различных сил и течений в мусульманском мире. Именно эти интересы в конечном итоге определяют, какое содержание вкладывается в те или иные предписания шариата или положения священных книг. Расхождения в подходе к мусульманской догматике и шариату сохраняются и будут сохраняться постольку, поскольку остаются неразрешенными социально-классовые противоречия, раздирающие мусульманский мир. Пока эти земные противоречия сохраняются, такие высокие принципы, как братство, равенство, справедливость и свобода, остаются лишь благими пожеланиями.

Так было в прошлом. Но еще более наглядно это можно проследить в зигзагах современных направлений ислама.

Ислам возник не только на стыке трех материков — Европы, Азии и Африки, но и, можно сказать, на историческом перепутье распадающегося рабовладельческого общества с сохранявшимися в Аравии родо-племенными отношениями и феодализма раннего средневековья. Догматы ислама использовались как для политического оправдания быстрого расширения границ его распространения, так и для утверждения новых социальных принципов. Не успев стать идеологией угнетенных низов (как

это было с первоначальным христианством или буддизмом), ислам с самого своего возникновения выступил в роли государственной религии. Поэтому главное внимание в нем фактически уже со времени переселения Мухаммеда из Мекки в Медину было уделено не столько морально-правственным и философским вопросам, сколько принципам социально-политического устройства и правовым аспектам жизни и деятельности мусульманской общины. Это обстоятельство, однако, сделало новую религию уязвимой: ее социальные и политические нормы и принципы оказались весьма подвижными. Некоторые из них начали устаревать уже во времена первых халифов. Необходимость пересмотра многих исламских норм предопределила впоследствии появление разнообразных течений и толков в мусульманстве. И хотя внешне это выглядело как чисто религиозное явление, в его основе лежали процессы социально-экономического порядка.

14539 С образованием обширного Арабского халифата в VII в. противоречия, возникавшие в мусульманской общине, стали обостряться. Они во все большей степени отражали усиливавшуюся борьбу за власть, а также чувства социального и политического протеста определенных слоев мусульманского общества. Религиозную окраску приобретали межплеменная и межнациональная рознь, различия в уровнях культуры народов, принимавших мусульманство, и т. д. Эти противоречия и различия внешне проявлялись как противоборство ортодоксальных и оппозиционных направлений и сект в исламе.

В затянувшейся на века то затухающей, то с новой силой вспыхивающей борьбе, как правило, брали верх и объявляли себя истинными, правоверными мусульманами приверженцы того направления ислама, которого придерживались власть имущие круги во главе с халифом или султаном, шейхом или королем, ханом или эмиром. Все остальные объявлялись еретиками — отступниками от истинной веры.

В мусульманских странах, где сохранились эксплуататорские отношения, господствующие режимы и ныне, независимо от формы государственного правления, стремятся с помощью ислама увековечить существующие порядки, примирить верующих с их бесправным положением, оправдать социальную несправедливость. Ссылками на Коран пытаются освятить классовое неравенство, представить богатство и власть имущих верхов и нищету бесправных низов как некое предписание или предопределе-

ние «великого и могущественного», «милостивого и милосердного» Аллаха.

Тот факт, что лозунги ислама, будь то в раннем средневековье или в конце XX в., используются различными, зачастую противоборствующими силами, доказывает лишь противоречивость самой мусульманской доктрины. В Коране, а тем более в различных комментариях к нему можно вычитать все, в чем заинтересованы те или иные классы, социальные группы и политические круги. При этом их лидеры и идеологи, апеллируя к религиозным ценностям, зачастую призывают вернуться к истинному первоначальному исламу, восстановить его якобы искаженный и потому утерянный подлинный смысл. Однако и этот истинный ислам в их трактовке выглядит по-разному. Неоднородным и внутренне противоречивым он, однако, был и на самом деле, с момента своего зарождения. Объяснение этому дает сама история происхождения и распространения мусульманской религии.

Что проповедовал пророк и насаждали его последователи

Географически ислам родился и вырос примерно там же, где возникли за несколько веков до него и получили распространение иудаизм и христианство. Это обстоятельство уже само по себе не могло пройти бесследно. Ислам воспринял многие идеи и положения этих древних религий. Жители крупнейших городов Западной Аравии, благодаря деятельности иудейских и христианских проповедников, были знакомы с идеей единобожия — главной в новой религии, отличавшей ее от традиционных языческих культов.

Согласно преданию, Мухаммед впервые выступил с проповедью новой религии в своем родном городе Мекке в 610 г. Однако добиться признания и успеха там ему не удалось. Род, выходящий из которого был новоявленный пророк, не пользовался особым влиянием среди верхушки мекканского общества. Долгое время его проповеди мекканцы оставляли без внимания. Достаточно безразлично к ним отнеслись и бедуины — жители соседних с Меккой районов, не желавшие отказываться от традиционных языческих культов в пользу сомнительной новой веры.

В своих проповедях, произнесенных в Мекке, Мухаммед отвергал языческих богов, которым поклонялись мек-

канцы, и утверждал единого бога: «...Нет божества, кроме Аллаха» (20:7). Но этот тезис не был воспринят мекканской знатью. Мекка в VII в. играла роль крупнейшего религиозного центра Западной Аравии, была местом паломничества для языческих аравийских племен. В этом городе находился храм Кааба, где были установлены идолы различных племенных богов. Расположенный возле Каабы источник воды — колодец Земзем — также считался священным. Державшая в своих руках священные места мекканская знать, прежде всего представители рода Омейя из племени курейш, получала от паломничества немалые материальные и политические дивиденды: торговля с паломниками и их обслуживание приносили большие доходы и укрепляли влияние мекканской верхушки в бедуинских племенах. Естественно поэтому, что курейшиты увидели в проповедях единобожия угрозу своему влиянию и материальному благополучию.

Не были особенно привлекательными и не удивляли мекканцев своей новизной и моральные нормы, провозглашенные Мухаммедом. В большинстве своем они соответствовали тем, которые были распространены среди арабов в этот период. Исключение составило лишь требование отказаться от закаливания в песок новорожденных девочек, которых считали лишними ртами, — обычай, практиковавшийся среди некоторых бедуинских племен в тот период.

Социальный заряд проповедей Мухаммеда в Мекке был довольно слабым, чтобы стать идейным знаменем угнетенных низов. В сурах Корана мекканского периода поощрялись в самом общем виде добрые дела, за которые новоявленный пророк обещал награды в потустороннем мире. В них фактически узаконивалось разделение общества на богатых и бедных (17:22), хотя чрезмерная страсть к богатству подвергалась осуждению (89:18—20). Мухаммед, кроме того, сулил «горе торговцам и ростовщикам», обманывавшим своих покупателей и клиентов. Естественно, что подобные призывы не могли консолидировать социальные движения мекканских низов.

Все эти обстоятельства привели к вполне закономерному результату: в Мекке проповеди Мухаммеда, несмотря на все его старания, не имели успеха. За двенадцать первых лет проповеднической деятельности Мухаммеду удалось привлечь на свою сторону лишь несколько десятков человек, нажив себе при этом массу врагов. Против пророка выступила верхушка курейшитов и даже некоторые

члены его собственной семьи. Отчаявшись привлечь к новой религии мекканцев, Мухаммед пробовал попытаться в других городах Аравии. В частности, он выступил с проповедью новой религии в Таифе, но был с позором изгнан оттуда и с трудом добился разрешения вновь вернуться в Мекку. Но и из Мекки, в конце концов, вместе с группой своих приверженцев (мухаджиров, буквально переселенцев) ему пришлось бежать. На этот раз он направился в Ясриб (старое название Медины), где ему сопутствовала большая удача.

Переселение (хиджра) в 622 г. первых мусульман в Медину, торговую соперницу Мекки, сыграло решающую роль в успехе проповедей Мухаммеда. Обладавший незаурядным, как отмечают многие исследователи, умом, он сумел весьма тонко и умело использовать объективные противоречия, существовавшие между двумя городами. Мекка, расположенная на пересечении караванных путей из Йемена в Палестину, Ирак, Египет и связанная морем с Восточной Африкой, к тому времени уже превратилась в крупнейший торговый центр Западной Аравии. Многие будущие известные деятели ислама, жившие в Мекке, пережили немалые состояния на караванной торговле. Процветало в Мекке также ростовничество: богатые купцы под высокие проценты ссужали деньги всем тем, кто жаждал приобщиться к весьма выгодному торговому делу.

Медина оспаривала у Мекки приоритет в торговле. Кроме того, мединские земледельцы и ремесленники, обращаясь за ссудами к мекканским ростовщикам, зачастую попадали в кабальную зависимость от них. Социально-экономические противоречия между Меккой и Мединой, их соперничество нередко выливались в вооруженные стычки и конфликты между жителями двух этих городов.

Проповеди Мухаммеда призывали сторонников новой религии сражаться с теми, кто не желает принимать ислам. И хотя в них прямо не указывалось на мекканцев, для жителей Медины подобный призыв имел вполне однозначный смысл. Как свидетельствуют источники того времени, немало мединцев (как, впрочем, впоследствии и жителей Мекки, и других городов) примкнуло к новому учению не потому, что поверило в него, а потому, что это было выгодно им прежде всего по политическим мотивам. Ислам, таким образом, на самом первом этапе своего распространения стал идеологическим выражением настроений мединских арабов в отношении их экономически более сильных соперников в Мекке.

В своем учении новый пророк выступил провозвестником новой общности людей, основанной не на кровном родстве, а на единой вере. Для жителей Медины, раздираемой межплеменными противоречиями, призыв к объединению означал прежде всего объединение усилий в борьбе против общего врага — мекканской верхушки. И мединцы довольно скоро осознали выгоды такого объединения. Благодаря деятельности Мухаммеда и его сторонников удалось довольно быстро прекратить острое соперничество между главными мединскими племенами, с одной стороны, и исповедовавшими иудаизм арабскими племенами кейнука, курейза и надир — с другой. Мухаммед понимал также, что, пока новое движение еще не набрало силу, оно нуждалось в поддержке других приверженцев единобожия — иудеев и христиан, чьи религиозные общины в Медине и других районах Западной и Северной Аравии были довольно значительными. Поэтому Мухаммед объявил последователей иудаизма и христианства «людьми писания» и позволил им продолжать исповедовать свою религию.

Врагами новой религии, которых следовало либо обращать в ислам, либо истреблять, объявлялись только язычники-идолопоклонники. Такая постановка вопроса призвала мединцев отбросить свои внутренние раздоры и ясно указывала им цель борьбы: захват языческой Мекки и установление своего торгово-экономического господства в Западной Аравии.

Так, вследствие конкретных исторических условий, существовавших в Аравии в момент зарождения новой религии, формировалось отношение ислама к другим культам: терпимость к «людям писания» — иудеям и христианам и нетерпимость к язычникам и безбожникам.

Такая линия прослеживается в религиозно-политической жизни мусульманского Востока вплоть до наших дней. На протяжении веков мусульмане и христиане, например, мирно сосуществовали и сосуществуют на единой территории в Египте, Сирии и в других странах. Так было до 1975 г. и в Ливане. Даже в тех государствах, где у власти находятся наиболее бескомпромиссные приверженцы ислама (например, в современном Иране), религиозные и политические права представителей других вероисповеданий в определенной мере уважаются. По конституции Исламской Республики Иран, последователям христианства выделено два места в меджлисе (парламенте), а представителям иудаизма и зороастризма — по одному.

И напротив, «безбожникам», в разряд которых зачисляются порой совершенно разные политические течения — как правые, так и левые, — зачастую объявляется джихад — священная война.

Проповедь Мухаммеда, призывавшая верующих объединиться независимо от их этнической и племенной принадлежности, давала новый импульс объективным социально-экономическим и политическим процессам.

Довольно скоро и мекканская правящая верхушка поняла выгоды принятия ислама. Мекка со своим храмом Кааба получила статус крупнейшего исламского религиозного центра. Тем самым Мухаммед оставил в силе традицию паломничества в этот город. Это было выгодно для мекканских торговцев и ростовщиков. Более того, ислам обещал умножить их прибыли. Ведь новая религия распространялась вширь, охватывая не только соседние с Меккой, но и дальние районы.

Многие бедуинские племена Аравии принимали ислам добровольно, хотя это фактически вело к потере их политической и экономической независимости. Они не только признавали своим вождем Мухаммеда, но и обязывались платить дань в фонд мусульманской общины, а также исламский религиозный налог — закят. Мусульманские богословы это явление часто объясняют тем, что широкие массы арабского населения якобы прозрели, увидели свет истины, заключенный в исламе, и потому приняли новую религию. Однако исторические факты свидетельствуют о другом: новая религия принималась постольку, поскольку это было выгодно ее новым последователям, прежде всего племенной верхушке. Многие новообращенные заявляли о своей верности исламу, даже не удосуживаясь познакомиться с его основными догматами. По поводу такого формального принятия ислама часто сетовал и сам Мухаммед.

Еще в своих мединских проповедях пророк разграничивал «поистине уверовавших» и лицемеров, которые, притворяясь, что поверили, ищут для себя выгоду в присоединении к мусульманской общине. Не случайно в Коране появились даже два специальных термина — «му'минун» (верующие) и «муслимин» (покорные, подчиняющиеся). В одной из коранических сур, названной «Лицемеры», Мухаммед с гневом обрушивается на тех, кто ищет выгоды в исламе, фактически не уверовав в Аллаха. Исключительное внимание пророка к этой проблеме говорит о том, что число подобных «лицеме-

ров» среди новообращенных мусульман было достаточно велико.

Что же заставляло бедуинские племена Аравии принимать ислам или зачастую просто делать вид, что они уверовали в Аллаха? Какие же экономические и политические выгоды они извлекали из этого, ради чего соглашались даже на ущемление собственной свободы и выплату дани?

Политическая подоплека «божественных откровений»

Главной и первостепенной задачей ислама было приобщение к новой религии все новых и новых народов. Предпочтение при этом отдавалось мирному пути, на основе добровольного перехода последователей других вероисповеданий в мусульманство. Однако против тех, кто не хотел принимать ислам, согласно проповедям Мухаммеда, должна была объявляться священная война — джихад.

Таким образом, ислам санкционировал захватнические войны против соседних народов. Участие в подобных военных операциях в случае их успеха сулило огромные выгоды для арабских кочевых племен, в том числе и для рядовых членов общины.

Причины подобных войн были заложены в социально-экономических особенностях развития Аравии. Многие бедуинские племена, составив главную ударную силу мусульманского войска, благодаря огромной военной добыче быстро обогащались. Племенные вожди входили в экономически и политически господствующую элиту, которая утверждала и распространяла свою власть на покоряемых территориях с помощью меча и Корана. Вместе с религиозными догмами насаждались и новые законы, и государственные структуры.

Основным источником мусульманской догматики, как уже говорилось, был и остается Коран. Слово «коран» происходит от арабского корня кара'а, что означает «читать». Коран, согласно мусульманскому учению, — это сборник откровений, ниспосланных Аллахом через архангела Джабраила (Гавриила) Мухаммеду, которые пророк затем излагал людям. Первое откровение Мухаммед получил во время месяца рамадан, который впоследствии стал месяцем мусульманского поста. Все суры Корана, согласно

преданию, носят божественный характер. Однако в их содержании и форме прослеживается прямая связь с реальными событиями и условиями, в которых находились пророк и мусульманская община в тот или иной момент. Откровения Мухаммеда, хотя и выдавались за божественные, имели, как правило, земную основу. Жизнь не стояла на месте, она изменялась, соответственно изменялись стиль и содержание коранических проповедей, порождая определенные противоречия в Коране. Первое из них определялось тем, что из преследуемого, окруженного недоброжелателями и врагами, непонятого в Мекке пророка Мухаммед превратился в главу сильной религиозно-политической общины в Медине. Еще во время жизни Мухаммеда, в период, когда формировались основные постулаты новой религии, Коран превращался в идеологический, нравственно-правовой документ, регламентирующий жизнь мусульманской общины, представляющей собой зародыш нового, теократического государства. Священная книга не поощряла стремления уйти из земной жизни, а нацеливала мусульман на выполнение определенных функций в реальном мире. Поэтому Коран и смог впоследствии сыграть роль регулятора общественно-политических, правовых и экономических отношений.

Поскольку некоторые из более ранних предписаний, данных пророком, со временем устаревали, Мухаммед иногда отменял старые откровения и провозглашал новые, более соответствующие данному моменту. Введение новых стихов получило даже соответствующее освящение в самом Коране (2:100). Таков еще один источник противоречий в «божественном откровении» мусульман.

Третий источник противоречий в Коране — его редактирование. При жизни Мухаммеда все его проповеди существовали в устной форме. Их знали наизусть, частично или полностью, его ближайшие сподвижники, а также люди, которых именовали кари (множественное курра — чтецы). Лишь некоторые из поучений Корана записывались последователями Мухаммеда на пальмовых листьях, пергаменте и т. д. Только после смерти пророка, при первом халифе Абу Бакре¹ (управлял общиной мусульман с 632 по 634 г.), была предпринята попытка собрать воедино все откровения пророка.

¹ Халиф (по-арабски преемник, заместитель) — руководитель мусульманской общины, совмещающий в своем лице всю религиозную и светскую власть.

Окончательная канонизация коранического текста произошла уже при третьем халифе — Османе (644—656 гг.). При этом часть изречений и высказываний пророка была, по-видимому, выпущена из текста или преднамеренно уничтожена. Известно также, что наряду с основным списком Корана существовали другие, составленные сподвижниками Мухаммеда. Они отличались от канонического текста количеством сур, не во всем совпадали с ним текстуально и лексически. Впоследствии все списки, отличавшиеся от канонической версии Корана, были, по всей вероятности, уничтожены. Таким образом, между проповедями Мухаммеда в их первоначальном виде и официально канонизированным текстом есть различия. Насколько они существенны, установить невозможно. Можно лишь попытаться ответить на вопрос о том, в каком направлении мог быть изменен первоначальный текст откровений пророка и руководствуясь какими критериями составители канонического текста принимали или отвергали те или иные формулировки или предписания.

В Коране немало аятов, оправдывающих социальное и имущественное неравенство, существовавшее в мусульманской общине. «Мы разделили среди них (людей. — А. Г.) их пропитание в жизни ближней и возвысили одних степенями над другими, чтобы одни из них брали других в услужение», — утверждается в священной книге мусульман (43:31). От верующих требуется полное повиновение власти имущим (4:62). Тяжкие кары сулит Коран тем, кто посягает на чужую собственность: «И не простирай своих глаз на то, чем Мы наделили некоторые пары их — расцветом жизни здешней, чтобы испытать их этим» (20:131).

Однако новая идеология, чтобы не лишиться поддержки рядовых верующих, должна была в какой-то мере отразить интересы трудящихся. Полное изъятие из Корана положений, защищающих социальную справедливость и равенство мусульман, могло породить широкие протесты тех, кто был свидетелем проповедей Мухаммеда или знал их из близких к пророку источников. Такого рода положения содержались главным образом в проповедях, произнесенных пророком в Мекке, когда он противопоставлял себя знатым и богатым курейшитами и обращался к мекканской бедноте. И хотя «социальный заряд» подобных положений, вероятно, был несколько ослаблен в ходе редактирования текста священной книги, многие из них вошли в нее. В Коране богатым мусульманам предписы-

вается делиться частью своих средств с немущими (9:60; 58:14), давать свободу рабам (90:13), кормить обездоленных (69:34, 90:16). Имеются аяты, осуждающие богатство (43:34) и ростовщичество (2:276, 3:125, 17:37, 83:13).

Таким образом, Коран по своему содержанию весьма противоречив. Даже сами мусульманские богословы насчитывают в нем более двухсот противоречий. В силу этого сама священная книга мусульман могла стать и действительно стала основой для различных по своей социальной и политической направленности действий — от прогрессивных до крайне реакционных.

Запутанность и противоречивость коранических текстов вызвали к жизни целый специальный раздел в мусульманском богословии — тафсир (по-арабски — разъяснение, толкование, интерпретация). Роль тафсира возрастала по мере того, как положения Корана в их буквальном прочтении все более устаревали, становились явным анахронизмом. Особенно нелепо начинали выглядеть те коранические стихи, где объяснялись устройство и происхождение вселенной и земли, описывались различные чудеса и т. д. В конце концов многие мусульманские богословы стали утверждать, что коранические положения следует понимать не буквально, а иносказательно. Оказалось не так уж сложно найти в Коране аллегорическое толкование или обоснование любого явления или процесса современной жизни и человеческого знания. Слова «И посмотри на своего осла...» (2:261) интерпретируются, например, некоторыми современными мусульманскими богословами как требование изучать анатомию. Описанное в Коране обращение Аллаха к земле и небесам: «Приходите добровольно или неволью!» (41:10) трактуется как обоснование закона всемирного тяготения. Но не только «обоснование» современных научных данных с помощью Корана заботит мусульманских богословов. Наиболее важной для них остается кораническая интерпретация социально-экономических и политических явлений. В Турции, Пакистане, Судане, Иране, например, мусульманские богословы выдвигают теории так называемой исламской экономики. Некоторые мусульманские богословы и мелкобуржуазные лидеры усматривают в священной книге истоки социализма и даже коммунизма, провозглашают Мухаммеда первым социалистом и т. д. С помощью ссылок на Коран реакционные мусульманские деятели обосновывают репрессивные действия против коммунистов, объявляя

их неверными или врагами ислама. В Коране ищут и находят указания, оправдывающие тот или иной тип государственного устройства. Прямого указания на ту или иную государственную или политическую систему в Коране, однако, нет. Но и в этом факте мусульманские богословы усматривают мудрость Аллаха: если бы Коран отдавал предпочтение той или иной форме государственного устройства, то это затормозило бы эволюцию мусульманского общества, не давало ему возможности развиваться. Другими словами, Аллах якобы благословил людей самым избирать ту или иную политическую систему.

Раскол и противоборство

Чем шире распространялся ислам и чем больше он приобретал сторонников, тем очевиднее становилось, что править государством и разрешать все общественные и социальные проблемы, основываясь лишь на коранических текстах, невозможно. Понадобились другие источники, которые регламентировали бы обычаи и правила поведения членов мусульманской общины. Важнейшим из них стала сунна, по-арабски — путь, образец. Она основывается на рассказах (хадисах) о поступках и высказываниях пророка Мухаммеда в различных жизненных ситуациях.

В ходе передачи преданий от поколения к поколению в устной и письменной форме хадисы изменялись, теряя или приобретая различные подробности. На них неизбежно оказывали влияние традиции и обычаи тех народов, среди которых распространялся ислам.

Так же как и содержание Корана, содержание сунны весьма противоречиво. Отсюда возможность любой интерпретации содержащихся в сунне положений для оправдания различных политических действий. Существовало много сборников хадисов, из которых общепризнанными считаются шесть. Большинство мусульман рассматривает сунну вторым после Корана документом, регламентирующим всю религиозную и общественную деятельность. От слова «сунна» происходит название основного направления в исламе — суннизма. Что касается другого — шиизма (от арабского слова «шаа» — присоединяться к кому-либо), то его сторонники отвергают многие хадисы, противопоставляя им свое собственное «священное предание», которое носит название ахбар (сообщения).

По мере развития мусульманского общества перед богословами, однако, вставали проблемы, не предусмотренные авторами Корана и сунны. Чтобы их решить, потребовались другие источники мусульманского права, в первую очередь так называемые кыяс (сопоставление) и иджма (согласие, решение сообща). Смысл кыяса состоит в том, что заключение по какому-либо вопросу находится по аналогии с Кораном или сунной. Однако широкое применение кыяса часто вызывало разногласия и раздоры в мусульманской общине. Чтобы их избежать, было решено, что кыяс следует применять только в тех случаях, когда по данному вопросу имеется общее мнение авторитетных богословов — иджма.

Таким образом, основными источниками мусульманского права стали Коран, сунна, кыяс и иджма. Постепенно они были приняты всеми суннитами. Однако конкретная практика применения кыяса и иджмы все еще порождала разногласия. Это привело к тому, что в суннитском исламе появилось несколько религиозно-правовых толков, или школ (мазхабов). В настоящее время их существует четыре, называются они по именам их основателей: ханифитский, маликитский, шафиитский и ханбалитский. Они различаются между собой в трактовке ряда аспектов права и обрядовой практики, хотя и не выходят за рамки суннитского ислама. Свои системы права имеют и представители второго основного направления в исламе — шиизма.

Формальным поводом раскола в исламе на суннитов и шиитов стали различия и споры о правонаследии главы мусульманской общины. Представители суннизма, ставшего ортодоксальным направлением ислама и идеологической платформой будущего халифата, выступали за выборность халифа. Подобный факт закамуфлированной политизации ислама как бы оправдывал совершенный захват власти в халифате. Шииты, придерживаясь принципа наследования духовных вождей мусульман, требовали, чтобы во главе мусульманской общины находились духовные лица из числа прямых наследников Мухаммеда. Позднее противоречия между двумя направлениями ислама разрастались, углублялись и неоднократно выливались в вооруженную борьбу между приверженцами обоих направлений.

Отношение мусульманского духовенства к существующим политическим режимам и их роль в общественной жизни во многом определяется особенностями вероучений обоих направлений ислама — суннизма и шиизма. Своими

корнями эти «стволы» с многочисленными побегами и ветвями уходят глубоко в историю. Догмы суннизма, укоренившиеся в феодальной системе, допускают сосредоточение государственной и духовной власти в руках как светского, так и духовного лица. И тот и другой могут объявить себя «властителями мусульман». Суннитское духовенство почитает такого главу государства и добросовестно ему служит. Религиозная ортодоксальность в значительной степени обуславливает и политическую терпимость суннитов. Суннитское духовенство, как правило, стремится ужиться с существующими режимами, приспособиться к ним.

Шиизм возник в начале второй половины VII в. и развивался как оппозиция ортодоксальному направлению, как религия бунта против злоупотреблений властью. В исторических условиях Ирана и ряда других стран он был идеологией антифеодальной борьбы. Шиитское духовенство всегда отказывало светскому главе государства в праве объявлять себя духовным вождем. Шииты считают, что духовная власть должна быть выше светской. Вот почему на протяжении своей истории они борются против монопольного господства светской власти. Шииты настаивают на соединении духовной и государственной власти в лице духовного вожда — имама, представляющего Аллаха и пророка Мухаммеда на земле.

Основные причины противоборства между суннитами и шиитами кроются не в религиозных расприх. Шиизм возник на почве ожесточенной борьбы за верховную власть в халифате. Начало шиизму положила группа сторонников Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда. Они отстаивали исключительное право Али на титул имама и халифа. Однако курейшитская аристократия не признала Али в качестве нового халифа. Она обвинила его в соучастии в убийстве Османа. Вскоре и он был убит в мечети в г. Куфа (современный Ирак), а халифом был провозглашен ставленник курейшитов. Оба сына Али также погибли в борьбе за власть.

В ходе столкновения между курейшитами и сторонниками Али выделилась самостоятельная группа мусульман, получившая название хариджитов (повстанцев). Выступая против курейшитов, они в то же время не поддерживали Али, пытавшегося найти компромиссное решение возникшего конфликта с его противниками. Отколовшись от сторонников Али, хариджиты повели вооруженную борьбу как против суннитских халифов, так и против шиитов.

Не случайно возникновение новых движений, течений и сект в исламе приходится, как правило, на годы наиболее острых социальных и экономических потрясений. Примером этому служит и возникновение секты хариджитов.

Советский исламовед Е. А. Беляев отмечал, что поддержку рядовыми мусульманами этого движения обеспечили прежде всего «социально-политические принципы хариджитов, выражавшие стремление трудящихся масс к освобождению от гнета, эксплуатации, насилий и произвола местных феодалов»¹. Хариджиты выступили с лозунгом равенства всех мусульман — арабов и неарабов. Халиф, по их убеждению, должен избираться общиной. Лозунги хариджитов и в первую очередь призыв к равноправию всех мусульман приобрели популярность как среди арабов, так и среди неарабских народов халифата.

Хариджиты вели вооруженную борьбу за осуществление провозглашенных ими целей, объявляя «священную войну» мусульманам, не признававшим их политические установки. Крайний фанатизм хариджитов, однако, привел к тому, что они постепенно распространили свои методы кровавых расправ с инакомыслящими мусульманскими лидерами на рядовых верующих, включая стариков, женщин и детей. Это привело к падению их влияния на массы.

Раскол мусульман на суннитов и шиитов, происшедший в VII в. и продолжающийся поныне, породил определенные различия между ними и в подходе к самой исламской доктрине, и в трактовке различных вопросов культа. В конечном итоге большая часть особенностей шиитской доктрины и культа порождена конкретными историческими причинами.

Гибель Али и его сыновей Хусейна и Хасана способствовала появлению в шиизме культа мучеников. Первый месяц мусульманского лунного года — мухаррам, когда был убит Хусейн, у шиитов является временем горя и печали. В первые 10 дней месяца (дни ашура) они чтут память своих «величайших мучеников» — имамов. Происходят траурные шествия, разыгрываются религиозные мистерии, изображающие битву при Кербеле и гибель от рук суннитов Хусейна. Кербела, где похоронен Хусейн, и Неджеф, где находится могила Али, стали для шиитов центрами паломничества и городами, не менее священными, чем Мекка и Медина для всех мусульман.

¹ Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966, с. 162.

Не признавая власти над мусульманами суннитских халифов, шииты создали свою генеалогию верховных руководителей мусульман — имамов. В суннизме имамом всех мусульман является сам халиф — избираемый или назначаемый людьми, духовный и светский глава государства. Шиитский же имам становится им не по воле людской, а в силу некоей божественной субстанции, переданной якобы через Мухаммеда и Али всем их потомкам.

Род Али образовал целую династию имамов. Большинство шиитов, их еще называют двенадцатичными шиитами, имамами или джафаритами (по имени шестого имама Джафара), признают двенадцать имамов. Они считают, что последний, двенадцатый имам не умер, а был «скрыт» Аллахом, с тем чтобы вернуться в качестве мессии (махди) и установить высшую справедливость и благодать на земле. Это произошло в 874 г. С той поры начался период «сокрытия» имама, который продолжается и поныне. В это время руководство мусульманской общиной должны взять на себя высшие духовные авторитеты шиитов. В настоящее время такой авторитет для иранских шиитов — аятолла (по-арабски — знамение Аллаха) Хомейни. В идеологической борьбе против суннитских халифов шииты пытались использовать и саму священную книгу мусульман — Коран. Для этого они прибегли не только к собственной интерпретации некоторых коранических стихов с целью возвеличивания роли Али и его преемников. Шиитские богословы даже добавили в Коран суру (главу) под названием «Два светила» (имеются в виду Мухаммед и Али).

В течение многих веков шиизм служил знаменем не только религиозной, но и политической оппозиции властям. Под флагом шиизма возникали народные движения. Шиитская доктрина, считавшая светских правителей и суннитских халифов «узурпаторами власти», была удобной идеологической платформой для таких движений. А поскольку массовое сознание было религиозным, эти движения легко приобретали шиитский характер, а их вожди становились новыми пророками. Шиизм преследовался халифами в течение длительного времени. Поэтому его учение разрабатывалось тайно. Это породило такую особенность шиизма, как право его приверженцев скрывать свою религиозную принадлежность (такыйя). В случае опасности для своей жизни или веры шииту разрешается скрывать свои убеждения. Практика такойи была весьма распространена в Арабском халифате времен правления династии Омейядов, а затем — Аббасидов, когда шиитов,

особенно их имамов, преследовали и физически уничтожали.

Возникнув как однородное движение, шиизм со временем перестал быть таковым, расколовшись на многочисленные течения и секты. Не удалось избежать этого и суннизму, хотя в целом на протяжении истории он оставался более однородным, нежели шиизм. Сейчас в рамках суннизма наряду с ортодоксальными суннитами имеются и представители двух других суннитских течений — ваххабитов и сенуситов. Ваххабизм и ныне является официальной формой ислама в Саудовской Аравии. Сенуситы сохранились в некоторых странах Северной и Западной Африки. В VIII—XII вв. в рамках суннизма существовало и третье течение — мутазилитов, к настоящему времени прекратившее свое существование.

Ваххабизм возник в XVIII в. в Аравии и был связан с объединительным движением арабов, направленным против господства турецких султанов. Идеологию ваххабизма поддерживали представители рода Саудидов, возглавившие борьбу за объединение арабских племен и княжеств Аравии и образование государства. Ваххабиты проповедовали возврат к чистоте первоначального ислама, осуждали поклонение мусульманским святым местам как пережиток многобожия, требовали от мусульман следовать аскетическому образу жизни.

За возврат к чистоте раннего ислама ратовали и основатели секты сенуситов, возникшей в Мекке в 1837 г. Впоследствии центр сенусизма переместился в Киренаику (Ливия). Сенуситы возглавили борьбу против итальянских колонизаторов в Ливии в начале XX в. Однако их руководители, выступавшие за равенство всех членов мусульманской общины, вскоре сами превратились в феодалов, эксплуатировавших рядовых мусульман. Религиозный и военнополитический лидер сенуситов Идрис ас-Сенуси стал в 1951 г. королем независимой Ливии. В 1969 г. он был свергнут М. Каддафи и другими прогрессивными офицерами. Идеалы первоначального сенусизма, однако, продолжают жить в народной традиции, в первую очередь, среди кочевников и крестьянства ряда районов Ливии, Египта, Судана и некоторых других стран.

Среди наиболее многочисленных и влиятельных шиитских течений — исмаилизм. Он возник в 762 г., когда шестой шиитский имам Джафар передал право на имамат своему младшему сыну. Часть шиитов не согласилась с этим и считает седьмым законным (последним) имамом

старшего сына Джафара — Исмаила, по имени которого и стала называться новая секта.

В 1021 г. от исмаилитов откололись друзья, почитающие фатимидского халифа Хакима и ожидающие его второго пришествия. Большинство друзей проживает сейчас в Сирии, Израиле и Ливане. Друзы составляют массовую базу созданной в 1949 г. в Ливане Прогрессивно-социалистической партии.

В середине IX в. возникла также шиитская секта алавитов (или нусайритов). Учение алавитов близко к учению исмаилитов, но включает элементы христианства и народных домусульманских верований.

В настоящее время алавиты живут главным образом в северо-западной части Сирии (в провинциях Латакия, Хомс), где их число оценивается в 400 тыс. человек. Алавитская община имеется также в Турции.

Различные социально-политические движения, принимавшие религиозную форму и становившиеся основой для возникновения новых сект, возникали в шиизме не только в средние века, но и в новое время. Так, в XIX в. в среде иранских шиитов возникло движение бабидов, названное так по имени его вождя, объявившего себя Бабом, что значит «врата» откровения, через которые людям откроется якобы новая вера и явится махди (мессия). Баб утверждал необходимость коренного преобразования государства и общества. Он попытался заменить устаревшие, по его мнению, Коран и шариат своим собственным сочинением, названным им «Бейан» (откровение). Причиной несчастий и несправедливости, испытываемых людьми, он считал светские и духовные власти, которые отстаивают старые порядки.

Антифеодалная направленность учения Баба в известной мере соответствовала чаяниям и интересам народных масс, протестовавших против шахского самодержавия, гнета феодалов и проникновения в страну иностранных колонизаторов. Поэтому его поддерживали многие представители средних и низших слоев иранского общества. По стране прокатилась волна восстаний, которые были жестоко подавлены шахским режимом. Сам Баб в 1850 г. был казнен, а его сторонники ушли в подполье.

Во второй половине XIX в. в Ираке в среде бабидов, бежавших из Ирана от преследований шахского правительства, возникла секта бехаитов. Ее основатель, объявивший себя Бехауллой (по-арабски — блеск Аллаха), пророком, хотя и призывал к равенству, единству всех людей, на деле

отошел от демократических идеалов бабидов. Его учение объективно отражало взгляды нарождавшейся иранской буржуазии. Утверждая, что все люди являются братьями, Бехаулла проповедовал смирение и отказ от борьбы. В XX в. его последователи перешли к отрицанию принципов национального суверенитета и насаждению идей космополитизма. В условиях современного подъема национально-освободительного движения в Азии и Африке бехаиты стали терять своих приверженцев в странах Востока. Объективно это было вызвано тем, что они фактически выступают в поддержку империализма и проповедуют западный образ жизни в этих районах. Большинство бехаитов проживает ныне в Западной Европе и США.

Уже на первых этапах возникновения ислама в нем появилось мистическое направление — суфизм. Его приверженцы — религиозные аскеты-мистики (дервиши) — носили грубую шерстяную одежду (по-арабски шерсть — суф), откуда это течение, вероятно, и получило свое название.

Суфизм возник как альтернатива официальному исламу и отражал интересы городской, а впоследствии и сельской бедноты, недовольной своим положением в обществе. Суфизм, тесно связанный с народной религиозной традицией, противопоставлял существующей действительности и официальной религии путь самосовершенствования, пренебрежения мирской жизнью и отречения от всех ее благ во имя мистического единения с Аллахом.

Поскольку суфизм проповедовал не борьбу против существующих порядков, а бегство от действительности, его приверженцы не подвергались преследованиям со стороны властей и официального ислама. Многонациональные суфийские ордены (тарикаты) существуют ныне практически во всех странах мусульманского мира.

Штатные и нештатные «слуги Аллаха»

В известном и, наверно, никогда не разрешимом споре всех верующих и приверженцев различных сект — «чье вероисповедание лучше» — почитатели ислама считают его «самой демократичной» религией. В доказательство выдвигается несколько доводов, один из них — это то, что, в отличие от христианства и буддизма, уж не говоря об иудаизме, у мусульман нет так называемого штатного духовенства. Ислам и административная власть, дескать, независимы друг от друга.

В исламе не существует вообще как таковой церкви с ее четкой иерархией и стройной организацией. Нет ни единого религиозного центра, ни высшего общепризнанного духовного руководителя, подобно римскому папе у католиков или патриарху в православной церкви. Считается, что мусульманские общины и секты действуют самостоятельно, никому не подчиняясь. Да и существующие в различных мусульманских странах или в отдельных районах исламские центры хотя и выполняют функции, аналогичные христианской церкви, но якобы не связаны между собой и функционируют тоже независимо друг от друга. Мечети будто бы не стоят «над» мусульманской общиной. В них нет ни постоянного прихода, ни прихожан.

Мусульмане могут молиться не обязательно в мечетях. Они вправе «обращаться» к Аллаху непосредственно, не прибегая к услугам священнослужителей. Если все мусульмане — «рабы Аллаха», то священнослужители должны быть еще и самыми ревнивыми «слугами Аллаха». Но ни по чьей-то воле или назначению, а только по «велению сердца» и «зову души». Они якобы служат только Аллаху, а не государству. А раз так, то они, мол, не являются и посредниками между верующими и официальными властями.

Подобные доводы обосновывают главный вывод: каждый мусульманин, «напрямик общающийся с Аллахом», также непосредственно через ислам связан и с государственной властью. Ислам для него не только религия и образ жизни, это и своеобразная «освященная» Аллахом форма общения и прямой связи мусульман с государством и политикой. «Демократизм» ислама выступает, таким образом, как бы отражением «демократизма» самих государств, управляемых от имени Аллаха его «слугами». К штатным слугам относят тех, кто находится на государственной службе, к «нештатным» — тех, кто «служит» якобы только Аллаху.

Так ли это на самом деле?

Хотя сам термин «исламское духовенство» применительно к мусульманским богословам не совсем правомочен, тем не менее он широко используется. Армия исламских богословов не очень многочисленна, но они представляют собой влиятельную общественную силу во многих странах Азии и Африки. До сих пор они пользуются большим уважением как авторитетные знатоки теологии и мусульманского права не только среди верующих. С ними считаются и советуются по важным проблемам, в том числе и поли-

тическим, монархи и профессиональные политики. В ряде мусульманских стран духовенство приобрело даже больший политический вес, чем светские политики. Привилегированное положение и влияние мусульманского духовенства обусловлены не столько его богатством, сколько самой историей ислама как наиболее «политизированной» религии. Можно привести немало примеров того, как мусульманские религиозные деятели оказывают непосредственное влияние на огромные массы людей, используя их религиозный фанатизм в своих не столь уж бескорыстных целях.

Формально мусульманские богословы считаются равными перед Аллахом. Однако их авторитет неодинаков в мусульманской общине, и занимают они разное положение в обществе. Неодинаков и их политический вес в разных мусульманских странах. Во многих из этих стран нет высшего мусульманского органа, руководящего деятельностью духовенства, эту роль берут на себя министерства по делам религии и вакуфов¹ или специальные отделы в каких-то иных министерствах (например, отдел религии в министерстве юстиции).

Мусульманские богословы в большинстве стран принимают деятельное участие в политической жизни. Исламу как религии вообще свойственны политическая активность и наступательность. В роли религиозно-политических идеологов, однако, особенно в последнее время, выступают не только собственно представители духовенства. Ислам как средство политической борьбы используется и светскими политиками, которые с помощью религиозных лозунгов пытаются оказать политическое воздействие на широкие массы. Нередко духовенство действует заодно с политиками. Их позиции формируются воздействием не только классовых, но и узкоклановых интересов.

Несмотря на отсутствие у мусульманских богословов официальной строгой субординации, определенную иерархию можно выявить. В каждой мусульманской стране существуют, например, общепризнанные духовные авторитеты, своеобразная элита духовенства. Ее представители — это, как правило, выходцы из феодально-помещичьей среды. Эти люди владеют большими состояниями, обширными земельными угодьями, недвижимым имуществом. Многие из них связаны с торговыми и финансовыми кругами.

¹ Вакуф — имущество, переданное владельцем на религиозные или благотворительные нужды общине, государству или частному лицу.

Земля, передаваемая государством в пользование религиозной общине, также становится дополнительным источником для обогащения высшего духовенства. Оно устанавливает к тому же прочные связи с высокопоставленными чиновниками, что позволяет ему не только пользоваться различными привилегиями, но и оказывать заметное влияние на принимаемые властями решения. К элите духовенства относятся прежде всего ведущие улемы — наиболее авторитетные богословы и законоведы, имамы крупнейших мечетей, шейхи — руководители мусульманских общин и орденов.

В суннитском исламе наиболее авторитетные богословы — специалисты в сфере мусульманского права — муфтии. Они обладают правом вынесения решения (фетвы) по важнейшим религиозно-юридическим вопросам на основе шариата. В каждом мусульманском государстве, где существует крупная суннитская община, имеется главный, или верховный, муфтий. К верховным муфтиям обычно обращаются государственные руководители, стремясь заручиться поддержкой официального духовенства при принятии важных решений и получить на это соответствующую фетву. Находясь часто в прямой материальной зависимости от государственной власти, руководство суннитского духовенства санкционирует проводимую правительством политику. Так, например, в Египте во времена Г. А. Насера ректор мусульманского университета аль-Азхар шейх Шалтут с позиций ислама обосновывал курс социалистической ориентации и антиимпериалистическую политику египетского руководства. С приходом к власти в стране А. Садата и поворотом вправо политического курса Египта новый ректор аль-Азхара шейх А. Х. Махмуд объявил социализм ересью и издал фетвы, узаконившие внешнеполитические акции саатовского режима, в том числе камп-дэвидскую сделку¹.

Однако все решения, принимаемые суннитскими муфтиями, обязательно должны быть основаны на принципах и положениях какого-либо одного из четырех суннитских толков шариата, утвердившихся еще в X в. Это обстоятельство существенно ограничивает возможности суннитских богословов развивать религиозный закон, приводя его в соответствие с постоянно изменяющимися условиями. Разрешить суннитским муфтиям преступить наложен-

¹ См.: Ислам в современной политике стран Востока (конец 70 — начало 80-х годов XX в.). М., 1986, с. 71.

тые на них устаревшими религиозно-юридическими нормами ограничения, расширить их право выносить собственное решение по всем религиозно-правовым вопросам (иджтихад) требовали и требуют многие сторонники реформы суннитского ислама.

Зарождение и развитие капиталистических отношений во многих ведущих мусульманских странах во второй половине XIX в. повлекли за собой существенные изменения в их общественной жизни. Естественно, что эти изменения требовали и определенной трансформации ислама, выработки новой религиозной трактовки многих правовых и нравственных проблем. К концу XIX — началу XX в. в исламе возникло течение, получившее название «мусульманской реформации». Его наиболее видные представители — Джемаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммед Абдо, Сейид Ахмед Хан — отстаивали право мусульманина на свободное толкование Корана, призывали к рациональному развитию шариата на основе иджтихада¹.

К «открытию врат иджтихада» призывают и многие руководящие деятели современного суннитского ислама. Такой призыв прозвучал, например, на Всемирном исламском конгрессе в Мекке в ноябре 1975 г. из уст одного из видных мусульманских деятелей Пакистана Имануллы Хана². За утверждение практики иджтихада высказался на конференции мусульманских теологов в Мекке в июне 1983 г. и король Саудовской Аравии Фахд, подчеркнув, что «заккрытие врат иджтихада» способствовало упадку исламского мира³. Показательно, что это заявление было сделано монаршим представителем наиболее консервативного толка суннитского ислама — ханбалитского, основатель которого Ибн Ханбал, как и его последователи, категорически отрицал любые нововведения в исламе.

В шиитском исламе право иджтихада существует и сохраняется за самыми авторитетными богословами, именуемыми муджтахидами. Муджтахиды составляют привилегированную группу шиитского духовенства. Среди них наиболее почитаемые получают титулы «аятоллы» (знамение Аллаха) и «великий аятолла». В Иране накануне антишахской революции 1979 г. насчитывалось около тысячи аятолл. Многие муджтахиды носят почетное звание

ходжат аль-ислам (довод ислама). Принято считать, что улемы получают звание муджтахиды от самой мусульманской общины благодаря своей публичности, благочестию и религиозным знаниям. На деле это звание присваивается богослову ведущими муджтахидами того или иного шиитского религиозного центра.

Шиитские муджтахиды, особенно после антишахской революции в Иране, все активнее претендуют на главенствующую роль в мусульманском мире в целом. По их убеждению, лишь шиитский ислам, благодаря сохранению в нем принципа иджтихада, соответствует требованиям времени и может успешно противодействовать империалистической экспансии и распространению чуждой, западной, и особенно коммунистической идеологии в мусульманских странах. Политическая активность шиитского духовенства обусловлена еще и тем, что оно традиционно находилось в оппозиции светской власти и часто возглавляло массовые движения социального протеста. Одним из последних и наиболее ярких примеров этому стала иранская революция. Шиитские богословы в отличие от многих суннитских религиозных деятелей, кроме того, как правило, не идут на государственную службу, не получают жалованья в государственных учреждениях. Это также помогало им сохранять относительную независимость от властей.

Непосредственные и постоянные контакты с верующими поддерживают низшие категории мусульманских богословов — как суннитских, так и шиитских. Это муллы сельских и городских мечетей, рядовые факихи (правоведы), кади (судьи), чтецы Корана — хатыбы (проповедники). Большим влиянием обладают муллы деревенских мечетей. Нередко они совмещают в одном лице и судью, и учителя, и духовного наставника верующих. Именно поэтому им часто принадлежит решающее слово в вопросах не только религиозной, но и общественной жизни и быта своей деревни. По своему социальному происхождению это, как правило, выходцы из мелкобуржуазной среды — разорившиеся землевладельцы, ремесленники, торговцы, средние городские слои. Если они получают жалованье от государства, то вполне лояльно относятся к властям, проводят их политику. Будучи зависимыми от крупных феодалов и духовенства, они могут выступать и против прогрессивных преобразований, проводимых правительствами ряда стран. Вместе с тем, поскольку по своему положению в обществе они близки к трудящимся

¹ См.: Хайдаров М. С. Основные направления и школы мусульманского права. — Мусульманское право (Структура и основные институты). М., 1984, с. 47.

² См. там же.

³ Умм аль-кура (Мекка), 1983, 8 июня.

массам, они иногда выступают с демократических позиций. Известно немало случаев, когда представители низших категорий духовенства активно участвовали в национально-освободительных революциях, поддерживали прогрессивные социально-экономические и политические лозунги.

Соперниками официального духовенства выступают представители так называемого народного ислама, ислама улицы. Это шейхи различных суфийских орденов, сект и общин, наиболее активные их члены — дервиши. Возникновение народного ислама отражает стихийный протест городской и сельской бедноты против своего тяжелого положения в обществе, принимающий форму отказа от официального ислама. Неофициальное духовенство проводит активную пропаганду своих взглядов среди рядовых верующих, многие из которых вступают в различные суфийские ордены. В настоящее время подобные многочисленные ордены существуют в большинстве мусульманских стран. В Египте, например, в середине 60-х гг. насчитывалось более 60 действующих суфийских орденов.

Если раньше официальное духовенство отвергало суфизм и даже преследовало его последователей, то в настоящее время во многих мусульманских странах ортодоксальный ислам уживается с суфизмом. Правительства этих стран стремятся поставить деятельность суфийских орденов под свой контроль, сделать их зависимыми от государства. Поэтому суфийские братства практически нигде не представляют собой серьезной оппозиции властям.

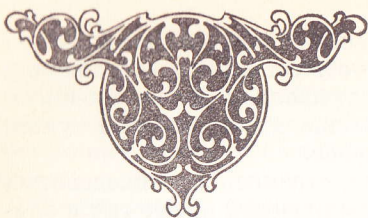
Развитие капиталистических отношений, распространение буржуазного образа жизни в ряде мусульманских стран привели к заметному снижению религиозности населения, особенно в городах — среди интеллигенции, государственных служащих, молодежи. Многие люди перестали следовать строгим предписаниям ислама в быту, приобрели несовместимые с традиционной моралью «западные» привычки, начали пренебрежительно относиться к мусульманскому посту и т. д. Более эмансипированными стали женщины. Развитие капитализма привело, кроме того, к постепенному росту классового сознания трудящихся, к их борьбе за свои права. Все это создавало и создает определенную угрозу влиянию и положению духовенства в обществе.

Распространению буржуазной идеологии и морали оно противопоставляет нормы и положения ортодоксального

ислама и шариата, мусульманские обычаи и традиции, закрепляющие феодальные общественные отношения. Стремлением сохранить эти отношения было продиктовано и участие многих мусульманских служителей культа в антиимпериалистической борьбе.

В то же время духовенство, стремясь противодействовать распространению коммунистической идеологии и влиянию опыта реального социализма в мусульманском мире, все чаще блокируется с силами империализма. Не случайно поэтому руководство многих религиозно-политических организаций и партий в мусульманских странах, на словах провозглашая империализм «величайшим злом», втайне поддерживает довольно тесные контакты с империалистическими кругами. Для духовенства характерна двойственность позиции: с одной стороны, оно опасается проникновения западного образа жизни в эти страны, роста их зависимости от империалистических держав, а с другой — видит в неокOLONIALИЗМЕ своего классового союзника в борьбе против национально-освободительных движений, против распространения прогрессивных, в том числе социалистических идей.

Так называемая исламская альтернатива капитализму тоже не выдерживает испытания жизнью. Как показал опыт ряда стран, национально-освободительные революции и борьба против колониализма под флагом ислама могли приводить лишь к завоеванию национальной независимости и ограничению иностранного влияния на их экономику и политику. Однако все эксперименты построения общества, свободного от эксплуатации, осуществления подлинного равенства и социальной справедливости на религиозной основе не только оказались безуспешными, но и в ряде случаев проявили свою откровенно реакционную сущность. Внешне привлекательные лозунги свободы, равенства, братства и социальной справедливости, выдвигаемые некоторыми мусульманскими идеологами и созвучные настроениям трудящихся мусульман, на деле их лишь дезориентируют, создавая дополнительные препятствия на пути распространения идей научного социализма.

Глава 2 Пороки и „пророки“ колониализма

Ближний Восток, считающийся колыбелью ислама, стал ближним порогом европейского колониализма. Отсюда, можно сказать, началась европейская экспансия в исламский мир. Сначала крестоносцы с обнаженными мечами и развернутыми хоругвями двинулись освобождать от нечистых басурман (мусульман) «гроб господень» в Иерусалиме. Их походы во славу Христа на мусульманский Восток закончились бесславно. Победы, одержанные мусульманскими войсками под предводительством прославленного военачальника, носившего имя Салах-эд-дин (праведность религии), казалось, еще более укрепили исламский мир и его веру во всемогущество Аллаха, с именем которого арабы сумели очистить свою землю от воинства Христова. Но исламский мир не отождествлялся больше с могущественным единым халифатом. Крестоносцев сменили вскоре другие завоеватели — турки-сельджуки, монголы и разноязыкие полчища грозного Тимура...

К XVI в. некогда могущественный арабский халифат распался на части и оказался под властью Османской империи. Повелителем правоверных

стал считаться турецкий султан, объявивший себя падишахом (титул монарха в империи) и халифом, то есть светским и одновременно духовным главой покоренных мусульман. Управление империей осуществлялось не из столиц прежних халифатов Дамаска или Багдада, а из Константинополя, переименованного в Стамбул. Отсюда власть турецкого султана распространялась не только на Ближний Восток и Северную Африку, но и на значительную часть Восточной Европы. Некоторые народы при этом насильственно обращались в мусульманство. Районы, покоренные мусульманами или где они составляли большинство населения, назывались «дар аль-ислам» (мир ислама). Районы, которые предстояло покорить или где мусульмане были в меньшинстве, причислялись к «дар аль-харб» (миру войны). На территории бывшего арабского халифата центром шиитского ислама стал сефевидский Иран. В Индии образовалась исламская империя Великих Моголов (1526—1858).

«В каждой из этих империй, — пишет советский исследователь Л. С. Васильев, — ислам существовал как самостоятельная политическая сила, приспособляющаяся к обстоятельствам. В Индии это был поиск сосуществования с индуизмом, в Иране — процесс дальнейшего становления шиизма как оппозиционного направления в исламе. В империи Османов, включившей в себя почти все арабские земли и народы, традиции халифата были наиболее прочны — только функции халифа перешли к турецкому султану»¹.

Однако даже в районах «дар аль-ислам» образ турецкого султана ассоциировался не столько с повелителем правоверных, сколько с покорителем народов, угнетаемых завоевателями. Часто мусульмане в своей собственной стране и собственном доме чувствовали себя в «дар аль-харб», то есть в мире насилия и нескончаемой войны.

Европейские колонизаторы, осуществляя экспансию на Восток, пытались в ряде случаев выдать себя за избавителей от турецкого ига. Разжигая чувства протеста у населения национальных окраин Османской империи против турецкого султана, западноевропейские государства не просто подрывали власть турок, но одновременно укрепляли там свое влияние и пасаждали колониальные порядки. Вместе с войсками завоевателей — иногда впереди, а чаще вслед за ними — шли миссионеры и торговцы. Одни

¹ Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1983, с. 183.

старались с амвонов освятить колониальный грабеж, завоевать не только земли, но и души людей. Другие пытались прибрать к рукам земные богатства мусульман. Но завоевать рынки чаще было легче, чем сломить или покорить души людей. Мусульмане отказывались принимать новую религию и снова оказывались в мире насилия. Колонизаторы убеждались, что ислам слишком прочно вошел в жизнь и быт покоренных народов. Тогда завоеватели стали выдавать себя за друзей мусульман и защитников исламских традиций. Такая практика была не нова.

В тоге друзей ислама

Первым, очевидно, кто попытался стать «другом» мусульман, был молодой Наполеон Бонапарт, когда он возглавил французскую экспедицию в Египет в 1798—1801 гг. Высадившись в Александрии и подавив сопротивление жителей города, Наполеон, прежде чем двинуться в глубь страны, обратился к египтянам с воззванием, составленным в виде фетвы, то есть официального суждения, опирающегося на традицию. Он клялся именем Аллаха в уважении к исламу и выдавал себя за подлинного мусульманина. Вслед за традиционной мусульманской формулой «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного» в ней провозглашалось: «Шейхи, кади, имамы! Скажите народу, что французы — истинные мусульмане!»¹

Наполеону, однако, не помогли ни чалма, ни халат, в которых он разгуливал по Египту. Не произвели должного впечатления на египтян и его пятничные моления в мечети и даже обращение в ислам одного из французских генералов. Египтяне не поверили в искренность новоиспеченных мусульман, которые не только огнем и мечом, но и с помощью переведенного на французский язык Корана пытались навязать им свое господство. Против оккупантов вспыхнуло стихийное народное восстание. Французы вынуждены были поспешно покинуть Египет.

Эпоха колониализма научила завоевателей гибкости. Некоторые их эмиссары и наместники тоже иногда принимали мусульманство. Но чаще они выдавали себя за верных друзей и защитников мусульман. Когда это не

удавалось делать самим, они искали «доверенных друзей». И надо сказать, нередко такие находились среди тех мусульман, с которыми их роднят общие классовые интересы — стремление обогащаться за счет других. Подобную «родню» старых и новых колонизаторов представляют местные феодалы, компрადоры, бюрократическая буржуазия, верхушка исламского духовенства. С ними империализм налаживает деловое сотрудничество, используя их авторитет и влияние в мусульманских массах в своих корыстных целях. Так колониальное господство подпирается штыками завоевателей, цементируется капиталом и освящается религией.

Теперешним европейским и заокеанским «защитникам ислама» не обязательно рядиться в чалму и халат. Ведь в их распоряжении не только деньги, но и зачастую религия тех, кто, выдавая себя на словах за истинных мусульман, на деле служит интересам империализма. Еще в 30-е гг. XIX в. французская колониальная администрация в Алжире заигрывала с местным духовенством, раздавая наиболее важные административные и религиозные должности перешедшим на сторону оккупантов мусульманским лидерам. Политика подкупа, щедрых посулов и обещаний проводилась и в отношении руководителей многочисленных алжирских религиозных орденов-братств, пользовавшихся большим влиянием среди мусульман как в городе, так и в сельской местности. Члены этих мусульманских братств привыкли традиционно повиноваться своим духовным предводителям и вождям. Колонизаторы, привлекая на свою сторону этих вождей, пытались нейтрализовать или ослабить антиколониальную борьбу. К началу XX в. значительная часть лидеров алжирских религиозных братств и почитаемых в народе святых — так называемых марабутов — сотрудничала с колонизаторами. Предательство ими национальных интересов объяснялось просто: пользуясь поддержкой колониальных властей, верхушка духовенства могла беспрепятственно эксплуатировать мусульманские массы. Более того, французская администрация, стремясь поднять престиж религиозных лидеров среди населения, помогала им иногда даже инсценировать различные «чудеса»¹.

Однако попытки французских завоевателей подобным образом «колонизировать» мусульманскую религию, за-

¹ Цит. по: Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1966, с. 35.

¹ См.: Ланда Р. Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830—1918). М., 1976, с. 158—159.

ставить ее работать на себя оказались безуспешными. В стране все чаще происходили антиколониальные выступления масс, в том числе и под религиозными лозунгами. Официальному исламу они противопоставили свой национальный народный ислам. Этот оппозиционный ислам стал составной частью идеологии национально-освободительной борьбы алжирского народа.

Вскоре после высадки французских войск в 1830 г. в Алжире представители прибрежных племен собрались на совет, чтобы обсудить программу совместных действий против оккупантов. Население страны было призвано к джихаду — священной войне. В 1832 г. разрозненные выступления алжирских патриотов возглавил шейх Абд аль-Кафир, предводитель одного из религиозных орденов (братств) — кадирийя. Абд аль-Кафира избрали эмиром военного союза алжирских племен. Под его руководством одерживались одна победа за другой. Вскоре было создано в освобожденных районах Алжира самостоятельное теократическое государство, основанное на принципах ислама. Абд аль-Кафир призывал всех мусульман страны объединиться для продолжения джихада против французских оккупантов. После пленения эмира французами в 1847 г. борьбу продолжили его преемники Бен Аллаль и Бен Салем. Им удалось мобилизовать широкие массы населения на активное сопротивление колонизаторам под исламскими лозунгами.

Стремясь умиротворить непокорных алжирцев, колонизаторы прибегли к традиционной тактике разжигания межнациональных и межрелигиозных противоречий в стране, в частности между арабами и берберами. Использовались при этом различные приемы. Колониальные власти натравливали их друг на друга, приближали к себе одних и ужесточали репрессии против других. Предпринимались попытки противопоставить исламским обычаям и традициям арабов принципы племенного права, распространенные среди берберов. Пробовали колонизаторы и насильственно исламизировать берберов, навязывая им шариат вместо племенного права. Наконец, вынашивались даже проекты массового крещения берберов¹. Изучались возможности постепенной ликвидации самой исламской религии в Алжире и превращения всех алжирских мусульман в христиан. Колониальные власти всячески поощря-

¹ См.: Ланда Р. Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830—1918), с. 141.

ли деятельность христианских миссионеров. Однако большинство населения отказывалось принимать чуждую ему веру. Ислам для народа в этих условиях служил не просто символом его национально-религиозной самобытности, но и знаменем борьбы против колонизаторов.

В тогу друзей и покровителей ислама империалисты рядились не только в стремлении обрести союзников среди мусульман, они помнили также о конкурентной борьбе за сферы влияния в мусульманском мире. Этот прагматический интерес к исламу особенно возрос перед первой мировой войной и в годы самой войны.

Спекулируя на стремлении арабов добиться быстрого избавления от турецкого гнета, колонизаторы всячески демонстрировали свою приверженность исламским ценностям. Вместе с тем, разжигая среди арабов антитурецкие настроения и обещая гарантии независимости после войны, империалисты уже обсуждали между собой планы раздела арабского мира. И эти планы новоявленные «рыцари плаща и кинжала» от колониализма усиленно продвигали в жизнь, не брезгуя никакими средствами вплоть до лицемерных клятв на Коране.

До сих пор буржуазные историки и беллетристы создают некий ореол мусульманской святости вокруг полковника английской разведки, титулованного авантюриста Т. Лоуренса. За свои «подвиги» в различных арабских странах он, по аналогии с монаршими особами, получил даже титул Лоуренса Аравийского. Не обладая короной, Лоуренс, если верить его биографам, «вершил судьбы арабских королевств», предпочитая находиться в тени тронов. На самом же деле созданный на Западе и усиленно распространяемый на мусульманском Востоке миф о Лоуренсе преследует ту же цель, что и яркая этикетка, предназначенная для обмана покупателей. Рекламуемый истинно мусульманский облик колониалистского пророка Лоуренса, говорившего блестяще по-арабски, носившего одежду простого бедуина и никогда не разлучавшегося с Кораном, маскировал колониалистскую сущность политики британской короны. Не гнушаясь никакими средствами, он ее проводил и, лицедействуя, олицетворял.

Говоря дипломатическим языком, Т. Лоуренс в 1916 г. был аккредитован в качестве английского офицера связи при шерифе Мекки Хусейне. Сумев завоевать почти безграничное доверие Хусейна, а затем поладив и с его сыновьями (один из них — Фейсал — стал впоследствии

королем Ирака, а другой — Абдаллах — королем Иордании), Т. Лоуренс стал выполнять роль главного политического и военного советника. Он наставлял их, как лучше всего служить делу ислама, но заставлял поступать так, как это было выгодно прежде всего Англии. Лоуренс убеждал их, что, только полагаясь на Англию, мусульманские народы обретут мир и освободятся от турецкого владычества. Но вместе с тем он сумел убедить шерифа Хусейна, как хранителя святынь Мекки и защитника всех правоверных мусульман, объявить джихад Турции и Германии — противникам Англии в первой мировой войне.

Так Т. Лоуренс не на словах, а на деле служил целям английской политики на Ближнем Востоке. Об этом впоследствии он сам, насколько это возможно для него, чистосердечно признавался в своих мемуарах. Подлинная цена обещаний и заверений этого «друга мусульман» стала вскоре очевидной для многих арабов. После окончания войны Англия и Франция под прикрытием созданной в 1919 г. Лиги Наций навязали ряду арабских стран свой колониальный мандат. Кроме того, именно министр иностранных дел Англии лорд Бальфур подготовил такой раздел Палестины, который ввергнул арабский мир в длительную войну с сионистским Израилем и обрек палестинцев на неисчислимые страдания.

О тайственных подвигах Лоуренса на мусульманском Востоке сочинено его биографами немало всяких легенд и небывлиц. Но некоторые страницы его подлинной жизни они предпочитают замалчивать. В частности, это относится к тайственному появлению Лоуренса в приграничных с Афганистаном районах в конце 1928 — начале 1929 годов. Именно в этот период в Афганистане произошел антиправительственный мятеж реакционных сил с участием верхушки мусульманского духовенства против короля Амануллы-хана, который провел в стране ряд смелых прогрессивных реформ, направленных на укрепление национальной независимости страны. В результате реакционного мятежа к власти пришли люди более удобные англичанам. В связи с этим английская газета «Дейли геральд» 6 января 1929 г. прямо указывала на причастность Лоуренса к свержению афганского монарха. Британскому кабинету не оставалось ничего другого, как срочно отозвать на родину скомпрометировавшего себя «друга мусульман».

В канун первой мировой войны довольно энергично действовала на мусульманском Востоке кайзеровская

Германия. Кайзер Вильгельм II неоднократно совершал широко разрекламированные визиты в столицу Османской империи с посещением мусульманских святынь. Возлагая венок на могилу Салах-эд-дина, Вильгельм II лицемерно клялся в верной дружбе с мусульманами¹. После вояжа Вильгельма II на Ближний Восток германская пропаганда в исламских странах неизменно добавляла к его титулу почетное звание «хаджа», хотя оно приобретает мусульманами лишь после паломничества в Мекку, куда кайзер не мог быть допущен.

В годы первой мировой войны немецкая дипломатия приложила немало усилий к вовлечению мусульман в войну против империалистических соперников Германии под лозунгом джихада. Под давлением Германии турецкий султан объявил джихад Англии, Франции и России. Но на этом Берлин не успокоился. Лицемерно заявляя о своей солидарности с исламскими народами, германское правительство обратилось затем с призывом к ливийцам выступить в защиту «достоинства» мусульман Северной Африки и освободить их от «французского ига»².

Дружественные отношения с ливийскими сенуситами в начале XX в. пытались наладить и итальянские колонизаторы, готовившиеся к завоеванию Ливии. Учитывая большое влияние сенуситов среди сельского населения страны, итальянцы с помощью подкупа, щедрых посулов и обещаний высоких титулов и постов представителям верхушки ордена надеялись заручиться их поддержкой и тем самым ослабить сопротивление народа итальянской оккупации. Одновременно они всячески старались дискредитировать сенусизм в глазах ливийских мусульман, распространяя слухи о несоответствии религиозных установок братства «истинному исламу»³.

Итальянские колонизаторы, следуя примеру французских и английских покорителей мусульманского мира, использовали также тактику разжигания межплеменной розни, провоцирования конфликтов между религиозными лидерами. Однако все попытки итальянских ревнителей чистоты ислама подорвать авторитет сенуситов в массах оказались тщетными. Сенуситский орден возглавил народное сопротивление итальянским, а затем и английским

¹ См.: Луцкий В. Б. Новая история арабских стран, с. 286—287.

² См.: Ланда Р. Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830—1918), с. 246.

³ См.: Прошин Н. И. История Ливии. Конец XIX в.—1969 г. М., 1975, с. 71.

захватчикам. В Ливии, как и во многих других мусульманских странах, национально-освободительная борьба против колонизаторов имела религиозную окраску, сохраняя ярко выраженную антиимпериалистическую направленность. В условиях отсталого, расколотого по племенному, национальному, кастовому и другим признакам восточного общества ислам в ряде случаев был не только идеологическим знаменем, но и мобилизующей, сплачивающей силой национально-освободительных движений. Сознывая это, колонизаторы пытались в одних странах (Индия, Филиппины, Ливан, Судан) противопоставить мусульманское население немусульманскому, а в других — внести раскол в ряды самих приверженцев ислама. При этом ставка делалась не только на классовых союзников колонизаторов в лице феодалов и компрадорской буржуазии, но и на служителей ислама. Империалистическая пропаганда называла их поборниками «подлинного ислама». Организаторам и участникам антиколониальных выступлений и национально-освободительной борьбы она приклеивала ярлык «безбожников» и «отступников от истинной веры».

Непокорные «рабы» религии покорности

В периоды подъема антиколониальной борьбы ислам в глазах значительной части мусульманского населения был не только религией, но и наиболее доступной формой проявления патриотизма, своеобразным знаменем протеста против национального, религиозного и даже классового угнетения. Вот почему эта борьба была для многих мусульман не просто национальной или отечественной, но к тому же еще и священной войной верующих против поработителей — неверных.

Каждый народ, сталкиваясь с агрессией, вольно или невольно обращается к своему прошлому, к своей истории, черпая из нее дополнительный заряд сил и решимости в борьбе против чужеземцев. Колонизаторы несли с собой не только новые политические и социально-экономические порядки, разрушавшие традиционные нормы жизни и быта мусульман, но и новую культуру, мораль и религию. Именно в силу этого антиколониальная борьба до сих пор нередко воспринимается мусульманами как одна из форм джихада.

Под лозунгом джихада воевали против израильских агрессоров многие египетские, сирийские, иорданские и

другие арабские солдаты в 1967 и 1973 гг. Через призму ислама им яснее виделись цели и идеалы их борьбы не только за освобождение родных земель, но и за возвращение мусульманам достойного места в современном мире. Достижение этих целей в сознании верующих людей традиционно связывается с возрождением религии их отцов. Прошлые победы и успехи арабов в борьбе с чужеземцами ассоциируются ими с золотым веком ислама. Одну из главных же причин своих неудач, поражений и слабости они видят в отходе от исламских принципов.

Религиозное мировоззрение и в наши дни остается господствующим среди мусульманского населения. Даже формирование национального самосознания многих народов Востока еще не завершилось. Поэтому политические события воспринимаются людьми в основном через призму религии. Понятия «родина», «нация» долгое время связывались у них в первую очередь с принадлежностью к конкретной религиозной общине, а не к этнической группе или территории, где они проживали. Вплоть до конца XIX в., например, большинство арабов еще не ощущало себя арабами — для них понятнее и ближе была принадлежность к мусульманской общине. Само понятие «нация» (по-арабски — «умма») в своем первоначальном значении употреблялось применительно к религиозной, исламской общине. В соответствии со стереотипом мышления рядового мусульманина умма — это прежде всего общность всех мусульман, независимо от их языка, этнической принадлежности и места жительства.

Лишь постепенно, в ходе национально-освободительной борьбы формировалось национальное сознание мусульманских народов. Однако это происходило не столько за счет ослабления чувства религиозной общности, сколько во многом благодаря ему. Для многих арабов, например, противопоставление национализма исламу выглядит противоестественным. Ведь пророк Мухаммед был арабом, да и сам Коран был ниспослан именно арабам, и не на каком-то ином, а на арабском языке. Каждый араб в их представлении, естественно, должен быть мусульманином. Вот почему, очевидно, буржуазные идеологи арабского национализма, даже выходя из христиан, ссылаются на ислам как неотъемлемую часть «духовного наследия» арабской нации. Позднее у других народов ислам тоже стал отождествляться с национальным самосознанием. По этой, видимо, причине национальные чаяния мусульманских, и в частности арабских, народов

во второй половине XIX в. формировались преимущественно в русле панисламизма¹.

Во главе национально-освободительных движений против колонизаторов на ранних этапах, как правило, стояли представители феодально-помещичьих кругов, духовенства, племенные вожди. Неудивительно, что их религиозное мировоззрение находило отражение и в идейной платформе самих освободительных движений. Мусульманское духовенство и феодальная верхушка включались в освободительную борьбу против христиан-колонизаторов не столько для защиты исламских ценностей, во имя общенациональных интересов мусульманской уммы, сколько для того, чтобы отстоять свои классовые привилегии в безраздельной эксплуатации трудящихся масс. Другими словами, эти движения, будучи прогрессивными в той мере, в какой они были направлены против колониализма, за национальное освобождение мусульманских народов, вместе с тем носили консервативный характер. Они не ставили и не могли ставить целей социального освобождения, а закрепляли лишь господствующее положение эксплуататорских классов в самом традиционном мусульманском обществе. Вот почему В. И. Ленин, характеризуя в 1920 г. панисламизм как противоречивое политическое течение в мусульманских странах, подчеркивал, что оно соединяет в себе «освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.»². Эта ленинская характеристика справедлива и для выступлений мусульманских народов против колониализма в XIX в.

В XX в. все большую роль в руководстве антиколониальной борьбой стали играть выходцы из буржуазных и мелкобуржуазных слоев. Они тоже — иногда искренне, а иногда из тактических соображений — прибегают к исламским лозунгам как к наиболее доступным для широких масс мусульман даже в тех случаях, когда мусульманское духовенство, находя общий язык с колонизаторами, объявляет народную борьбу неугодной Аллаху.

Такое положение, например, складывалось в Алжире, когда французской колониальной администрации удавалось подчинить своему влиянию руководителей некоторых религиозных братств и привлечь к сотрудничеству офи-

циальное духовенство. Однако антиколониальные выступления под флагом ислама в Алжире продолжались без их благословения и даже вопреки их желаниям. Большую роль в исламизации национально-освободительного движения в XX в. сыграла созданная в 1931 г. «Ассоциация алжирских улемов»¹. В противовес официальному духовенству и перешедшим на сторону французов главам религиозных братств улемы пропагандировали среди масс идеи национально-религиозной самобытности алжирцев. Тем самым они способствовали подъему патриотического сознания алжирского народа и активизации его борьбы против колонизаторов. В 1956 г. «Ассоциация» прекратила свое существование. Некоторые из ее лидеров вошли в состав созданного в 1954 году Фронта национального освобождения Алжира (ФНО), под руководством которого алжирский народ в 1962 г. добился независимости.

Учитывая влияние ислама на широкие массы населения, ФНО в своей первой прокламации объявлял, что будущее независимое алжирское государство будет возрождено «в рамках принципов ислама»². Одним из наиболее популярных среди алжирских патриотов стал лозунг Фронта: «Ислам — моя религия, арабский — мой родной язык, Алжир — моя родина».

В Ливии в начале XX в. борьбу за национальное освобождение, против европейских колонизаторов возглавил орден сенуситов, в котором большим влиянием пользовались феодалы-марабуты, обычно соединявшие духовную и светскую власть внутри орденов. Сопротивление иностранной оккупации велось под лозунгом священной войны против неверных. Еще в 1901 г. сенуситы выступили против французских войск, оккупировавших Западный Судан³. После начала итальянской интервенции в Ливию в 1911 г. сенуситский орден постепенно взял в свои руки руководство сопротивлением населения. Верховным командующим войсками сенуситов стал вначале глава братства Ахмед аш-Шериф. И хотя сменивший его на посту религиозного лидера сенуситов в 1918 г. Идрис ас-Сенуси (ставший в 1951 г. королем независимой Ливии) пошел

¹ Улемы — социальная группа в мусульманских странах, объединяющая признанных знатоков исламской теологии и религиозного права. Могут иметь светские профессии.

² См.: Ланда Р. Г. История алжирской революции. 1954—1962. М., 1983, с. 40.

³ См.: Прошин Н. И. История Ливии. Конец XIX в.— 1969 г., с. 57.

¹ См.: Левин Э. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М., 1972, с. 117.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166.

на сговор с итальянцами, а затем и с англичанами, орден и впоследствии продолжал оставаться главной организующей силой национального сопротивления. В 20-е гг. освободительное движение ливийского народа возглавил сенуситский шейх Омар аль-Мухтар, ставший впоследствии национальным героем Ливии. Италии потребовалось около двух десятков лет для того, чтобы оккупировать страну. Освободительная борьба ливийского народа приняла форму джихада. Как указывал впоследствии лидер ливийской революции М. Каддафи, ливийцы шли в бой против колонизаторов под лозунгом «Аллах велик!»¹. Таким образом, ислам в Ливии на протяжении длительного времени выступал в качестве идеологии национально-освободительной борьбы. На первых ее этапах он способствовал росту национального самосознания ливийцев и укреплению национального единства. Однако впоследствии, как отмечает советский исследователь А. В. Малащенко, сенуситы с помощью того же ислама «подавляли любые идеи прогрессивного и либерального характера даже в том случае, если они были изложены в религиозной форме»². Две стороны исламизма как идейной и политической платформы национально-освободительных движений — это отражение тех же двух сторон «национализма угнетенной нации» — прогрессивной и реакционной, на которые неоднократно указывал В. И. Ленин³. Двойственная роль исламизма проявилась и в процессе развития освободительной борьбы в Судане.

В 1881 г. там началось массовое восстание против турецко-египетских властей и английских колонизаторов, вошедшее в историю как «махдистское». Его возглавил Мухаммед Ахмед, сын плотника, получивший религиозное образование, объявивший себя махди (мессией). М. Ахмед призывал к очищению ислама, к джихаду против европейских колонизаторов и «отступников от истинного ислама» — турок. Истинный ислам, провозглашал махди, означает установление царства свободы, всеобщего равенства и справедливости. Лозунги М. Ахмеда отвечали сокровенным чаяниям суданских масс и получили широкую поддержку народа. Восставшим удалось захва-

тить Хартум, изгнать англо-египетские войска из Судана и основать на его территории собственное государство. Однако просуществовать ему было суждено недолго. Мечта о всеобщем равенстве и справедливости в государстве истинного ислама так и осталась мечтой. Военачальники и вожди махдистов вскоре сами превратились в крупных феодалов, эксплуатировавших своих «братьев» — рядовых мусульман. Усилившиеся межплеменные противоречия и расколы среди лидеров движения подготовили падение махдистского государства в 1898 г. Судан фактически превратился в английскую колонию, получившую в 1899 г. официальное наименование Англо-Египетский Судан.

Под лозунгом джихада против английских колонизаторов сражался афганский народ во время первой англо-афганской войны 1838—1842 гг. Столкнувшись с общенародным сопротивлением, английские войска были вынуждены покинуть эту страну. Сплочение афганцев во второй войне против английских колонизаторов (1878—1880 гг.) также происходило под знаменем ислама. И вновь захватчики потерпели сокрушительное поражение. Однако впоследствии афганские феодалы и богословы не раз использовали те же лозунги ислама в целях противодействия любым прогрессивным движениям и реформам в стране, не гнушаясь при этом вступать в союз со своими бывшими противниками, в том числе и силами империализма.

Исламские лозунги способствовали мобилизации сил и подъему национально-освободительной борьбы и в других странах мусульманского Востока. Так было, например, в Марокко, народ которого в начале XX в. вел мужественную борьбу против французских и испанских колонизаторов. Рост рядов возникшей в 1928 г. «Ассоциации братьев-мусульман» в Египте в 30-е и 40-е гг. в значительной мере был также обусловлен использованием в ее программе исламских лозунгов для обоснования требований о выводе английских войск из страны и прекращении сотрудничества египетского правительства с империалистическими державами. Против колонизаторов под знаменем ислама не раз выступали народы, населяющие территорию современной Индонезии. Мусульманское духовенство этой страны объявило джихад европейским захватчикам-христианам. Попытки голландской администрации поставить под свой контроль мусульманскую общину в Индонезии не привели к успеху. В 1912 г. в стране возникла первая массовая национальная организация — Сарекат ислам. Она выдвигала националистические

¹ См.: Национальный сборник. Заявления, речи и выступления полковника Муамара Каддафи. Триполи, 1973, т. 4, с. 240 (на арабском языке).

² Ислам. Проблемы идеологии, права, политики и экономики. М., 1985, с. 131.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 275; т. 22, с. 203.

и даже (в первые годы своего существования) «социалистические» лозунги с исламской окраской.

Традиции антиколониальной борьбы под исламскими лозунгами продолжают оказывать и в наше время сильное влияние на мусульманские народы, борющиеся за искоренение остатков колониализма, против агрессивных планов империализма и сионизма, за достижение национальной независимости и социальный прогресс.

Религия и сегодня еще сохраняет значение консолидирующей силы не только для сплочения большинства населения в борьбе против империализма, но иногда в еще большей степени и для консолидации религиозных меньшинств. Это особенно наглядно проявляется, когда им приходится бороться как бы на два фронта — и против чужеземцев, и против внутренних эксплуататоров, олицетворяющих собой религию большинства. Возникающие на этой почве религиозно-общинные противоречия всячески раздуваются и искусно используются империализмом для укрепления позиций неоколониализма. Вместе с тем религиозно-общинные и этноконфессиональные противоречия на долгое время остаются источником политической нестабильности и конфликтов, перерастающих в серьезные кризисы (как это имеет место, например, в Индии, Пакистане и на Филиппинах), а иногда в продолжительные междоусобные и гражданские войны (Ливан, Судан, Чад).

Религиозный раскол бывшей британской «жемчужины» и его политические последствия

Английские колонизаторы, можно сказать, сами спровоцировали раздел Британской Индии по коммуналистско-религиозному признаку сначала на два, а затем на три государства — Индию, Пакистан и Бангладеш.

Упование мусульман на Аллаха, индуистов — на своих богов вполне удовлетворяло старых и устраивает новых порабощенных. Они разжигали индуистско-мусульманские противоречия, руководствуясь девизом: «Разделяй и властвуй!» Сначала провоцировались междоусобные столкновения мусульман и индуистов. Затем империалисты выступили как бы в роли повивальной бабки при трудных родах сначала исламского Пакистана и светской Индии, а затем (в 1971 г.) и Бангладеш, сопровождавшихся жерт-

вами многих тысяч мусульман и индуистов. Конечно же их разделяли не столько разные религии, сколько общие угнетатели.

Раздел по коммуналистско-религиозному признаку бывшей британской колонии не снял остроты национальных и религиозных противоречий в этих странах. Центробежные религиозно-политические силы продолжают там действовать. В Пакистан после провозглашения независимости иммигрировало свыше 6 млн индийцев, исповедующих ислам, после чего мусульманское население превысило там 80 млн, а в Бангладеш оно составило свыше 90 млн человек, в Индии также сохранилась одна из самых многочисленных (70 млн человек) мусульманских общин. Тем не менее этнорелигиозные противоречия и столкновения там не прекращаются. Они приводят к большим человеческим жертвам, материальным и моральным издержкам. Это влечет за собой усиление тенденций к самоизоляции мусульман и индуистов, особенно в Индии. Реакционное духовенство, стремясь укрепить свое влияние в общинах на основе мусульманской или индуистской солидарности, пытается противопоставить религию национальной интеграции и государственному патриотизму. Клерикальные круги обеих общин выдвигают взаимные обвинения в попытках одних — «индуизировать», а других — «исламизировать» страну. Однако в своих нападках на правящую партию «Индийский национальный конгресс» и на проводимые ею прогрессивные преобразования в стране они находят общую основу. При этом мусульманская внутренняя и внешняя реакция всячески спекулирует на объективных трудностях и все еще сохраняющихся острых межобщинных противоречиях, доставшихся в наследство от колониализма, таких нерешенных проблем, как неравенство религиозных общин или национальных групп в области экономики, неравноправный языковой статус (урду — в Индии и хинди — в Пакистане), территориальные споры между двумя государствами, которые разжигают межнациональные и межгосударственные конфликты. В ряде случаев эти конфликты выливаются в острые кризисы и даже войны. Так, один из наиболее острых кризисов, возникших на национально-религиозной основе, привел к отделению от Пакистана его Восточной провинции с преобладающим бенгальским населением и провозглашению (26 марта 1971 г.) нового, независимого мусульманского государства — Народной Республики Бангладеш.

Индуистско-мусульманские и другие этноконфессиональные конфликты до сих пор оказывают дестабилизирующее влияние на политическую обстановку в странах Индостана. Чаще всего все эти конфликты и столкновения, имеющие религиозную окраску, вызываются более глубокими социально-экономическими и политическими причинами. В то же время между религией и политикой здесь существует прямая и обратная связь. Религиозный фактор ускоряет созревание кризисов, придавая им особую остроту. Вместе с тем в ходе этих межобщинных конфликтов с новой силой выявляется и подчеркивается роль той или иной религии в политических расприх. Чем нестабильнее социально-экономическая и политическая обстановка, тем чаще и острее возникают межобщинные конфликты. Они порождают недоверие и отчужденность между общинами, внося раскол в прогрессивные силы. Подстрекательскую роль в этих конфликтах, как правило, играют внешние и внутренние реакционные силы. В этом, очевидно, одна из причин того, что число, например, межобщинных столкновений в Индии за последние 25 лет возросло почти в 20 раз. Если в конце 50 — начале 60-х годов таких столкновений происходило в среднем до 26 в год, то в 1984 году их число поднялось до 500. Просматривается определенная закономерность и в самой динамике роста: чем сложнее социально-экономическое положение внутри страны и чем напряженнее складываются отношения Индии с Пакистаном, тем чаще происходят там конфликты и столкновения на религиозной почве.

Особенно острый характер они приобретают в период предвыборных кампаний и в ходе самих всеобщих выборов. Реакционные мусульманские и другие правые оппозиционные силы намеренно, например, провоцируют беспорядки в различных штатах и округах Индии, чтобы повлиять таким образом на ход или результаты самих выборов. Иногда им удается сорвать их проведение. Так, в Ассаме консервативные партии неоднократно провоцировали беспорядки, которые приводили к погромам религиозных, языковых и этнических меньшинств и затрудняли проведение выборов 80-х гг. в законодательное собрание. В Кашмире противостояние различных партий на выборах и инциденты на границе с Пакистаном также сопровождалось обострением межобщинных противоречий и столкновениями, которые разжигались как мусульманскими, так и индуистскими религиозно-общинными организациями.

Убийство сикхскими экстремистами Индиры Ганди,

много сделавшей для преодоления индуистско-мусульманской розни и установления межобщинного мира в Индии, еще более обострило проблему религиозно-общинных отношений в стране, на которой старается спекулировать Исламабад.

Пакистанские спецслужбы, как писала газета «Индия тудей», пытаются внушить сикхам мысль, будто они совершили ошибку, связав свою судьбу с Индией. Они вербуют молодых безработных сикхов из Пенджаба, предлагая им по возвращении домой «убедить каждого в том, что ислам и сикхизм — это две монотеистические религии, стоящие ближе друг к другу, чем к индуизму, и напоминать, что гуру Нанак (основатель сикхизма) повелевал, чтобы при похоронах его тело было положено ступнями в сторону Мекки»¹.

В том же направлении ведется подрывная работа и среди мусульманских экстремистов. К числу наиболее влиятельных организаций в мусульманском политическом движении в Индии относятся Джамаат-и ислами-и хинд, Джамаат-и улема-и хинд, Мусульманская лига Индийского Союза, а также объединения, в которые входят эти и другие партии и организации: Консультативный комитет мусульман и Мусульманский национальный фронт.

Самую большую активность из всех правых религиозно-политических партий проявляет Джамаат-и ислами-и хинд, являющаяся преемницей существовавшей в колониальной Индии аналогичной общендийской партии. Теоретические основы партии Джамаат-и ислами-и хинд, действующей и ныне не только в Индии, но и в Пакистане и в Бангладеш, были разработаны мусульманским теологом Абул Ала Маудуди, который отрицал пригодность опыта западной демократии для исламских моделей государства. В идеологии и практике этой партии в Индии и в соседних мусульманских странах много общего. Для нее характерны антикоммунизм и антидемократизм. Она проповедует идеи религиозной исключительности, ставя ислам выше всех других духовных ценностей. Ее идеологи не скрывают своего враждебного отношения даже к национализму, считая, что суверенитет нации несовместим с «суверенитетом Аллаха»².

Надо сказать, что идеи Джамаат-и ислами-и хинд сыграли особенно большую роль в подведении теоретической

¹ За рубежом, 1986, № 29, с. 15.

² См.: Ислам в современной политике стран Востока, с. 221.

базы под эксперименты насаждения ислама в Пакистане. Они направлены были также на своеобразную политизацию ислама, только не снизу, как это имело место в Иране, а сверху.

Указывая на принципиальную разницу этих двух близких по своей сути процессов, советский исследователь идеологических направлений ислама Л. Р. Полонская отмечает, что в случае исламизации снизу мелкобуржуазные слои стремятся играть самостоятельную политическую роль, апеллируя непосредственно к массам. Исламизация сверху осуществляется, как правило, на той же идеологической основе возрождения ислама, однако в этом случае буржуазия, помещики, финансовая олигархия используют для мобилизации городских низов не только «религиозных деятелей и студенчество в качестве приводного ремня к массам»¹, но и саму государственную машину, особенно ее аппарат подавления, для укрепления власти под предлогом установления «суверенитета Аллаха». Не только все правившие в Пакистане режимы, но и почти все возникавшие на политической арене и уходившие с нее партии в своих программах и в практической деятельности в той или иной мере обращались к исламу. Однако никто из них так и не нашел решения стоящих перед страной острых социально-экономических проблем на путях исламизации, будь то «сверху» или «снизу».

Диктатура с Кораном

В современном мире ислама Пакистан стал, пожалуй, наиболее военизированным государством. Правящие режимы всегда подчеркивали его мусульманский характер. Конституция 1973 г. официально объявила ислам государственной религией, после чего он, так сказать, юридически стал играть еще более важную роль в общественной жизни страны. Ислам лежит в основе государственного права и системы образования. Специальным положением конституции предусмотрено создание особого консультативного совета исламской идеологии. Он состоит из видных теологов — толкователей Корана, а также из экспертов по экономическим, политическим и юридическим проблемам. Совет, таким образом, выполняет функции главного органа, определяющего соответствие всех законов

государства исламу. В Пакистане параллельно существуют светские и коранические учебные заведения, шариатские и светские суды.

Служители ислама, которых лишь условно можно называть духовенством, составляют в системе государства привилегированную группу. Среди них большинство представителей буржуазно-помещичьих кругов и торговцев. Верхушка духовенства занимает высокие посты в обществе и обладает возможностью оказывать влияние на руководство страны. Оно располагает и значительными материальными средствами. Основные источники дохода дает вакуфная недвижимость — земля, оросительные системы, мельницы и другие предприятия. К тому же у духовенства оседают пожертвования состоятельных лиц и налоги с верующих. Свое воздействие на широкие массы духовенство оказывает посредством религиозных учреждений, системы образования, судопроизводства и политических организаций. Все это позволяет ему не только сохранять относительную самостоятельность, но и оказывать определенное влияние на управление государством, будь то при гражданских или военных правительствах.

Духовенство всегда выполняло роль официального проводника исламизации политической и общественной жизни страны и ее государственных структур. В Иране, как уже указывалось, тотальная «исламизация» государства осуществлялась духовенством снизу через «исламскую революционизацию» населения, главным образом через его низшие и средние слои. В Пакистане этот процесс не носил столь взрывного характера. Исламизация происходила скорее, так сказать, по официальным каналам без революционных взрывов. Напротив, она насаждалась сверху при помощи государственного механизма и через различные религиозно-политические партии. Любые попытки модернизации ислама и секуляризации, то есть усиления роли светских и ослабления религиозных тенденций в политической жизни страны, встречали упорное сопротивление мусульманских фундаменталистов.

Наиболее яркими сторонниками сохранения и насаждения исламских традиций выступают мусульманские партии Джамаат-и ислами и Джамаат-уль-улама-и Пакистан (ДУП). Обе эти партии ставят целью создание в Пакистане теократического государства, приведение всех законов в соответствие с шариатом и пользуются поддержкой религиозно настроенных кругов буржуазии, помещиков и консервативного духовенства. ДУП, однако,

¹ Ислам в современной политике стран Востока, с. 179.

опирается в основном на ортодоксальных мусульманских богословов.

Кроме этих партий значительным влиянием в стране пользуется религиозно-политическая организация Джамаат-уль-улама-и ислам (ДУИ), которая выступает с более демократических позиций и пользуется поддержкой некоторой части рабочих и крестьян.

В свое время исламские партии и организации активно противодействовали осуществлению гражданским правительством каких-либо прогрессивных реформ. Активизация реакционных исламских сил обусловила также укрепление связей Пакистана с консервативными мусульманскими странами на Ближнем и Среднем Востоке. С их помощью в 60-х гг. З. Бхутто стремился укрепить международные позиции Пакистана, поправить экономическое положение и ослабить социальную напряженность в стране. В области внутренней политики его правительство пыталось как бы наполнить старые традиционные религиозные формы правления новыми популярными в народе идеями социализма. Притягательность этих идей Бхутто хотел использовать для расширения и укрепления социальной основы своего режима путем установления в стране некоего «исламского демократического социализма». З. Бхутто, видя в исламе «основной цементирующий фактор национального единства страны», стремился создать своеобразный симбиоз ислама и социализма. Однако этот эксперимент, закончившийся трагично для самого З. Бхутто, подготовил почву для произрастания совершенно другого гибрида исламизированной военной диктатуры.

Созданная в 1967 г. З. Бхутто Пакистанская народная партия (ПНП) руководствовалась девизом: «Ислам — наша вера, демократия — наша форма правления, социализм — наша экономика». В нем выражались основные принципы и цели партии. Этот лозунг позволил ей одержать победу на выборах 1970 г. и стать вскоре правящей партией в стране. Но провозглашенные ПНП принципы сразу же вступили в непреодолимое противоречие с жизнью, как только их попытались реализовать. Осуществляемые правительством социально-экономические реформы носили непоследовательный и крайне противоречивый характер. Даже некоторые прогрессивные преобразования в области сельского хозяйства, национализация банков и ряда отраслей тяжелой промышленности в большей степени отвечали интересам национальной буржуазии, нежели трудящихся масс. На практике оказалось, что так на-

зываемая экономическая программа «исламского социализма» была направлена на ускоренное развитие капитализма и мало имела общего с социализмом. Правительство оказалось между двух огней. Воспользовавшись разочарованием и недовольством широких народных масс, реакционные силы под лозунгом «защиты ислама» развернули широкую антиправительственную кампанию. Она подготовила условия и проложила путь к установлению в стране режима военной диктатуры.

Пришедшая в июле 1977 г. к власти военная администрация, возглавляемая бывшим начальником штаба армии генералом М. Зия-уль-Хаком, под флагом ислама обрушилась на всех своих противников, подвергнув в первую очередь жестоким репрессиям представителей прогрессивных сил страны. Они коснулись и многих сторонников З. Бхутто, который был в апреле 1979 г. казнен.

Концепции «исламского государства», «исламской демократии» и «исламской экономики» были взяты на вооружение Зия-уль-Хаком с благословения крупной буржуазии. Она вкладывает в них вполне определенный социальный смысл — обоснование господства буржуазно-помещичьих кругов с ярко выраженной тенденцией к диктаторским формам правления как средству консолидации государства. Крупная буржуазия в союзе с армией проявила заинтересованность в авторитарном правлении под лозунгами ислама с целью не только удержания власти, но и консолидации государства, раздираемого национальными и религиозными противоречиями.

Страх перед дальнейшей дезинтеграцией страны, охвативший самые различные социальные слои после образования Бангладеш, обеспечил определенный успех политике исламизации.

Мусульманские общественные институты в Пакистане были призваны освятить власть буржуазии именем Аллаха. После того как Зия-уль-Хак, провозгласивший себя «солдатом ислама», отказался от проведения всеобщих выборов, намечавшихся на ноябрь 1979 г., и от прикрытия военной диктатуры конституционно-парламентскими институтами, весь пропагандистский аппарат стал доказывать, что всеобщие выборы в парламентские органы и прочие атрибуты буржуазно-демократической системы не отвечают якобы принципам ислама. Как утверждал Зия-уль-Хак, в исламском государстве не следует использовать эти устаревшие формы, а надо создавать новые, соответствующие исламским традициям. «Ислам, — заявил

он, — предписывает нам, каким должно быть государство: теократическим, демократическим или монархическим. Ислам определяет форму правления. Ислам... определяет основополагающие принципы».

Однако проводимая сверху исламизация, несмотря на использование духовенства в качестве орудия воздействия на массы, не способна была обеспечить стабильность военного режима. «Подлинно исламский порядок» стал поэтому устанавливаться при опоре главным образом на штыки армии. Если иранские богословы на свой манер обосновали активное вторжение ислама в политику, то генерал Зия-уль-Хак и его окружение попытались как-то легализовать не только «политизацию», но и «военизацию» ислама. Вооруженные силы провозгласили, что считают своим долгом защиту не только границ Пакистана, но и «исламской идеологии». Для успокоения общественности страны, особенно оппозиционных сил, включавших запрещенные политические партии и мусульманских фундаменталистов, военная администрация обещала в будущем передать власть гражданскому правительству. Но при одном условии: оно должно придерживаться «исламской демократии». Однако эта «демократия» должна быть такой, какой ее понимают военные, а не богословы. Например, заранее было объявлено, что активное или пассивное право участвовать в выборах будет предоставляться пакистанцам в зависимости от степени их «правоверности», а все законы в стране должны быть «исламскими». Администрация Зия-уль-Хака решительно, по-военному, приступила к «исламизации» различных сфер жизни пакистанского общества.

Она коснулась в разной степени судостроительства и системы просвещения, культуры и идеологии, экономики и даже государственного управления. На его фасаде тоже появились некоторые исламские атрибуты, которые, однако, не меняли сущности установленного в стране режима военной диктатуры, никак не ущемляли интересы буржуазии.

Американские покровители военного режима в Пакистане не скрывали своей симпатии к подобной модели «исламизации». Такая необъяснимая любовь имела свои веские причины. По признанию американского профессора Л. Кэрлла, долгое время работавшего в одном из пакистанских университетов, генерал Зия-уль-Хак сконцентрировал всю законодательную власть в своих руках. Так называемый «процесс исламизации» в Пакистане находит-

ся полностью под контролем военных. И это, конечно, устраивает Вашингтон. Назначение судей высшего федерального суда и состав других шариатских судов также относится к прерогативе военной администрации, возглавляемой генералом Зия-уль-Хаком. Положение не изменилось и после того, как военный администратор стал называться президентом Исламской Республики Пакистан.

В интересах правящей верхушки Зия-уль-Хак до предела ужесточил карательные меры с помощью введения так называемых традиционных исламских наказаний. За уголовные преступления и «немусульманские нравственные проступки» стали применять и ампутацию конечностей, и бичевание кнутом, и забивание камнями. Были созданы шариатские суды в провинциях, а затем и шариатский апелляционный орган при Верховном суде. Но это вовсе не означает прекращение деятельности военных трибуналов и контролируемых властями гражданских судов, которые строго преследовали деятельность любой оппозиции. Против нее использовался широкий набор современных репрессивных мер с использованием огнестрельного оружия, полицейских дубинок, слезоточивых газов и тюрем.

В школах и высших учебных заведениях расширили изучение ислама. Усилилась слежка и ужесточился контроль за всеми инакомыслящими. Сначала в учебниках, а затем и в газетах стали делать купюры и убирать сомнительные материалы, «противоречащие духу ислама». Многие кинофильмы и литературные произведения объявляются также «безнравственными». Государственным служащим, по существу, запретили заниматься политической, но зато им вменили в обязанность пять раз в день совершать молитвы.

Были предприняты попытки ввести некоторые исламские принципы и в сферу экономики. Власти ввели так называемые исламские налоги «закят» (в размере 2,5% от сбережений, превышающих установленный минимум богатства) и «ушр» (5% от определенного минимума урожая) для крестьян и землевладельцев. Оба налога должны были вноситься в виде добровольных пожертвований. Однако население восприняло их — и не без основания — как возлагаемое на него дополнительное бремя, как исламское приложение к государственной системе подоходных налогов. Неудивительно поэтому, что добровольцев раскопеливаться нашлось не так много. В первый год введения исламского налога «закята» на добровольной

основе в казну поступило лишь полтора процента от той суммы, которую властям удалось собрать в принудительном порядке. Как в городе, так и в деревне военная администрация столкнулась с прямым отказом платить непосильные подати якобы в пользу нуждающихся со стороны тех, чьи доходы не позволяли самим сводить концы с концами и поэтому ранее были освобождены от подоходного и поземельного налогов.

Камуфлирование военной диктатуры исламским фасадом, сопровождаемое насаждением средневековых порядков и ущемлением даже буржуазно-демократических свобод, встречает усиливающееся противодействие прогрессивных сил и различных общественных кругов страны, которые стали консолидироваться на оппозиционной существующему режиму основе. В стране нарастает движение протеста против антидемократических, так называемых исламских законов. В частности, был создан общий фронт действий, возглавивший борьбу против дискриминации женщин под флагом ислама. Оппозиционные силы все громче поднимают голос против попыток военной администрации использовать исламские принципы Корана для оправдания репрессивного режима, который хотят сохранить на неопределенно продолжительный срок под предлогом длительности «процесса исламизации». Более того, ссылаясь на Коран, где не определены конкретные формы правления, администрация Зия-уль-Хака оставляет за собой право самой выбирать и «совершенствовать» государственную структуру Пакистана. Тем не менее перед лицом растущего оппозиционного движения власти стали прибегать к политическим маневрам и обещаниям пойти на реформы по подготовке к созданию военно-гражданского режима с некоторыми парламентскими институтами. При этом, однако, вновь была подтверждена «незыблемость» принципов исламской демократии». Для легализации такой военизированной «исламизации» в декабре 1984 г. в стране был организован референдум, в ходе которого большинство участников якобы одобрило проводимый администрацией курс. Однако иностранная печать, да и пакистанская общественность по-другому оценили итоги референдума и проведенных в феврале 1985 г. всеобщих выборов в проектируемый парламент. Их результаты, по мнению лондонского журнала «Экономист», свидетельствуют о том, что пакистанский генерал Зия-уль-Хак не смог «протолкнуть свою программу военной исламизации». Реальность ее претворения в жизнь ставится

под серьезное сомнение хотя бы потому, что в референдуме, по явно завышенным оценкам, приняло участие не более 10—15% населения, а на всеобщих выборах кандидатов мусульманских фундаменталистов постигла также явная неудача¹.

«Военизированная исламизация» Пакистана суннитской направленности, которая к тому же сопровождается усилением националистических тенденций с подчеркиванием «исламской монолитности пакистанской нации», вызывает недовольство и противодействие со стороны религиозных (индуистов, христиан, шиитов) и национальных меньшинств (бенгальцев, составлявших подавляющее большинство бывшей Восточной провинции Пакистана, пуштунов, белуджей, персов). Это, естественно, негативно отражается на отношениях Пакистана с Индией, где проживает одна из самых многочисленных в мире мусульманских общин, а также с соседними сопредельными мусульманскими странами, особенно Афганистаном, Ираном и Бангладеш.

Конечно же различия между «военизированным» исламом генерала Зия-уль-Хака, радикальным исламизмом ярого врага монархии Хомейни и политическим исламом некоторых монархов весьма значительны. И все же они касаются скорее формы, чем сущности процессов, происходящих под флагом ислама.

Независимо от того, кем насаждается ислам — духовенством или монархами, гражданскими деятелями или военными, как происходит эта политизация ислама — снизу или сверху, носит ли она взрывной или реформистский характер, в любом случае все формы современной «исламизации» политических режимов, основывающихся на сохранении эксплуатации и социального неравенства, обращены в прошлое, а не в будущее. Они реакционны по своей социально-экономической сущности, поскольку преследуют цель закамуфлировать зеленым — любимым цветом Мухаммеда — сохраняющиеся в этих странах уродливые гибриды ислама с консервативными режимами и военными диктатурами.

Именно эта реакционная милитаристская сущность установленного в Пакистане военно-диктаторского режима обусловила выбор его Вашингтоном в качестве преемника шахского Ирана для выполнения полицейско-жандармских функций в мусульманском мире. На содержание по-

¹ Economist, 1985, 18.V.

думиллионной армии Пакистан расходует ежегодно более 2 млрд долларов. Расход на каждого солдата составляет тысячи долларов в год при доходе на душу населения всего лишь 350 долларов. Территория Пакистана используется как плацдарм для ведения необъявленной войны против Республики Афганистан и подготовки вооруженных провокаций против соседних государств.

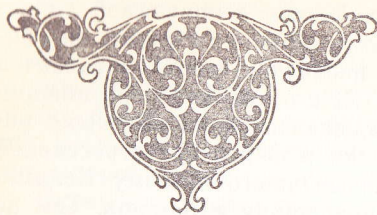
Исламабад претендует на роль покровителя всех мусульман на Индостанском субконтиненте. И это несмотря на то, например, что мусульмане Бангладеш предпочли отделиться от Пакистана, заплатив в войне сотнями тысяч жизней своих граждан за суверенное существование государства. Режим Зия-уль-Хака находится в состоянии перманентной конфронтации не только с соседями, но и с большинством населения собственной страны. На одних обрушиваются репрессии, на других направляется оружие. Так, объявляя себя покровителем пуштунов, режим Зия-уль-Хака проводит карательные операции против пуштунских свободных племен африси и шинвари под лживым предлогом «защиты чистоты ислама». Подлинная же причина этих операций в том, что пуштунские племена на своих джиргах отказались от сотрудничества с афганской вооруженной оппозицией и заявили о поддержке апрельской революции в Афганистане.

Милитаризация Пакистана идет полным ходом. На его территории создана целая сеть складов с западным оружием. Они предназначаются не только для пакистанской армии и банд афганских душманов, но и для хранения запасов на случай переброски сюда американских «сил быстрого развертывания». В Пакистане строятся стратегические дороги, ведущие к границам Индии и Афганистана, аэропорты, военные базы, устанавливаются радиолокационные установки, монтируется электронное оборудование. Для смазывания «оси» Вашингтон — Исламабад разработан пятилетний, начиная с 1981 г., программа американской помощи на сумму 3,2 млрд долларов, часть из которых предназначена для поддержки афганской контрреволюции. В связи с завершением в 1985 г. пятилетней программы Исламабад уже сделал заявку на поставку новых партий оружия на общую сумму 6 млрд долларов, предназначенного, конечно, вовсе не для защиты «суверенитета Аллаха», а для укрепления режима военной диктатуры.

Опыт своеобразной «исламизации на штыках» в Пакистане показателен с двух сторон. Во-первых, как отмечают

многие исследователи, по сравнению с политикой «исламизации сверху» в других мусульманских странах он проводился более настойчиво и последовательно не только в политике, но и в идеологии. Во-вторых, курс «военнизированной исламизации» прокладывался всеми военными режимами Пакистана фактически в фарватере агрессивной стратегии империализма, оказывавшего поэтому Исламабаду весьма существенную поддержку и помощь. Тем не менее поиски пакистанских моделей «исламского государства», «исламской экономики», «исламской идеологии» и даже «исламской стратегии» не внесли и не могли внести сколько-либо существенных изменений в буржуазную структуру, тем более привести к открытию новых путей в социально-экономическом и политическом развитии Пакистана. Более того, они не привели и к стабилизации самого режима, единственным гарантом которого остается в значительной степени «исламизированная» армия. Но и она не в состоянии предотвратить нарастание движения социального и политического протеста, в том числе и под лозунгами ислама.

В оппозиционное движение активно включаются не только прогрессивные силы, но и религиозно-политические круги, которые обвиняют режим бывшего президента Зия-уль-Хака, погибшего в августе 1988 г. в авиационной катастрофе, в дискредитации самой идеи «исламского возрождения», пользовавшейся поддержкой мусульманских масс. «Исламизация» пакистанской модели привела не к обещанному расцвету демократии, а к насаждению антинародного режима, противоречащего духу ислама.

Границы так называемого мусульманского мира очертить на географической карте не менее трудно, чем определить численность его населения. Распространенное образное выражение, будто мир ислама раскинулся от Атлантического до Тихого океана, — это весьма условный ориентир. Он лишь указывает на границы обширного региона, где находятся страны традиционного распространения ислама. Но не только в ряде этих стран, но и на самих материках Азии и Африки мусульмане не составляют большинства. Во многих странах мусульманского мира они проживают далеко не компактно. В одних — мусульмане составляют значительное большинство. Есть, однако, немало многоконфессиональных государств, где мусульмане представляют собой значительную, но не единственную и не самую большую общину.

Народы, исповедующие ислам, говорят на разных языках, обладают своими национально-религиозными особенностями, своей культурой и традициями, принадлежат к разным расам, имеют даже неодинаковый цвет кожи.

Несмотря на многочисленные расколы, распри, конфликты и продолжаю-

щиеся до сих пор междоусобные войны, по традиции, установившейся со времен основателя ислама Мухаммеда, его последователи считают себя членами единой семьи — уммы.

Но это не просто многоликая, но и весьма разнородная семья. Мусульманскую умму раздирают многие противоречия. Сегодня ислам — это не только религия в собственном смысле слова, не только образ жизни, определенная цивилизация со своими традициями и культурой, но часто это и религиозно-политическая идеология со всеми своими разновидностями и противоречиями, этноконфессиональными и социально-экономическими. Своими корнями они уходят в глубокую историю зарождения, становления и распространения ислама. За четырнадцать веков, исчисляемых по мусульманскому календарю хиджра — со дня переселения Мухаммеда из Мекки в Медину, — к неслабившимся старым и со временем еще более обострившимся разногласиям ислама прибавились новые, не менее острые современные экономические и политические противоречия. Они в значительной степени отражают противоречия сегодняшнего тревожного мира. Ислам, как одна из самых молодых и, возможно, наиболее политизированных религий, не только продолжает играть роль связующего звена веры и традиционного образа жизни. Он до сих пор в ряде случаев выполняет и определенные политические функции, оказывая ощутимое влияние на формы правления и социальные процессы в мусульманском мире. Это относится как к тем странам, которые входили в состав некогда могущественных халифатов и империй, так и к странам далеких периферий мусульманского мира на окраинах Азии и в Тропической Африке.

Цвета и оттенки ислама

Зеленый цвет принято считать символом исламской веры. Он фигурирует в той или иной мере на полотнищах многих национальных флагов мусульманских государств. Одни из них окрашены полностью в зеленый, любимый цвет пророка Мухаммеда, на других он сочетается с черным цветом династии Аббасидов, по который в народе чаще ассоциируется с темным прошлым, с белым цветом династии Фатимидов, символизирующим одновременно радужные надежды народа, а также с красным — символом его борьбы за национальное освобождение и за светлое

будущее. Цвета флагов по-своему отражают степень исламизации населения, политическую ориентацию и государственный строй мусульманских стран.

Широкий спектр национального, этнического состава мусульманских народов и религиозных направлений дополняется еще более разнообразной гаммой политических цветов и оттенков, различными государственными и социально-политическими структурами стран мусульманского мира, различной степенью их экономического и культурного развития. Хотя все они приобрели политическую независимость, многие из них остаются до сих пор на положении вассалов капиталистических государств и многонациональных монополий.

Мусульманские значительные общины сохранились и довольно глубоко пустили корни, в том числе и в политической сфере, в более чем 120 афро-азиатских странах. Из них по крайней мере в 35 государствах мусульмане составляют большинство населения, примерно в 20 странах — влиятельные меньшинства. Тем не менее лишь в 28 странах ислам признается государственной религией и три из них официально называются исламскими республиками (Пакистан, Мавритания и Иран).

Нельзя говорить о мусульманском мире как о каком-то особом сообществе, объединенном только ему присущими целями и идеями, живущем по единым законам и движущемся в одном направлении. Сама идеология ислама открывает большие возможности для использования религии в политических целях самыми разнообразными общественными силами и течениями. В отличие от христианского мира, где возобладали тенденции разделения власти на светскую и духовную, мир ислама, по крайней мере в теории, по-прежнему не допускает разграничения между «божественной» и светской властью. Тем не менее в большинстве мусульманских стран религия отделена от политики.

Страны, где живут мусульмане, весьма различны по государственному устройству, по социально-политической структуре. Они характеризуются разной степенью экономического и культурного развития. Среди них имеются государства с абсолютной и конституционной монархиями — королевства, султанаты, эмираты, есть республики буржуазные и такие, которые избрали путь социалистической ориентации.

Этим разнообразием и порой существенными различиями политических и социально-экономических структур

объясняется далеко не равнозначный, противоречивый характер событий и явлений, которые происходят под исламскими лозунгами в самих мусульманских странах.

В настоящее время неоднородность мусульманского мира продолжает сохраняться и с точки зрения самой религиозной доктрины: примерно 90% мусульман исповедуют суннизм, а остальные 10 — шиизм. Каждое из этих направлений, в свою очередь, включает десятки различных течений. В ряде стран сосуществование различных мусульманских общин создает глубокие политико-религиозные противоречия между ними. Иногда они принимают формы открытой междоусобной борьбы.

Повышению политической роли ислама в странах Ближнего и Среднего Востока объективно способствует и продолжающаяся в арабском мире борьба за ликвидацию последствий израильской агрессии и справедливое решение палестинской проблемы, против оккупации Израилем значительной части арабских земель, включая святыне места, связанные с историей ислама.

Все это обусловило изменение общественной роли ислама в странах Ближнего и Среднего Востока, поставило ее в прямую зависимость от политической ориентации правящих кругов той или иной страны, от степени влияния мусульманского духовенства на ее внутреннюю и внешнюю политику.

Наблюдается расслоение, а иногда и резкое размежевание исламского политического движения по социально-классовому признаку. Среди различных политических течений, развивающихся под знаменем ислама, можно выделить и радикальные, и умеренные, и консервативные. Но независимо от политической окраски они выражают два основных направления: мелкобуржуазное и буржуазно-феодалное. В мелкобуржуазных течениях на первый план выступают радикальные тенденции антиимпериалистической направленности. Именно они чаще всего обуславливают в значительной степени их революционно-демократический потенциал. Напротив, в буржуазно-помещичьем течении исламского движения преобладают консервативные или умеренные, а по отношению к империализму — соглашательские течения. Часто в них берут верх антикоммунистические, по сути своей антинародные, контрреволюционные силы.

Еще в эпоху пробуждения Азии В. И. Ленин отнес «националистическое движение под знаменем ислама» в Индии к антиколониальным движениям революционно-

демократического характера. Очевидно, к той же категории антиимпериалистических движений революционно-демократического характера можно причислить и некоторые современные мусульманские политические течения.

При всей неоднородности, внутренней противоречивости современного политического исламского движения его новый подъем в 70—80-е гг. связан с развитием национально-освободительной борьбы в мусульманском мире. Именно поэтому при его анализе имеет принципиально важное значение применение марксистско-ленинской методологии к характеристике национальных движений, особенно в подходе к национализму угнетенной нации.

«В каждом буржуазном национализме угнетенной нации,— писал В. И. Ленин,— есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем...»¹ В то же время В. И. Ленин неоднократно указывал на наличие в каждом национализме реакционного содержания, подчеркивая, что в лице марксистов всякий шовинизм и национализм встретит себе беспощадного врага.

Большинство современных концепций политического ислама развивается также в русле националистических доктрин — мелкобуржуазных и буржуазных. Поэтому в любом мусульманском движении, в том числе и так называемых радикальных, имеются две стороны: прогрессивная — антиимпериалистическая и реакционная — антикоммунистическая. В зависимости от обстоятельств внутреннего и внешнего порядка одна из этих тенденций может становиться преобладающей, а иногда и одерживать на некоторое время верх. Но две стороны «исламской медали» в любом случае остаются неизменными, каким бы ни представлялся сам мир ислама многообразным и многоликим.

В странах Азии и Африки различные социальные силы, политические движения, партии и группировки, независимо от того, находятся ли они у власти или в оппозиции, нередко используют мусульманские лозунги в качестве своих идейных платформ. Часть религиозных, а также светских лидеров мусульманских стран открыто призывает к тому, чтобы экономическая жизнь, внутренняя и внешняя политика строились на принципах ислама. В некоторых из этих стран действуют исламские партии и государственные организации: Исламско-республиканская

партия — в Иране, Национальный исламский совет — в Гвинее, Ассоциация по защите ислама — в Тунисе и т. д.

Разнообразие политических и социальных структур стран мусульманского мира, придерживающихся иногда диаметрально противоположных политических направлений, определяет противоречивый характер событий и явлений, которые происходят под флагом ислама или под лозунгами, заимствованными из Корана.

Иранская революция и ее неоднозначные последствия, многоактная трагедия в Ливане с иностранными интервенциями, с непрекращающимися междоусобицами мусульман и христиан, а также кровавая резня палестинцев, правительственные перевороты в Пакистане, бурные потрясения в Бангладеш, гражданская война в Чаде, переворот в Судане, антиправительственные выступления в Саудовской Аравии, затяжная ирано-иракская война и другие периодически вспыхивающие конфликты между различными мусульманскими странами, обострение напряженности в зоне Персидского залива, американская агрессия против Ливии и угрозы в адрес Сирии, широкая кампания протеста в арабских и других странах в поддержку массового восстания палестинцев против продолжающейся оккупации Израилем Западного берега реки Иордан, сектора Газа, аннексии Восточного Иерусалима и Голанских высот, убийство мусульманскими фундаменталистами египетского президента А. Садата, необъявленная война сил империализма и мусульманской реакции против народа Афганистана — все эти и многие другие весьма разнородные и неоднозначные события так или иначе связаны с исламом. В разной степени все они, можно сказать, обусловлены исламским фактором. В это понятие обычно вкладывается вся совокупность мусульманских политических движений, общественно-политических и мировоззренческих теорий. Оно включает также все элементы ислама в культуре, государственной структуре, экономике, праве, морали и этике. Но не просто сами по себе, а как взаимодействующие между собой и оказывающие влияние не только на общественное сознание людей и внутривнутриполитическую жизнь тех или иных стран, но и на систему международных отношений в целом. Влияние исламского фактора в таком широком его понимании как на внутреннюю, так и на внешнюю политику мусульманских стран — явление долговременное. Оно отражает как ряд общих закономерностей развития стран Востока, так и многие

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 275—276.

специфические особенности афро-азиатских государств традиционного распространения ислама¹.

Отмеченный в конце 70 — начале 80-х гг. новый подъем политического ислама, особенно в Иране, несомненно, имел не только антиимпериалистическую, но и антикапиталистическую направленность. Этот «исламский взрыв» дал, можно сказать, двойной эффект. Он сопровождался, с одной стороны, политическим пробуждением народных масс, подъемом революционной и освободительной борьбы преимущественно под влиянием исламских лозунгов. С другой стороны, этот взрыв имел глубокий резонанс не только в мусульманском мире, но и на Западе. В результате там как бы тоже произошел своеобразный взрыв или возрождение повышенного интереса к исламу.

К этому буму, да и к самой оценке роли ислама в политической жизни мусульманских государств, нельзя подходить с одной меркой. Если антиимпериалистический и антикапиталистический потенциал исламского движения политического протеста против неокOLONиализма опирается на обездоленные массы, то консервативная часть этого движения выражает интересы духовенства, связанного с мелкой и средней буржуазией, настроенной враждебно к любым «новшествам Запада», прежде всего к прогрессивной, особенно марксистской, идеологии.

К феномену «возрождения» политического ислама в ряде афро-азиатских стран с трудом, однако, применимы критерии «левый» и «правый» или даже «прогрессивный» и «реакционный». Здесь наблюдается широкий спектр всех цветов и оттенков, целая гамма переходных ступеней от стран, где ислам определяет пока еще почти все аспекты жизни большинства населения и самого правительства, до стран, где религия уже не имеет решающего веса на политическом уровне, хотя все еще обладает существенным влиянием на значительную часть народа².

В этом отношении прослеживаются особенности развития политических тенденций ислама не только в отдельных странах, но даже на двух основных континентах, где проживает большинство мусульман: в зарубежной Азии — около 600 млн человек, 67,7%, в Африке — более 200 млн человек, 28,8% всего мусульманского населения.

В западной части Азии, считающейся колыбелью ислама, его приверженцы проживают более компактно. Они составляют подавляющее большинство населения во всех странах. Исключением является разве лишь Израиль в границах, определенных ООН, но не признаваемых самим Тель-Авивом. Сионисты отказываются признавать законные права палестинских арабов не только в границах Израиля, но и на оккупированных арабских территориях, где мусульмане тоже составляют большинство населения.

В странах арабского мира и на Среднем Востоке мусульманское духовенство, а также религиозно-политические партии и организации имеют наиболее прочные позиции, пользуются большим влиянием в обществе. В то же время в силу ряда исторически сложившихся причин, а также из-за своего стратегического положения, наличия больших запасов нефти эти страны занимают особое, привилегированное положение не только в мусульманском мире, но и в общей системе международных отношений.

Но именно здесь чаще всего складываются кризисные ситуации, перерастающие порой в локальные войны. Некоторые из них — арабо-израильский конфликт, ливанский кризис, ирано-иракская война — приобретают затяжной характер, создавая серьезную угрозу международной безопасности. Что касается междоусобных конфликтов в арабском мире, то они происходят несмотря на то, что из всех мусульманских народов, которых панисламисты пытаются причислить к некоей «аль-умма аль-исламия» — «исламской нации», арабы с их языковой, культурной и религиозной общностью, скрепленной общими историческими корнями, имеют в большей степени, чем все другие народы и этнические группы, основания называть себя единой общностью — уммой.

Высокий уровень конфликтности в арабском мире убедительно демонстрирует тесное взаимодействие внешних и внутренних факторов, порождающих эти конфликты. Они отражают сложную связь общеарабской борьбы за ликвидацию остатков колониализма и последствий израильской агрессии со столкновениями довольно противоречивых интересов, а иногда и открытой конфронтации арабских государств, имеющих различную социально-политическую структуру и придерживающихся поэтому различной, иногда противоположной внешнеполитической ориентации. С одной стороны, необходимость оказывать сообща противодействие империалистическим пронкам и израильской агрессии заставляет арабов выступать если

¹ См.: Ислам в современной политике стран Востока, с. 13—14.

² См.: Восток: рубеж 80-х годов. М., 1983, с. 129; Малышева Д. В. Религия в общественно-политическом развитии арабских и африканских стран. 70—80-е годы. М., 1984, с. 20.

не общим фронтом, то в единой коалиции. С другой стороны, хотя арабские государства и пытаются координировать свою политику в рамках Лиги арабских стран (в нее входит 21 арабское государство и Организация освобождения Палестины), каждое из них имеет и собственные узконациональные интересы. Это и порождает в ряде случаев кризисные ситуации.

На разжигание междоусобных и внутренних противоречий делают ставку силы империализма и сионизма. К этому они тем чаще прибегают, чем больше убеждаются в неэффективности использования ими приемов прямого силового давления. Если в Африке и в некоторых регионах Азии американский империализм в состоянии был с помощью открытого применения силы свергать одни режимы и устанавливать другие, то на Ближнем и Среднем Востоке политический климат противодействовал подобным силовым приемам. Даже неудачи арабов в длительном противостоянии сионизму не ослабили борьбы мусульманских народов с силовым вмешательством империалистических держав. Любое насильственное действие со стороны немусульманского агрессора против какой-либо арабской страны воспринимается ими как посягательство на ислам и арабизм, если жертвой агрессии становится государство с любым радикальным, пусть даже самым непопулярным в арабском мире, режимом. Все это объективно способствует усилению политической роли ислама как мобилизующего фактора в борьбе за укрепление независимости арабских стран, особенно против израильской агрессии и иностранных вооруженных интервенций.

Политическая роль ислама в общественной жизни африканских стран не столь значительна в сравнении с арабскими государствами. Впрочем, мусульманское духовенство и религиозные организации и здесь тоже принимают довольно активное участие в политической жизни и в формировании общественного мнения своих стран. Располагая, однако, более ограниченными возможностями в борьбе за власть, африканские клерикальные круги в значительной мере утратили самостоятельную роль в политической жизни. Во всяком случае, их деятельность более жестко контролируется и направляется светской властью. Правительства мусульманских стран Африки настойчиво проводят в жизнь принцип подчинения деятельности духовенства интересам государства.

В страны Тропической Африки ислам принесли мусульманские купцы, а также переселенцы из Северной

Африки и Азии. Ислам поэтому воспринял здесь многое от традиционных верований. Поэтому он не столь ортодоксален, как на Среднем Востоке и в Северной Африке, более терпим к другим религиям и традициям. Почти половина населения стран к югу от Сахары до сих пор продолжает придерживаться местных традиционных верований и культов. Среди них немало и таких, которые хранят им верность даже после официального принятия ислама или христианства.

Население этих стран воспринимает зачастую лишь внешнюю форму мусульманской религии, сохраняя при этом старые свои культы. Именно в силу этого мусульманство играет здесь менее значительную роль не только в обыденной, но и в политической жизни народов Тропической Африки.

В некоторых африканских странах (Алжир, Сенегал, Тунис) органы власти, сохраняя ислам как орудие политики, в то же время стараются подчинить духовенство своему контролю. Ислам пропагандируется не как религия в узком смысле слова, а как система духовных ценностей, общественных институтов и культурных традиций. Вместе с тем постепенный процесс освобождения общества от религии трактуется не как атеизм, а как веротерпимость, равенство всех перед законом независимо от религиозной принадлежности. По этим направлениям происходит своеобразное примирение ислама с секуляризмом.

В африканском исламе, в отличие от азиатского, особенно большое количество различных орденов, братств, сект, которые возникли на базе соединения ислама с местными обычаями и традициями. Среди них наиболее значительные и влиятельные кадирийя, сенусийя, тиджанийя, шадилийя. Всего в африканских странах действует более 20 различных орденов и сект. Шейхи орденов оказывают большое влияние на политическую жизнь тех стран Африки, где они имеют свои центры. В Исламской Республике Мавритания в г. Бутилимит находится, например, резиденция шейха ордена кадирийя, откуда он руководит деятельностью групп в Сенегале, Мали, Гамбии, Гвинее и др. Руководство орденом тиджанийя, пользующимся наибольшим влиянием в Нигере, Северной Нигерии, Западном Судане, осуществляется из резиденции шейха в Сенегале.

В некоторых африканских странах предпринимались попытки создания политических партий и группировок на базе религиозных орденов, сект и племенных группировок. Так, в Судане сторонники ордена ансария составляют

основу буржуазно-демократической партии «Аль-Умма», лидером которой неизменно является предводитель этого ордена. Сторонники другого влиятельного в Судане ордена, хатмия, входили в партию «Аль-Ашикка». Действовавшая в Нигерии партия Северный народный конгресс опиралась в основном на поддержку мусульман-хауса и т. д.

Создаваемые на религиозно-трайбалистской¹ основе политические партии и группировки часто вливаются в оппозиционные движения по отношению к правящим гражданским и военным режимам. Вместе с тем под влиянием исламской революции в Иране в последнее время многие правящие, особенно монархические и авторитарные, режимы стали делать все больший крен в сторону исламизации политических структур, заигрывая не только с мусульманскими фундаменталистами, но и с традиционной религиозной оппозицией в лице мусульманских орденов и сект.

Этот процесс отражает растущее влияние ислама как религии и как политической силы в странах Африки. Если в конце 60-х гг. мусульмане составляли около 40% населения Африки, а к югу от Сахары — примерно четвертую часть африканцев, то, по подсчетам английского специалиста Г. Янсена, за последние 25 лет число мусульман в Африке возросло почти в 2 раза, составив к началу 80-х гг. уже половину африканского населения². Первое место по числу мусульман в странах Тропической Африки занимает Нигерия (38 млн). Полностью исламизированной страной считается Сомали (около 3,5 млн). Свыше 80% всего населения мусульмане составляют в Гамбии, Джибути, Нигере, Сенегале, на Коморских островах, более половины населения — в Гвинее, Мали, Судане, Чаде.

Подавляющее большинство мусульман Африки — сунниты маликитского мазхаба³. В Эфиопии, Сомали и ряде других африканских государств распространен ислам шафиитского толка. Шииты представлены сравнительно небольшой группой выходцев, главным образом из Южной Азии. Имеются также небольшие группы последователей секты ибадитов и различных суфийских орденов.

Наблюдаемый в Африке процесс исламизации развивается все же в большей степени вширь, чем вглубь. Тро-

пическая Африка — регион наиболее быстрого распространения ислама. Если в начале XX в. здесь насчитывалось не более 10 млн мусульман, то в настоящее время — около 100 млн¹. Рост числа последователей ислама в Африке объясняется многими причинами, уходящими корнями не только в историю, но и в политику.

Немаловажное значение имела, конечно, близость племенных и религиозных традиций африканцев ко многим ритуальным и семейно-бытовым предписаниям ислама. На это обстоятельство указывают советский исследователь Ю. М. Кобищанов, а также ряд иностранных авторов. Немаловажно и то, что ислам многими африканцами психологически воспринимался не только в прошлом, но и в настоящем не как европейско-американская, а как афро-азиатская идеология². В отличие от христианства и иудаизма мусульманство не ассоциируется в Африке с колониализмом и сионизмом. Не случайно, очевидно, поэтому подъем распространения ислама в Африке в 70-х гг. совпал с разрывом многими африканскими странами дипломатических отношений с Израилем и свертыванием связей с Соединенными Штатами из-за их агрессивных или враждебных акций против арабских, в том числе и африканских, государств. Принятие африканцами ислама носит политическую окраску еще и по другой причине. Для них это одна из форм отказа от западных моделей развития, особенно капитализма с его бездуховностью и бесчеловечностью.

Но нельзя отрицать, что процесс возрождения ислама в 70—80-х гг. — будь то в Азии или Африке — стал отражением не просто его ярко выраженной политизации, но и усилившихся антиимпериалистических тенденций в политических движениях под исламскими лозунгами.

Естественно, что такая тенденция не может не пугать связанные с неоколониализмом реакционные, консервативные круги мусульманского мира. Они цепко держатся за знамя ислама. В одних случаях они выдают себя за традиционных хранителей мусульманских святынь и ортодоксальных канонов. В других — за сторонников умеренных реформ, отвечающих «духу времени и ислама». Эти направления политического ислама находят свое проявление как на правительственном, так и на оппозиционном уровнях.

¹ Трайбализм — племенной или этнический сепаратизм в обществе, сохраняющем пережитки родо-племенного деления.

² См.: Малышева Д. В. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран, с. 93—94.

³ Маликитский мазхаб — одна из четырех богословско-юридических школ в суннизме.

¹ См.: Кобищанов Ю. М. История распространения ислама в Африке. М., 1987, с. 3.

² См. там же, с. 10.

В каждом из этих направлений применительно к политическим реалиям так называемого исламского возрождения западные исламоведы выделяют по крайней мере три главных течения, или тенденции, которые оказывают влияние на внутреннюю и внешнюю политику мусульманских государств: фундаментализм, модернизм и секуляризм.

Ислам, как считает американский исследователь проблем Ближнего Востока С. Хэмфри, «воздействует на политические ценности одновременно сразу на трех уровнях — и как религия, и как идеология, и как символ общности культуры». Рассматривая процесс возрождения ислама на примере «классических» мусульманских стран, Хэмфри относит к носителям фундаментализма Саудовскую Аравию и некоторые другие арабские монархические государства, к приверженцам модернизма — Египет, а к сторонникам усиления тенденции секуляризма — Сирию и Турцию. Давая свое определение каждому из этих течений, Хэмфри называет фундаменталистами тех, кто, не противодействуя социальным изменениям, выступает все же за то, чтобы они не противоречили традиционным исламским ценностям и образцам поведения; модернисты, напротив, как бы приспособливают исламские ценности к изменившимся политическим и социальным условиям в каждой мусульманской стране, не ставя под сомнение значение указанных ценностей в историческом плане; секуляристы выступают вообще за отделение ислама от государства, отрицают важность исламских ценностей в наши дни, признавая, что они могут быть использованы во внешнеполитических целях, а также в целях «политического сплочения общественности исламских стран».

Однако жизнь — не схема. Политические тенденции в процессе так называемого возрождения ислама не поддаются точной классификации по странам и национальным признакам. Исламоведы самих мусульманских стран предпочитают выделять две основные тенденции в развитии современного политического ислама — традиционализм и реформизм. На Западе их называют также фундаменталистами и модернистами. Но и в том и в другом случае — будь то на правительственном или оппозиционном уровне — исламизм не исключает, а, скорее, объединяет в себе оба направления.

Сам процесс развития этих тенденций допускает их совмещение при попеременном преобладании того или другого направления, как бы их ни называли — традиционалистским или реформаторским, фундаменталистским или

модернистским. В любом случае речь идет о своеобразном синтезе раннего ислама с реалиями сегодняшнего дня. Традиционалисты ратуют за перенесение в сегодняшний день фундаментальных принципов времен Мухаммеда в неизменном виде. Реформисты выступают за избирательный подход к этим принципам, за их рациональное приспособление к реалиям современного мира. В одних случаях превалирует традиция, в других — современность. Но, пожалуй, нельзя назвать ни одной мусульманской страны, где бы полностью господствовала одна из этих тенденций. За политическое обновление ислама — конечно же на свой лад — ратуют монархи, считающие себя потомками Мухаммеда, оно происходит и под разноцветными республиканскими флагами мусульманских стран независимо от того, избирают ли они путь капиталистического развития или социалистической ориентации.

О мусульманском единстве без исламской солидарности

Лозунги исламского единства и солидарности столь же популярны среди мусульман, как и идеалы исламского равенства и братства. Однако подлинная политическая роль этих лозунгов всегда определялась и менялась в зависимости от того, в интересах каких классов и общественных сил они использовались. К единству мусульман призывали и арабские халифы, и турецкие султаны, и иранские шахи. Но монархи, равно как и все другие феодалы, каждый на свой лад пытались не столько сплотить, сколько объединить всех мусульман под своей властью. Затем одних противопоставляли другим, чтобы добиться беспрекословного повиновения своих подданных. В периоды турецких завоеваний мусульманское единство использовалось для подчинения турецким султанам различных народов и ставилось выше национального единства. Напротив, позднее, в периоды подъема освободительной борьбы, этот же лозунг трактовался как единство мусульман одной какой-то нации, а уж потом как союз между мусульманскими государствами.

Различные концепции исламского единства носят столь же противоречивый характер, как и идеи исламского государства. И те и другие основаны на традиционном противопоставлении мусульманского мира немусульманам, независимо от их классовой принадлежности. Возрожденная

в условиях колониальной зависимости средневековья, идея всемирного исламского государства находила наиболее полное выражение в концепции панисламизма, а в наше время — в лозунгах исламской революции в Иране. С самого начала эта идея имела ярко выраженную антизападническую направленность. Однако для патристически настроенных прогрессивных мусульманских деятелей идея международной исламской солидарности была обращена в первую очередь против империализма. Они стремились поставить ее на службу национально-освободительному движению против колонизаторов. Для феодалов же и мусульманского реакционного духовенства эти идеи были обращены против вообще всего иностранного, в том числе и против любых передовых воззрений и представлений, в которых они усматривали угрозу своим интересам и privilegiям.

Другой аспект панисламизма состоял в том, что с помощью этой доктрины турецкие султаны, крупные феодалы и реакционное духовенство стремились укрепить свою власть над арабскими и азиатскими народами нетурецкого происхождения, жившими на территории Османской империи, воспрепятствовать их борьбе за самоопределение и национальную независимость. Накануне и в ходе первой мировой войны панисламистов неоднократно использовали в своих интересах империалистические державы, в первую очередь Англия и Германия. Так, под лозунгом панисламизма турецкий султан по указке немцев объявил в ноябре 1914 г. «священную войну» странам Антанты. Под теми же лозунгами панисламистской идеологии ага-хан¹ по настоянию английской колониальной администрации Индии обратился к верующим с призывом выступить в поддержку войны против Германии и Турции.

Подъем национально-освободительной борьбы в арабских и азиатских странах, стремление добиться национальной независимости Турции привели к постепенному ослаблению влияния на народные массы идей панисламистской солидарности в странах Ближнего и Среднего Востока. Во многих мусульманских государствах, попавших после первой мировой войны под мандат империалистических держав, все большую силу после отмены халифата в 1924 г. начала приобретать идеология национализма.

Распад колониальной системы империализма, завоевание большинством мусульманских стран национальной

независимости после второй мировой войны заставили империалистические державы заняться поиском новых форм сохранения и укрепления своего господства на Ближнем и Среднем Востоке. Они всеми способами пытались помешать освободившимся странам двигаться по пути прогрессивных перемен, воспрепятствовать расширению антиимпериалистической борьбы в регионе. В этих целях снова стал выдвигаться лозунг панисламизма. Идея укрепления религиозной общности всех мусульман противопоставлялась движениям национального и социального освобождения, особенно арабского единства на антиимпериалистической основе. При этом неокolonизаторы пускали в ход фальшивый тезис о необходимости «защиты» мусульманского мира от «коммунистической угрозы». Однако даже буржуазная печать на Западе признавала, что старые формы колониализма уже отжили свой век, поэтому Запад стремится взамен создать новый тип союза между капиталистическими странами и реакцией в мусульманском мире. Ядром такого союза, по замыслу неокolonизаторов, должен был стать военный пакт между входившей в НАТО Турцией и Пакистаном с присоединением к нему Ирака и Ирана.

Однако ни одно из арабских правительств, кроме иракского, так и не решилось примкнуть к Багдадскому пакту, созданному весной 1955 г. Они боялись дискредитировать себя в глазах народных масс сотрудничеством с бывшими и новыми колонизаторами. И эти страхи оказались обоснованными. Иракский народ недолго терпел у власти в своей стране мнимых поборников единства мусульман под эгидой неокolonизаторов. Антимонархическая и антиимпериалистическая революция 1958 г. в Ираке оставила Багдадский пакт без Багдада.

Но империалисты не оставили надежд добиться осуществления своих целей с помощью широкого исламского союза. В последующие годы предпринимались неоднократные попытки создания такого альянса уже без непосредственного участия империалистических держав. Однако и этим планам не суждено было сбыться. В марте 1964 г. участники конференции, проводившейся в мусульманском университете аль-Азхар в Каире, записали первым пунктом своей резолюции: «Империализм и его приспешники как в странах, находящихся под колониальным гнетом, так и в освободившихся странах представляют главную опасность для мусульман всего мира. Поэтому недостаточную активность мусульман в деле сопротивления политике

¹ Ага-хан — титул духовного главы исмаилитов-низаритов.

империализма следует оценивать как неповиновение Аллаху и как тяжкое преступление»¹. Антиимпериалистическая ориентация ведущих богословов аль-Азхара, естественно, не устраивала консервативное духовенство и правящие круги ряда мусульманских стран. В качестве идейного противовеса аль-Азхару по инициативе Саудовской Аравии в 1962 г. в Мекке была создана межгосударственная правительственная богословская организация «Лига исламского мира» (ЛИМ). Мусульманская реакция рассчитывала превратить ее в свой мозговой центр, который должен был обновить идеи «исламского пакта».

Первоначально две страны — Иран и Иордания — согласились с саудовским проектом. Однако руководители Египта, Алжира, ЙАР, Кувейта, Судана, Ливана и ряда других стран отвергли эту затею. Она подверглась критике также со стороны Организации освобождения Палестины (ООП), многих арабских и международных организаций. Осуждая планы создания реакционного блока под знаменем ислама, президент Египта Г. А. Насер подчеркивал, что подлинная мусульманская солидарность — это «солидарность мусульманских народов, борющихся против империализма, а не солидарность реакционных правительств, являющихся империалистическими агентами, использующими ислам в своих целях и фальсифицирующими его в стремлении остановить ход истории и затормозить прогресс»².

Поражение арабских стран в войне с Израилем в 1967 г., захват сионистами Иерусалима дали новый толчок мусульманской солидарности. В определенной степени это оказалось на руку консервативным силам мусульманского мира. Они вновь не преминули противопоставить насеровскому лозунгу общеарабской антиимпериалистической солидарности призыв к объединению мусульманского мира. Главенствующее положение в нем рассчитывала занять Саудовская Аравия, обладающая наиболее солидными финансовыми ресурсами.

Именно под этим углом зрения консервативные силы мусульманского мира рассматривали и выдвинутое Саудовской Аравией предложение созвать конференцию исламских стран на высшем уровне. В центре внимания этой конференции, как это официально объявлялось, находи-

лись вопросы борьбы против сионизма, за возвращение Иерусалима. В этих условиях широкие круги общественности мусульманских стран, безусловно понимая подлинные цели мусульманской реакции, сочли тем не менее возможным положительно откликнуться на саудовскую инициативу. Так, на этой первой широкой встрече глав государств и правительств мусульманских стран в Рабате (Марокко) была создана межгосударственная мусульманская организация на правительственном уровне — Организация исламской конференции (ОИК).

Целями новой организации были объявлены развитие сотрудничества между мусульманскими странами, борьба против колониализма, поддержка борьбы мусульманских народов, в том числе палестинского, за независимость, национальное достоинство и суверенитет, укрепление исламской солидарности и совместная защита мусульманских святынь. Местом расположения секретариата ОИК был избран город Джидда в Саудовской Аравии. В настоящее время в деятельности ОИК принимает участие более 40 мусульманских стран и Организация освобождения Палестины.

Высшим органом ОИК является конференция глав государств и правительств стран-членов. К настоящему времени проведено пять таких конференций. Если первая из них, как уже упоминалось, состоялась вскоре после израильской агрессии против арабских стран в Рабате в сентябре 1969 г., то вторая — в Лахоре (Пакистан) в феврале 1974 г. — через несколько месяцев после окончания октябрьской войны 1973 г. Третья — в начале 1981 г. в Мекке, а затем в Таифе (Саудовская Аравия), в период обострения обстановки в районе Персидского залива в результате действий США. Четвертая — в январе 1984 г. в Касабланке (Марокко), в условиях обострения положения в Ливане и подписания американо-израильского соглашения о «новых стратегических отношениях». Пятая встреча в январе 1987 г. состоялась в Кувейте. Здесь обсуждались положение в зоне Персидского залива и пути прекращения ирано-иракской войны.

Уже сам по себе факт созыва этих форумов на высшем уровне в острые периоды кризисов, создаваемых агрессивными действиями Израиля и поддерживающих его империалистических государств, показывает главную направленность деятельности Организации исламской конференции (ОИК). Принимавшиеся на конференциях в верхах и ежегодных совещаниях министров иностранных дел

¹ Цит. по: Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке (1945—1965 гг.). М., 1966, с. 202.

² Lewy G. Religion and Revolution. N. Y., 1974, p. 448.

мусульманских государств резолюции и решения заостряли внимание в первую очередь на вопросах ликвидации последствий израильской агрессии, на обеспечении законных национальных прав арабского народа Палестины, на борьбе с империализмом и колониализмом, на разблокировании наиболее опасных региональных конфликтов. Именно этим определила и утвердила свое место на международной арене ОИК, которая в 1975 г. получила статус наблюдателя при ООН. Под эгидой ОИК создаются различные общемусульманские организации, объединения, фонды, центры и т. д. Это обосновывается необходимостью повышения авторитета и влияния мусульманских стран в международных отношениях, обеспечения их независимости во всех сферах.

При ОИК существует уже более полутора десятков самостоятельных организаций, созданных по решениям ее конференций. Среди них Исламский банк развития со штаб-квартирой в Джидде, начавший действовать с 1975 г., Исламское агентство новостей, базирующееся в той же Джидде, Исламский фонд научно-технического развития, созданные в 1981 г. Исламский центр развития торговли и Исламский фонд развития, основанный в 1976 г. Центр по исследованию исламского искусства и культуры и т. д. Делаются попытки учредить беспроцентные исламские страховые компании, общий валютный фонд, международную валютную зону исламских государств. Однако практическая деятельность этих организаций и содержание предлагаемых мероприятий зависят в первую очередь от того, какие классовые, политические силы их пытаются претворить в жизнь.

Конечно, разнообразие государственных и социальных структур мусульманских стран, придерживающихся иногда диаметрально противоположных не только внутриполитических, но и внешнеполитических курсов, не могут не сказаться на итогах созываемых конференций и совещаний. Они отражают те противоречивые тенденции, которые характерны для современного исламского движения, а также ту сложную расстановку сил, которая сложилась в мусульманском мире. Соотношение же сил в мусульманских странах, одни из которых лишь недавно сбросили оковы колониализма, другие — подвергаются израильской агрессии, а третьи — все еще являются объектами военного шантажа империализма и неоколониалистской эксплуатации, складывается не всегда в пользу национально-освободительного движения.

То, чего не удалось добиться путем военных угроз, вооруженных интервенций, израильской агрессии и даже ядерного шантажа, неоколониализм пытается осуществить руками самих мусульман. Ставка при этом делается прежде всего на провоцирование междоусобной борьбы, сепаратизма, контрреволюционных мятежей в различных африканских странах, на разжигание региональных конфликтов и ведение необъявленных войн против некоторых мусульманских государств.

Неоколониализм до сих пор не отказывается и от попыток использовать лозунги исламской солидарности для противодействия борьбе мусульманских народов за социальный прогресс, против империализма. Примером тому могут служить попытки создания реакционного Красноморского пакта, направленного против НДРЙ и Эфиопии, так называемого Арабского военного фронта противодействия (Саудовская Аравия, ЙАР, Бахрейн, Оман, ОАЭ), организации совместной обороны Ормузского пролива и, наконец, попытки превращения в реакционный военный альянс Совета по сотрудничеству арабских государств Персидского залива. В этом же направлении империалистам хотелось бы направить и деятельность ОИК, превратив ее в оплот борьбы против «безбожного коммунизма» и опору неоколониализма.

Однако национальная буржуазия мусульманских стран на базе религиозной общности стремится не только оградить трудящиеся массы от влияния передовых, социалистических идей, но и противодействовать растущему давлению империалистических держав. Консервативные силы в ОИК выдвигают идею «равноудаленности» исламского мира от капитализма и социализма, своеобразную концепцию «мусульманского неприсоединения». При этом мусульманский мир хотя и противопоставляется обеим «бездуховным» системам — капитализму и социализму, наиболее опасной формой неверия объявляется социализм.

Патриотические круги мусульманского мира стремятся противодействовать курсу консервативных сил ОИК. В условиях роста патриотических настроений и борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии ОИК на своих сессиях приняла ряд решений антиимпериалистической направленности. С другой стороны, консервативные режимы мусульманского мира склонны к соглашательству с неоколониализмом Запада. Это создает кризисную обстановку внутри ОИК, обуславливает противоречивый и непонятный характер решений, принимаемых на ее сессиях

и совещаниях. Тем не менее большинство выработанных на них документов и звучавших там выступлений, как правило, носят антиимпериалистический характер.

Идеи и призывы к объединению мусульман, к достижению их единства на религиозной основе выдвигаются и на уровне неофициальных исламских организаций, так называемого народного ислама. Под этим лозунгом в 1928 г. египетским шейхом Хасаном аль-Банна была основана «Ассоциация братьев-мусульман» («Аль-ихван аль-муслимун»). Однако, чем более широким становилась массовая база «Ассоциации», тем больше росло число филиалов «братьев-мусульман» в различных странах, тем явственнее проявлялись ее идейно-политическая неоднородность и организационная раздробленность. Многие лидеры «братьев-мусульман», понимая нереальность объединения всех мусульман на земле в единую умму, теперь озабочены тем, как сплотить хотя бы свое собственное движение, создать международный мусульманский центр, подобный тому, какой возглавил в Женеве один из лидеров египетских «братьев-мусульман» С. Рамадан. Хотя он и поспешил объявить о создании возглавляемого им подобного мусульманского центра, предпринимаемые попытки в этом направлении так и остаются до сих пор безрезультатными.

В основе размежевания сил в исламском мире лежат различия политических и социально-экономических интересов тех групп и слоев, которые пытаются объединиться на религиозной почве. Процесс поляризации сил в рамках Организации исламской конференции и других общемусульманских организаций развеивает миф о надклассовости ислама, о возможности мирного сосуществования и сотрудничества внутри единой мусульманской уммы богатых и бедных, имущих и обездоленных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Вот почему все предпринимавшиеся до сих пор попытки создать некое единство или добиться хотя бы мусульманской солидарности на чисто религиозной основе остаются безуспешными. Нереальным оказывается и предлагаемый многими исламскими идеологами некий «третий путь» развития мусульманских народов, противопоставляемый ими капиталистическому и социалистическому. Этот путь, как показывает практика, тоже не приводит к установлению подлинного равенства, социальной справедливости и надежной их безопасности. Подлинное объединение возможно лишь на основе общности интересов и целей всех прогрессивных сил не против иноверцев или

безбожников, а против всех форм эксплуатации, против угрозы ядерного уничтожения человечества, исходящей от тех, кто наживается на войнах и угнетении народов, независимо от их вероисповедания и национальной принадлежности.

Последние «фараоны» ислама

В некоторых мусульманских странах процесс политического «возрождения ислама» сопровождается призывами «исламских революционеров» возвратиться к фундаментальным принципам и государственно-правовым институтам времен Мухаммеда. Идеалы этих «революционеров» обращены в прошлое. Но в ряде мусульманских стран они долго находили и все еще находят реальное отражение в как бы законсервированных политических структурах королевств, эмиратов и султанатов.

В относительно недавнем прошлом в мусульманском мире монархий было больше, чем республик. Многие монархи, независимо от того, как их величали — королями или султанами, имамами или ханами, эмирами или шейхами, выдавали себя и за духовных отцов своих подданных, претендуя на роль избранников божьих. Но на самом деле большинство из них были избранниками колонизаторов. Они выражали чаще всего волю колониальных властей или их наместников. Власть этих «халифов» чаще всего держалась на штыках чужеземных солдат. Вот почему в большинстве случаев освобождение мусульманских стран от колониального и полуколониального господства сопровождалось свержением прогнивших монархических режимов. Иногда это происходило в обратной последовательности.

Вслед за свержением в июле 1952 г. египетскими «Свободными офицерами» короля Фарука революционное руководство потребовало вывода из страны всех английских войск. Примеру Египта последовали некоторые другие арабские страны. Там были ликвидированы также военные базы старых и новых колонизаторов вскоре после падения монархий.

В Южном Йемене уход английских колонизаторов сопровождался почти одновременным бегством из страны нескольких десятков султанов, эмиров и шейхов, которые претендовали на роль наследников колонизаторов в различных княжествах и султанатах, выдавая себя иногда

на потомков пророка. Это были последние халифаты, выброшенные революцией на свалку истории.

На обломках созданной колонизаторами так называемой федерации марионеточных княжеств родилось независимое арабское государство — Народная Демократическая Республика Йемен.

По соседству, в Северном Йемене, несколько раньше группа «Свободных офицеров» низвергла с трона последнего представителя правящей династии Мухаммеда аль-Бадра, который считался одновременно духовным предводителем шиитской общины зейдитов. И хотя большинство населения страны прочно связано с уходящими в глубь веков религиозными традициями шиитского зейдизма, олицетворявшегося имамами, народ поддержал революцию. Она открыла ему путь из средневековья в XX в., к социальному прогрессу.

Некоторые правящие и уже свергнутые монархи любят выдавать себя за потомков пророка Мухаммеда. На роль продолжателей его рода претендовали и имам Северного Йемена, и султаны Южного Йемена. Но это не помогло им удержаться на тронах.

Не желая разделить их незавидную судьбу, некоторые монархи пытаются не только освятить свою власть Кораном, но и проводить умеренные реформы, которые могли бы как-то примирить ислам с современностью. Так, нынешние монархи пытаются внести свою лепту в возрождение ислама, направляя его в русло неокOLONиализма. Прагматического традиционализма придерживаются такие монархические государства, как Саудовская Аравия, Марокко, Кувейт, княжества Персидского залива.

Король Саудовской Аравии считается хранителем святынь ислама и духовным вождем всех мусульман страны. Нигде, ни в каком другом месте мусульманского мира так тесно не переплетены духовная и светская власть, религиозные и государственные институты, как в Саудовской Аравии. Это королевство называется ваххабитским, его идеологической доктриной является ортодоксальный пуританский ислам-ваххабизм. Оно было создано династией Ибн Сауда под религиозными лозунгами этой ветви ислама. Ваххабизм до сих пор пронизывает всю жизнь страны и определяет политическую структуру государства. Король олицетворяет собой абсолютную власть во всех сферах: он глава государства, руководящий вождь внутри племенной системы, глава саудовского правящего клана и имам улемов. Коран и шариат определяют, по существу,

всю общественную, политическую жизнь, заменяют собой конституцию, коммерческие, уголовные и даже гражданские кодексы.

Саудовская Аравия долгое время была единственной мусульманской страной, где шариат сохранялся в первоначанной чистоте. Правящая верхушка контролирует почти все стороны жизни страны: специальным декретом 1961 г. официально запрещена всякая другая идеология, кроме ислама. Этот запрет обосновывается «идеологическим отрицанием радикализма в форме арабского революционного национализма, социализма или коммунизма».

Деятельность политических партий и профсоюзов в Саудовской Аравии запрещена. Предельно ограничено проявление всякой общественной жизни. Но и в ваххабитском королевстве ничто не может вечно оставаться неизменным и непоколебимым. Даже классические, с точки зрения исламских традиционалистов, мусульманские модели патриархальных государств все более дряхлеют и трещат под бременем средневековых традиций. Они расшатываются неодолимыми ветрами перемен научно-технического прогресса и размываются бурными потоками различных политических движений и течений современности. Крепость ваххабизма в этом отношении оказалась как бы между молотом набирающего силу капитализма и наковальней исламских традиций. Внутри этой крепости все активнее действуют, причем в диаметрально противоположных направлениях, сразу две оппозиции — политическая и религиозная.

Политическую умеренную оппозицию составляют представители национальной буржуазии, местных технократов, образованных офицеров и интеллигенции. Они выступают за приведение в рациональное соответствие традиционных структур саудовского общества с хотя бы минимальной буржуазной модернизацией.

Более непримиримо к режиму относятся немногочисленные по своему составу партии и группировки, действующие, как правило, нелегально внутри страны или в эмиграции и стоящие на революционно-демократических позициях.

Религиозную оппозицию, выступающую с критикой режима с правых, ультраконсервативных позиций, возглавляют улемы. Они выступают против любых противоречащих исламу реформ по модернизации саудовского общества. Королевская власть, конечно, опасается не столько консервативных улемов, сколько исламских радикалов,

выступающих против «тлетворного влияния Запада» и чуждых исламу веяний буржуазной цивилизации. Такая оппозиция, хотя и прикрывается религиозными лозунгами, имеет ярко выраженную социальную и политическую направленность. Исламских радикалов поддерживают рабочие нефтепромыслов, ремесленники, учащаяся молодежь. Наиболее широкий размах осенью 1979 г. под влиянием иранской революции приняли антиправительственные выступления шиитского меньшинства, проживающего в Восточной провинции королевства. Наряду с требованиями о предоставлении шиитам права свободного отправления своих религиозных обрядов бунтовщики добивались равноправия всех мусульман, свободного допуска шиитов на гражданскую и военную службу, протестовали против их дискриминации в экономической и общественной жизни. Демонстранты поджигали заводы и банки, выкрикивали антикоролевские лозунги. Листовки призывали народ свергнуть «режим угнетения» и провозгласить республику.

Армии и полиции удалось тогда подавить повстанцев, но дух недовольства насильем капиталистического Запада и оппозиционные настроения в стране вытравить так и не удалось. Королевский двор, да и вашингтонскую администрацию, особенно напугал продолжавшийся две недели мятеж исламских радикалов в Мекке. Он разразился неожиданно, как гром при всегда ясном небе, над святынями ислама. Это был, по выражению западной печати, «острый сигнал инфаркта» в самом сердце мусульманского мира.

Начало мятежа совпало с первым днем XV в. хиджры (20 ноября 1979 г. по современному календарю). Мятеж сопровождался захватом главной святыни ислама — Большой мечети Аль-Харам. Но повстанцы не собирались этим ограничиваться. Лидер и духовный вождь мятежников, называвших себя ихванами (братьями), провозгласил себя махди (мессией) и призвал к созданию в Хиджазе исламской республики. Он осуждал саудовских руководителей за отступничество от ислама, коррупцию, продажность и прислужничество перед Западом.

На первых порах ошеломленные саудовские власти, признав факт захвата Большой мечети заговорщиками, назвали их отступниками от ислама. Затем это пытались представить как высадку некоего американско-израильского десанта с целью «обменять Каабу на захваченных в Тегеране американских заложников». Этому, конечно, труд-

но было поверить. Тем не менее даже такая неправдоподобная версия вызвала эффект взрыва мощной бомбы, эхо которого прокатилось по всему мусульманскому миру и не на шутку напугало Вашингтон. В Исламабаде тысячи пакистанцев смели охрану американского посольства, захватили его и подожгли. Несколько сотрудников посольства погибло. Возможно, и других американских дипломатов ожидала такая же участь, если бы не подоспели пакистанские войска и не разогнали толпу слезоточивым газом. Лишь неоднократные опровержения саудовских властей, объявивших о непричастности американцев к захвату Каабы, спасли представительства США в десятках мусульманских стран от подобной участи.

Чтобы выбить мятежников из мечети, правительственные войска пустили в ход бомбы со слезоточивым газом и пушки. Отчаянное сопротивление повстанцев длилось две недели. В разыгравшемся сражении у главной святыни ислама погибло несколько сот мусульман. Среди погибших был и сам «мессия».

Политического руководителя этой группы 47-летнего Джухеймана аль-Отейбу обезглавили вместе с 62 его товарищами 9 января 1980 г. Однако у него, очевидно, осталось немало сторонников. В Эр-Рияде не раз появлялись надписи на стенах: «Джухейман, наш мученик, почему ты не взял приступом дворцы? Борьба только начинается!..»

Призывы и речи Джухеймана вызвали широкий резонанс в стране и за ее пределами. Они транслировались во время мятежа через громкоговорители на крыше мечети, затем, записанные на магнитофонные пленки, долго еще распространялись среди населения.

Позднее стало известно, что лидер повстанцев вел антиправительственную пропаганду в стране несколько лет. Хотя его проповеди и памфлеты содержали эклектическую смесь исламского пуританизма, идей махдизма и антизападных, в основном антиамериканских, взглядов, они нашли отклик и понимание как среди аравийских племен, так и в религиозных кругах. В рядах повстанцев были выходцы из бедуйской знати и студенты исламского университета в Медине.

Однако религиозные деятели высшего и среднего ранга, хотя и имели возможность возглавить движение, слыша порицания продажных богословов, заботящихся о своих привилегиях, не пошли на это. Сознывая его слабость, они предпочли сохранить свое место в господствующей

элите. Они же могли и упредить мятеж, но не сделали этого. Весьма примечательно, что более чем за год до захвата мечети будущие руководители этой акции были допрошены религиозными властями и отпущены, как безобидные личности. Религиозные деятели предпочли использовать возмущение народных масс лишь для усиления своего влияния в общественно-политической жизни страны и как повод для оказания давления на королевскую семью.

После волнений шиитов и восстания в Мекке саудовские власти развили активность сразу по двум направлениям, принимая умиротворительные и репрессивные меры. Тысячи «подозрительных» рабочих-иммигрантов были высланы. Саудовских студентов отзывали из иностранных учебных заведений в разгар учебного года. Для успокоения улемов были закрыты институты красоты, дамские парикмахерские, женские клубы. Новые правила запретили девушкам продолжать образование за границей.

Улемы с благословения королевского двора еще больше ужесточили контроль над обществом. Но власть королевской семьи остается фактически вне всякого контроля. Она стоит выше религиозной, государственной и судебной властей. Вместе с тем она объединена не только исламом, но в еще большей степени транснациональным капиталом. Принцы и обслуживающие их дельцы обогащаются на нефти, на земельных спекуляциях, на правительственных заказах и контрактах. Они участвуют в качестве партнеров в торговых и промышленных компаниях, получают комиссионные за импортные сделки на суммы в миллиарды долларов.

К началу 80-х гг. клан Саудидов стал самым богатым в мире. Он фактически контролирует национальный доход страны, оцениваемый примерно до 100—120 млрд долларов в год. Принцы направляют потоки саудовских инвестиций за границу и имеют там на личных счетах в банках миллиарды долларов.

Хотя мусульманам запрещается рибха — извлечение ссудных процентов, ибо, как говорится в Коране, «Аллах разрешил торговлю и запретил рост» (2:276), это не мешает коронованным и некоронованным богачам Саудовской Аравии, а также других нефтяных монархий получать огромные прибыли из их растущих вкладов в американских и западноевропейских банках. Сумма частных капиталовложений, переводимых только из Саудовской Аравии за границу, колеблется между 10 и 15 млрд в год.

«Саудовская торговая буржуазия, тесно связанная с кланом Саудидов,— пишет советский исследователь А. М. Васильев,— образовала своеобразную торгово-финансовую олигархию. Она сложилась в тепличных условиях, защищенная от внешней конкуренции, выросла в основном на импорте, который оплачивался в конце концов доходами от нефти»¹. Через руки правящего клана Саудидов и связанных с ним семей отчисления от экспорта нефти распределяются не только среди бюрократического аппарата, но и среди религиозной верхушки. Это не может не вызывать недовольства среди набожного в своем абсолютном большинстве населения. Все больше саудовцев чувствуют растущую пропасть между канонами исламского пуританизма и аморальным образом жизни власть имущей верхушки, которая утопает в роскоши. Многие в стране знают, что существует даже специальный секретный бюджет для предоставления ежегодных миллионных дотаций принцам и другим членам королевской семьи, а она насчитывает в общей сложности не менее 17 тыс. человек.

Стремясь занять лидирующее положение на арабском Востоке и играть особую роль в мусульманском мире, Саудовская Аравия делает заявки на создание некой исламской альтернативы — Лиги арабских стран. Эр-Рияд пытается отождествить борьбу арабских народов против израильской агрессии и справедливое решение палестинской проблемы с разбоем афганских душманов и исламской контрреволюцией в других мусульманских странах. Идеи мусульманской солидарности он противопоставляет не только «миру капитализма и социализма», но и Движению неприсоединения.

Саудовские руководители оказывают с этой целью активное содействие и поддержку всем реакционным силам и консервативным режимам в мусульманском мире. При этом они обуславливают оказание финансовой и экономической помощи мусульманским странам усилением исламизации всех сфер государственной и общественной жизни. В социальной политике и законодательстве им рекомендуется расширять кампанию за восстановление шариата и замораживать любые демократические преобразования. Именно под давлением или по настоятельным советам Эр-Рияда происходили исламизация режимов и всей

¹ Васильев А. М. Персидский залив в эпицентре бурь. М., 1984, с. 257.

общественно-политической жизни в Судане, Пакистане, Сомали, усиление исламской централизации в Объединенных Арабских Эмиратах, роспуск парламентов и запрет деятельности ряда общественных организаций в Кувейте и на Бахрейне, ужесточение полицейского режима в Иордании, разжигание враждебных кампаний против прогрессивных сил, поощрение междоусобиц в Северном Йемене и Ливане, провоцирование антиправительственных выступлений и мятежей в Египте, Сирии, Ираке, Ливии, НДРЙ и других странах традиционного распространения ислама.

Щедрую финансовую и другую помощь от Саудовской Аравии получают действующие в мусульманских странах «братья-мусульмане» и другие реакционные организации, а также сепаратистские мусульманские движения в Эфиопии (так называемый Фронт освобождения Эритреи и др.) и в некоторых других странах.

Все это в значительной степени отвечает неокOLONиалистским целям, прежде всего Соединенных Штатов. Они отводят монархическим и диктаторским режимам роль Троянского коня империализма и оплота реакции в мусульманском мире.

Авторитарные режимы и исламский традиционализм тесно переплетаются, дополняя и укрепляя друг друга. В ряде случаев, в отличие от Саудовской Аравии, монархии не противопоставляются западным моделям государственного управления, а, напротив, совмещаются с некоторыми элементами буржуазно-демократических институтов. В Марокко, Иордании, Кувейте конституционная парламентская демократия допускает даже деятельность нескольких политических партий и различных религиозных организаций. Но и существующая по западному образцу система политического плюрализма работает тоже фактически на укрепление режимов личной власти. Она позволяет не только своевременно выявлять, но и нейтрализовать любую, в том числе и религиозную, оппозицию. Существующие в них традиционные религиозные структуры в свою очередь являются тоже дополнительными подпорками авторитарных режимов.

Приближая к себе высшее мусульманское духовенство, монархи и диктаторы пытаются крепче привязать их к государственной власти и еще больше усилить свой контроль за религиозными деятелями. Однако полностью приручить политический ислам им не удастся. Исламизация сверху не в силах остановить политизацию ислама снизу.

Напротив, по мере поощрения исламизации общественной и политической жизни страны в ряде случаев усиливаются оппозиционные настроения. Они приобретают различную религиозную окраску, но, как правило — это ярко проявилось и в Иране, и в Египте, — имеют антиимпериалистическую направленность. Иногда, правда, властям удается использовать неоднородность и разрозненность оппозиционного исламского движения для провоцирования столкновений между исламскими фундаменталистами и сторонниками прогрессивных организаций. Но направляемое властями в русло антикоммунизма религиозное оппозиционное движение довольно часто выходит из-под их контроля. Исламские радикалы устраивают антиправительственные кампании неповиновения и протеста против непопулярных в стране экономических реформ и шагов по сближению с Вашингтоном и Тель-Авивом. Нередко это сопровождается массовыми демонстрациями и голодными бунтами, как это имело место в Марокко и Тунисе, открытыми столкновениями населения с блюстителями порядка, как это не раз было в Пакистане и Бангладеш, а то и террористическими актами или свержением одиозных диктаторов, как это произошло в Египте и Судане.

Два пути с одной верой

Египет занимает особое место и в истории становления ислама, и в развитии арабских освободительных революций. Недаром эту страну называют «интеллектуальным и политическим сердцем» арабского мира. После июльской революции 1952 г. Египет, можно сказать, стал духовным и политическим центром всего исламского мира. В глазах многих мусульман Насер был не только вождем арабского освободительного движения, но и лидером нового антиимпериалистического направления политическо-го ислама.

Тезис Гамалы Абдель Насера о совместимости ислама и социализма был не столько резюмирующим заключением теории освободительной борьбы, изложенной в его речах и выступлениях, сколько практическим выводом. Он логически вытекал как из эволюции различных концепций политического ислама в Египте, так и из исторического опыта и практики развития самой египетской революции.

Смерть Насера и приход к власти Садата обозначили не просто поворот в истории египетской революции, но и свертывание многих ее завоеваний, которые происходили тоже под лозунгами ислама. Открытая Садатом новая глава истории Египта связывалась, правда на словах, тоже с революционным исламом антиимпериалистического направления. Но по существу это был ислам, используемый в прямо противоположных целях. Насер и Садат как бы олицетворяли собой разные полюса политического ислама в такой же степени, в какой они сами были политическими антиподами.

Между тем и тот и другой, как и правивший Египтом до 1952 г. король Фарук, придерживались одной общей исламской веры. Каждый из них был благочестивым мусульманином. Каждый по-своему стремился соблюдать предписываемые Кораном исламские обряды. Садат, впрочем, как никто другой, старался доказать свою набожность и преданность исламу. При каждом удобном случае он любил подчеркивать и свои давнишние связи с «братьями-мусульманами».

Тем не менее в октябре 1981 г. Садат — как это ни парадоксально может показаться — был убит именно мусульманскими боевиками организации «Ат-Такфир валь-Хиджра»¹, связанной с «братьями-мусульманами», к которым он сам себя когда-то причислял.

В отличие от президента Насера, которого хоронил весь Египет и оплакивал весь мусульманский мир, на похороны Садата прибыло несколько глав мусульманских государств и исламских духовных авторитетов. Смерть Садата была воспринята почти с полным равнодушием в Египте. Не вызвала она сожалений и во многих мусульманских странах. Напротив, память о Насере, который всю жизнь боролся против империализма и реакции, за осуществление социальных «идеалов ислама и социализма», живет до сих пор в сердцах миллионов арабов, всех прогрессивных мусульман и патриотов во всех странах мира. Насер снискал их глубокое уважение и любовь не своей набожностью, а патриотизмом и честным служением народу. Он их заслужил благодаря тем прогрессивным социально-экономическим преобразованиям, которые осу-

ществлялись под его руководством внутри страны на благо Египта и всего арабского мира. Этими принципами Насер руководствовался в политике. Эти же принципы определяли и его отношение к религии.

Антифеодальные и антиимпериалистические мероприятия египетского руководства в первые годы после революции 1952 г. (ликвидация монархии, первый этап аграрной реформы, вывод английских войск из страны, национализация Суэцкого канала в 1956 г. и др.) обеспечили Г. А. Насеру широкую поддержку трудящихся в Египте и во всем мусульманском мире. Объединить арабские страны на антиимпериалистической основе, поднять и укрепить в египетском народе национальное самосознание, заставить его поверить в свои возможности, возродить в нем веру в свои силы и мобилизовать его на борьбу против феодализма и империализма — вот цели, в осуществлении которых ислам, по мнению Г. А. Насера, мог и должен был сыграть значительную роль.

Египетский президент понимал, что основную массу населения страны составляют верующие. Для них новые идеи могли стать понятными, лишь будучи облеченными в традиционную исламскую форму. В то же время он стремился в ряд традиционных для мусульман понятий вложить новое, революционное содержание. Так, Насер призывал наполнить таким новым содержанием даже хадж (паломничество в Мекку), с тем чтобы он служил развитию сотрудничества между различными арабскими государствами и совместной борьбе их народов против империализма¹.

В борьбе против мусульманской реакции он искал и находил поддержку египтян-тружеников, египтян-патриотов. В этой борьбе он встречал понимание и у лояльного к властям официального духовенства, которое призывал «спасти ислам от клеветников и обманщиков», научить народ «истинной религии и подлинному исламу»².

Насер обращался, однако, к исламу не с чисто прагматическими целями и политическими соображениями. Он оставался искренне верующим человеком. С мусульманской религией он связывал идеалы добра, свободы, социальной справедливости. Выдвинутая им в конце 50-х гг.

¹ «Ат-Такфир валь-Хиджра» («Искупление и исход») — мусульманская экстремистская группировка, возникшая в Египте после арабо-израильской войны 1967 г., выступающая за установление нового социального порядка, основанного на нормах ортодоксального ислама.

¹ См.: Насер Г. А. Философия революции. Каир, 1953, с. 110—111 (на арабском языке).

² См.: Речи и заявления президента Г. А. Насера. 1952—1959. В 8 ч. Каир, 1959—1960, ч. 3, с. 598 (на арабском языке).

концепция социализма также связывалась с народной исламской традицией.

Внешняя политика Насера также находила понимание и поддержку в широких массах египетского населения. Г. А. Насер благодаря своей антиимпериалистической политике завоевывал все большую популярность и среди других арабских народов. Мусульмане многих стран видели в нем нового предводителя пробужденного ислама, а в примере египетской революции — путь к осуществлению своих самых сокровенных чаяний.

Хотя Г. А. Насер был искренним последователем ислама, он являл пример общенационального лидера не только мусульман, но и христиан-коптов Египта. Главное для египетских трудящихся — как мусульман, так и христиан — было не в том, какого вероисповедания придерживался их президент, а в том, что он был искренним патриотом, горячо любил свою родину, свой народ.

Занявший после смерти вождя египетской революции Насера пост президента страны Анвар Садат называл себя «отцом египетского народа», «верующим президентом». А. Садат стремился подтвердить это не только в глазах рядовых мусульман, но и среди богословов. Он настойчиво добивался поддержки своей политики как официальным духовенством, так и народным исламом, устанавливая и развивая контакты с различными исламскими «братствами» и религиозно-политическими организациями, находившимися в свое время в оппозиции к Насеру. Особенно усердно Садат заигрывал с «Ассоциацией братьев-мусульман», деятельность которой была запрещена в 1954 г. Насером.

В начале 70-х гг. «Ассоциация» значительно активизировала свою деятельность. От нее стали отпочковываться и появляться всякого рода филиалы и самостоятельные подпольные мусульманские организации и группы экстремистского толка, такие, как «Партия исламского освобождения» («Хизб ат-тахрир аль-исламий»), «Исламская ассоциация» («аль-Джамаа аль-исламийя»), «Организация исламского просвещения» («Джамаа ат-таблиг аль-исламий»), «Искушение и исход» («ат-Такфир валь-хиджра»), «Солдаты Аллаха» («Гунуд Алла») и другие. Садат освободил из-под ареста и амнистировал большую группу членов «Ассоциации», в том числе ее «верховного наставника» Омара Тельмесани. Хотя вопрос о разрешении деятельности «братьев-мусульман» так и не был решен (его разбирательство в суде затянулось на годы),

в 1976 г. они получили возможность открыто издавать свои печатные органы «ад-Да-ва» («Призыв») и «аль-Итисам» («Руководство»). Садат помиловал также осужденного на пожизненное заключение при Насере лидера экстремистской группировки «Искушение и исход» Ш. А. Мустафу, распорядившись отпустить его на свободу¹.

Не столько личные симпатии к мусульманским фанатикам, сколько политические мотивы заставляли Садата рядиться в тогу «истинно правоверного» мусульманина и пещься о судьбе их руководителей. Он нуждался в поддержке как духовенства, так и религиозно-политических сил, чтобы бороться против нараставшей оппозиции как «слева», так и «справа». Справедливо опасаясь роста недовольства своей антинациональной политикой, Садат рассчитывал с помощью духовенства не только нейтрализовать оппозицию, но и сбить волну народного гнева.

А причин для такого гнева было более чем достаточно. Преемник Насера на посту президента не стал продолжателем его дела. Он не просто растерял многие завоевания, а предал сами идеалы египетской революции.

Капитулировав перед врагами Египта и арабских народов, А. Садат услужливо распахнул двери перед неокOLONиализмом, назвав это инфитахом — политикой открытых дверей. Начав с инфитаха в экономике, А. Садат пришел в конце своего пути к стратегическому сотрудничеству с американским империализмом на Ближнем Востоке. В открытые А. Садатом двери стал снова активно прорываться военный колониализм со своими базами, аэродромами, интервенционистскими силами и военно-политическими блоками.

Чем дальше шел А. Садат в предательстве целей египетской революции и интересов общеарабской антиимпериалистической борьбы, тем больше терял он поддержку народа. Как ни рядился он в исламские одежды, в глазах ревнителей мусульманской религии Садат выглядел отступником от ислама. «Братья-мусульмане» и сторонники других исламских группировок осуждали коррупцию в госаппарате, паразитизм буржуазии, катастрофическое падение жизненного уровня народа, угодничество Садата перед Западом и Израилем. Особенно остро исламские фундаменталисты восприняли кэмп-дэвидскую сделку и

¹ См.: Степанов Р. М. Некоторые наблюдения относительно современных процессов в исламе (на примере Египта). — Ислам в истории народов Востока. Сборник статей. М., 1981, с. 187.

фактический отказ Садата от борьбы за возвращение арабам Иерусалима — святого города мусульман.

Столкнувшись со все усиливавшейся оппозицией религиозных деятелей, Садат ужесточил против них репрессии. Сотни членов подпольных религиозных групп были брошены в тюрьмы, некоторые их лидеры были казнены. Но судьба Садата уже была предпрешена: 6 октября 1981 г. во время военного парада в пригороде Каира члены мусульманской группировки «Искупление и исход» отомстили А. Садату за казнь своих лидеров, а равно за все другие его «преступления перед исламом». Представ перед судом, обвиняемые в убийстве Садата громко скандировали: «Мы совершили это ради религии! Ради нее мы жили! Ради нее мы ведем священную войну!»

Террористический акт мусульманских фундаменталистов был воспринят египетским народом как акт справедливого возмездия. «Отца египетского народа» постигла та же судьба, что и других самозванных «халифов», низвергнутых королей, имамов, султанов, эмиров и шейхов.

Несмотря, однако, на все старания Садата если не ликвидировать, то надолго скомпрометировать политическое наследие Насера, это ему сделать не удалось. Во многих общественных местах, на улицах, в учреждениях, в маленьких лавчонках Каира и других египетских городов можно и сегодня увидеть немало портретов Насера. Но еще более важно другое. В стране все чаще вспоминают и стараются вновь воплотить в жизнь многие заветы вождя египетской революции. Изыскиваются пути оздоровления экономики за счет прежде всего укрепления созданного при Насере государственного сектора. Происходит ряд позитивных перемен и во внутренней жизни, и во внешней политике. Египет старается больше полагаться на свои собственные силы, проводить более сбалансированный курс на международной арене, стремясь восстановить свой былой авторитет в мусульманском мире.

Хотя груз тяжелого наследия 70-х гг. дает о себе знать, страна на историческом перепутье старается чаще сверять курс по ориентирам Насера, а не по американизированной исламизации Садата, которая вступила в противоречие с самым ходом истории. Час Садата кончился с его смертью. Часы же истории республиканского Египта продолжают отсчитывать время. Время, которому положила начало египетская революция, связанная с именем Насера. И кто бы и как бы ни пытался пустить по ветру это наследие, египетский народ продолжает свято его беречь.

Садат оставил новому руководству Египта тяжелое наследие. Новый президент страны Хусни Мубарак принял против организаторов покушения на А. Садата жесткие и решительные меры. Религиозной оппозиции был нанесен чувствительный удар. На некоторое время политическая активность мусульманских партий и группировок несколько ослабла. Однако сильное фундаменталистское движение в Египте продолжает существовать, и властям с этим приходится считаться.

Несмотря на длящийся более 30 лет официальный запрет деятельности «братьев-мусульман», их «Ассоциация» остается многочисленной и влиятельной организацией. Это было продемонстрировано и церемонией похорон скончавшегося в мае 1986 г. ее верховного наставника Омара Тельмесани в Каире, где в ней приняло участие около 70 тыс. человек. Всего по всей стране в мероприятиях, организованных по этому поводу «Ассоциацией», было задействовано до миллиона человек.

«Братья-мусульмане» внешне демонстрируют лояльное отношение к властям в Египте, Судане, других арабских странах. Однако исламские радикалы время от времени громко о себе заявляют на политической арене то в одной, то в другой стране. Официальным властям, особенно тем, кто пытается совместить исламизацию и американизацию режимов, как это делали Садат и последователь его курса в Судане Дж. Нимейри, становится все труднее маневрировать и направлять политический ислам в спокойное русло.

Бывший суданский президент Дж. Нимейри, так же как и Садат, усиленно заигрывал с внутренними и внешними правомусульманскими кругами. С их помощью он тоже надеялся укрепить свою власть и непопулярный, антинародный режим. Убийство Садата исламистскими экстремистами настолько напугало Дж. Нимейри, что он стал избирать из себя «мусульманина больше самого пророка». Не отличаясь раньше особым благочестием, особенно по части употребления алкоголя, Нимейри даже решил стать таким трезвенником, что приказал — дабы не было, очевидно, самому больше никакого соблазна — уничтожить все имевшиеся в стране запасы спиртных напитков. Он лично возглавил кампанию по «сплошной исламизации» страны, введя шариатские законы и исламские налоги. Вновь, как в средневековье, топором отсекали одним руки, а другим — и головы, а на площадях публично проводились экзекуции, наказания неверных, жеп и воров

плетями. Подобной «исламизацией» Нимейри пытался отвлечь внимание от усиленного сближения с Соединенными Штатами. За небольшие подачки Вашингтона он предоставил территорию Судана в распоряжение американских «сил быстрого развертывания». Такой курс лавирования между исламизацией и американизацией страны лишь умножил трудности и проблемы Судана. Страна все глубже погрязала в трясине гражданских войн и междоусобиц, политических неурядиц и экономического кризиса. За десятилетие правления Дж. Нимейри Судан, как писал лондонский журнал «Африка конфиденшл», настолько «опасно приблизился к черте политического и экономического распада», что страна фактически стала неуправляемой. Даже мусульманские партии и организации — за исключением разве «братьев-мусульман» — отказывались поддерживать подобную «исламизацию».

Накапливавшееся в Судане недовольство плодами насаждавшейся Нимейри уродливой «исламизации», как и следовало ожидать, привело к взрыву. Суданский диктатор в отличие от Садата сумел уцелеть, поскольку он находился во время свержнувшего его военного переворота в Соединенных Штатах. «Исламский» режим, служивший прикрытием военной диктатуры Нимейри, рухнул. Пришедшее к власти новое правительство Судана, возглавляемое лидером партии «Аль-Умма», известным мусульманским деятелем Садыком Эль-Махди, приговорило Нимейри заочно к смертной казни за совершенные им преступления перед суданским народом и исламом.

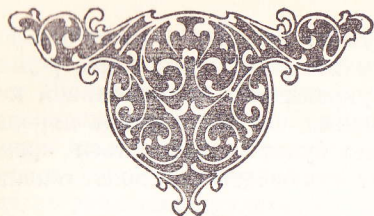
И все же правомусульманская оппозиция с помощью маневров всячески пытается усилить свое влияние на политическую жизнь в стране. Ее лидеры не скрывают своего намерения расправиться с демократическими силами, прежде всего с коммунистической партией, вышедшей из подполья после свержения диктатуры Нимейри. Блоку левых сил правомусульманские элементы стремятся противопоставить созданный лидером «братьев-мусульман» Ат-Тураби так называемый «Национальный исламский фронт».

Тяжелое экономическое положение Судана, нерешенность социальных и этнических проблем на фоне чрезвычайно высокой религиозности населения все еще позволяют «братьям-мусульманам» сохранять довольно сильное влияние на общественную жизнь страны. С этим властям неизбежно приходится считаться. Пойдет ли это влияние на убыль или, напротив, будет расти, питая антиправи-

тельную оппозицию, зависит в конечном итоге от проводимой новым руководством политики. Чем более решительно оно пойдет по пути укрепления национальной независимости страны, повышения благосостояния народа, тем большей поддержкой оно будет пользоваться среди масс, тем больше они будут связывать его деятельность с идеалами своей веры.

В конечном итоге, как показывают события в Египте, Судане и в ряде других мусульманских стран, популярность того или иного политического лидера измеряется вовсе не тем, насколько истово он молится и как часто он цитирует Коран в своих выступлениях. Мусульманские руководители, независимо от их титулов, религиозных снов и военных знаний, не могут не учитывать печального опыта иранского шаха, египетского президента Садата, суданского военного диктатора Нимейри, всех свергнутых арабских королей, султанов, эмиров. Их не смогли спасти от краха ни показная набожность, ни внешнее соблюдение исламских предписаний, ни даже претензии на принадлежность к роду пророка Мухаммеда. Такая судьба постигает любого, кто, выдавая себя за приверженца исламской веры, нещадно эксплуатирует труд мусульман и транжирит богатство собственной страны, становится на путь капитулянтства перед империализмом и предательства национальных интересов. Это убедительно продемонстрировала исламская революция в Иране.

Глава 4 Зигзаги Исламской революции

Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране, можно сказать, ознаменовала кульминацию процесса, называемого политизацией ислама. Именно в Иране ислам попытался заявить о себе не только как о некой самостоятельной, но и привилегированной политической силе.

Феномен иранской революции вовсе не в том, что она произошла под религиозными лозунгами, — подобные взрывы имели место и раньше. Новизна исламского эксперимента в Иране состоит в другом. В отличие от насаждаемой в некоторых странах исламизации общественно-политической жизни сверху, в Иране произошла политизация ислама на волне массового движения низов. Пожалуй, это единственная мусульманская страна, где исламское духовенство, возглавив народное восстание, смогло взять в свои руки государственную власть. В Иране исламские политические силы чуть ли не впервые после четырех «праведных имамов», правивших арабским халифатом в VII в. после смерти Мухаммеда, стали выступать сразу в нескольких ипостасях: духовников — проповедников, политических идеологов и пропагандистов, государ-

ственных руководителей и военных предводителей. Более того, они не только монополизировали политическую и военную власть, но и сделали заявку на создание некой исламской модели экономики.

С одной стороны, религиозная окраска революции в Иране обеспечила ей наиболее массовый характер. В стране, где не было влиятельных легальных оппозиционных партий, способных возглавить общенародное движение, шиитское духовенство, по существу, сыграло роль такой партии.

События в Иране с особой контрастностью выявили противоречивую роль исламского фактора как во внутренней жизни мусульманских государств, так и на международной арене. Само выдвижение политических лозунгов с религиозной окраской не является монополией ислама. Степень воздействия той или иной религии на политические процессы зависит от конкретных исторических условий. В первую очередь от того, какие классы и социальные силы приходят под этими лозунгами к политической власти. Не менее важно и другое: во имя достижения каких конкретных целей они ведут борьбу. Во имя чего совершаются революции.

Исламская революция в Иране со всей очевидностью показала, что религиозная оппозиция социальному и национальному угнетению, как и в средневековье, может не только выступать как политическая сила, но и одерживать верх в тех случаях, когда преобладающую часть населения составляет неграмотная или малообразованная масса крестьянства, ремесленников, мелкой буржуазии, находящихся под влиянием религиозной идеологии. Ислам для них служит не только знаменем, но и консолидирующей основой в борьбе за национальную честь и социальную справедливость. Религиозная окраска антимоноархической революции в Иране обеспечила ей наиболее массовый, почти общенародный характер. В силу этого ее лишь по форме можно назвать исламской.

Дальнейшее развитие событий подтвердило правильность оценок иранской революции как крупного события в международной жизни последних лет, ее противоречивого характера. При всей своей сложности и противоречивости это в своей основе антиимпериалистическая революция, хотя внутренняя и внешняя реакция стремятся изменить этот ее характер.

Отмеченная уже на первом этапе иранской революции негативная тенденция впоследствии проявилась особенно

наглядно. В своем дальнейшем развитии она во все большей степени стала приобретать религиозно-националистическую окраску, выявляя свою буржуазную, а следовательно, и антинародную сущность.

Именно в практическом плане опыт и уроки исламской революции в Иране представляют поэтому особый интерес, выявляя как ее потенциальные возможности, так и пределы своего развития.

Растущие ожидания «скрытого имама»

В Иране не впервые политические движения приобретали религиозную окраску. И в раннем средневековье, и в более поздние периоды социальные выступления народных масс носили характер религиозных бунтов и волнений. Таким, например, было восстание карматов в 890—906 гг., движение сербедаров в 1335—1381 гг., бабидские восстания в 1848—1852 гг.

Развитие революционных событий в Иране в конце 70-х гг. XX в. особенно убедительно подтвердило правильность марксистско-ленинского положения о том, что массовые политические движения и в наше время могут иметь при определенных условиях религиозную форму. Как отмечал В. И. Ленин, «...выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»¹.

Первая антимонархическая национально-освободительная революция в Иране 1951 г., хотя и не имела ярко выраженной религиозной окраски, тоже, можно сказать, зарождалась в мечетях.

Именно у ворот мечети 7 марта 1951 г. был убит антиамерикански настроенный премьер-министр генерал Размара... Но месяц спустя антиимпериалистическая революция все же свершилась. Новое правительство, возглавляемое Мохаммедом Мосаддыком, национализировало предприятия Англо-иранской нефтяной компании — АИНК. В борьбе за национализацию иранской нефти активное участие принимала и некоторая часть шиитского духовенства во главе с известным в стране мусульманским богословом аятоллой Кашани. Политическая деятельность Кашани послужила, можно сказать, образцом подража-

ния для другого довольно влиятельного уже в то время аятоллы — Хомейни. Однако проводимая шиитским духовенством политическая линия всегда отличалась противоречивой непоследовательностью. Оно одобряло позицию Кашани, звавшего к борьбе всех обездоленных и поддерживавшего даже террористические методы таких левых радикальных группировок, как «Федаяне ислам» («Жертвующие собой во имя ислама») и «Моджахедине халк» («Народные борцы за веру»). В то же время именно реакционное шиитское духовенство активно противодействовало созданию единого патриотического фронта с участием Народной партии Ирана (Туде) и левых сил, которых называли «безбожниками» и «слугами сатаны». Такая позиция духовенства в значительной степени определила нерешительность действий и колебания правительства Мосаддыка. Оно, как писала французская газета «Монд», после контрреволюционного путча в Тегеране, «предпочло бы любое решение, кроме победы, добытой крайне левыми элементами». Не последнюю роль здесь сыграла боязнь Мосаддыка вступить в конфликт с мусульманским духовенством. В конечном итоге шиитские богословы внесли гораздо больший вклад в поражение, нежели в недолгосрочную победу первой антишахской революции начала 50-х гг. в Иране.

Прогрессивным силам страны, да и всему иранскому народу пришлось потом заплатить дорогую цену за поражение революции. Были спровоцированы не без участия шиитских богословов погромы левых демократических сил в южных кварталах Тегерана; они учинялись подкупленными толпами религиозных фанатиков и деклассированных элементов. Сам Мосаддык был приговорен военным трибуналом к тюремному заключению. Тысячи иранских патриотов были расстреляны или брошены в тюрьмы. Удары наносились и по самому духовенству, особенно по его оппозиционно настроенным представителям.

После того как с середины 50-х гг. прогрессивные силы, левые организации и политические партии были разгромлены или запрещены, шиитское духовенство представляло собой, по существу, единственную организованную легальную оппозицию в Иране. Шиитские проповедники имели возможность в мечетях и даже в собственных домах обращаться к верующим. Представители средних и низших слоев населения уповали на ислам не только как на политическую, но и влиятельную экономическую силу. Так, мусульманское духовенство в Иране всегда за-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

нимало привилегированное экономическое положение. Для иллюстрации достаточно сослаться хотя бы на социально-профессиональный состав четырех семейных кланов великих аятолл — Шариатмадари, Мараши-Наджафи, Милани и Гольпаегани — наиболее видных деятелей шиитской элиты Ирана. В этих семьях насчитывается более 100 богословов, около 100 крупных торговцев и помещиков, некоторые из их представителей были высокопоставленными чиновниками в шахском госаппарате. Всего в Иране насчитывается около тысячи представителей высшего звена духовенства — аятолл.

Среднее звено духовенства также имеет достаточно высокие доходы, главным образом за счет пожертвований прихожан. Всего в Иране знатоков религиозных наук и служителей культа насчитывается около 200 тыс., более 80 тыс. мечетей. Кроме того, в 300 духовных учебных заведениях и религиозных центрах обучалось не менее 60 тыс. человек. К этой армии богословов различных категорий следует еще добавить около 600 тыс. так называемых «сейидов» — прямых потомков пророка по мужской линии, и около 1 млн потомков — по материнской линии. Все они, независимо от рода занятий, считаются почитаемыми и довольно состоятельными правоверными мусульманами.

Вскоре после поражения первой антимонархической революции 1951—1953 гг. религиозную оппозицию в Иране возглавил аятолла Хомейни, который становится популярной фигурой в кругу традиционалистской шиитской элиты, среди студентов-богословов и средних городских слоев населения.

Хомейни быстро завоевал себе много сторонников и последователей. Авторитет аятоллы, что значит «благовест», «знамение бога», еще более возрос после того, как его сторонникам удалось одержать над светской властью ряд крупных побед. В частности, в результате организованного Хомейни массового движения протеста власти вынуждены были возобновить существовавшую ранее процедуру в суде, предусматривавшую клятву свидетелей на Коране.

Проводимые шахом экономические реформы увеличивали пропасть между богатыми и бедными. Они задевали интересы и значительной части шиитского духовенства. Летом 1963 г. в Куме, а затем и в других городах состоялись массовые антиправительственные демонстрации. Выступая перед сотысячной толпой, собравшейся перед ме-

четью, Хомейни сравнил режим шаха с правлением ненавистного для всех шиитов халифа Иазида, убившего последнего законного имама Хусейна. Власти учинили жестокую расправу над участниками антимонархического движения. Сотни людей были убиты, тысячи арестованы. Среди них находились и крупные богословы, некоторые из них были подвергнуты пыткам и даже казнены. Хомейни, который уже тогда почитался как «великий аятолла», власти не решились бросить в тюрьму. Шах приказал взять его под домашний арест.

После восьмимесячного вынужденного молчания Хомейни, получив относительную свободу, снова выступил с заявлениями против шаха и американского засилья в Иране. Аятолла обвинил власти в мошенничестве во время парламентских выборов. В 1964 г. Хомейни осудил предоставление американским военным советникам статуса дипломатической неприкосновенности. В ноябре того же года он был выслан в Турцию, где прожил 11 месяцев, а затем поселился в Ираке. Это было время очередного обострения ирано-иракских противоречий, и правительство Багдада дало убежище Хомейни, чтобы оказывать давление на Тегеран. В ноябре 1977 г. личная ненависть Хомейни к шаху еще более усилилась, после того как он лишился сына Мустафы, который был убит в Иране, очевидно, агентами тайной полиции САВАК. Вскоре после этого Хомейни переехал во Францию, где поселился под Парижем.

Отрицая классы, Хомейни делит общество на три группы — «обездоленных» («мустазафин»), «благоденствующих» («мустакбарин») и «слуг сатаны» («тагути»). Хомейни при этом не делает различия между внутренними «слугами сатаны», к которым причислялись шах, его близкое окружение, атеисты и прозападно настроенная интеллигенция, и внешними «слугами сатаны» в лице всех империалистов и коммунистов. Конечной целью провозглашалось создание исламского государства путем беспощадной борьбы с «тагути» ради благоденствия «обездоленных».

Ислам в представлении Хомейни — это и средство морального самосовершенствования человека, и орудие социального переустройства общества. Резко критикуя западную цивилизацию, полностью отвергая буржуазный образ жизни и капиталистический прогресс, Хомейни отрицал и достижения мирового социализма как возникшие на атеистической основе. «Не правым, не левым,

а исламу», «Не Западу, не Востоку, а исламу», — говорил он, и многие вторили ему.

Концепция политизации ислама через неограниченную, по существу, власть факиха (знаток мусульманского права) и доктрина о «сокрытом» имаме содержали в себе большой силы взрывчатый потенциал. Но сами по себе догматы о «сокрытом» имаме и незаконности прав светского правителя вряд ли воодушевили бы народные массы, если бы не сопровождалась проповедями о социальной справедливости, подкрепляющимися цитированием соответствующих сур и аятов Корана. Такая исламизированная политическая пропаганда велась как в мечетях, так и на базаре, и в учебных заведениях. Борьба между шахским режимом и религиозной оппозицией принимала все более непримиримый характер.

Массовые выступления широких слоев населения были результатом не только религиозной пропаганды духовенства, но и многолетней подпольной работы революционеров, которая проводилась по всей стране.

Рабочие-нефтяники, как и многие другие представители трудящихся города и деревни, прогрессивно настроенной интеллигенции и учащейся молодежи, объединялись вокруг Народной партии Ирана (Туде), организаций партизан-фидайи и моджахединов иранского народа, Национального фронта, Демократического Союза народа Ирана, а также ряда буржуазных политических организаций. Что же касается духовенства, то большинство мусульманских лидеров, по крайней мере на первом этапе революции, готово было пойти на компромисс с шахским режимом, занимая, по сравнению с Хомейни и его сторонниками, явно более умеренную, соглашательскую позицию. Так, считавшийся в отсутствие Хомейни главой шиитского духовенства аятолла Шариатмадари откровенно признавал, что «по иронии судьбы не мы (шиитские богословы), а простой народ выступил с требованиями восстановления законных прав, предоставленных конституцией. Мы им оказывали лишь моральную поддержку»¹.

Взрыв гнева

Народное движение неудержимо перерастало в революцию. Она приобретала все более массовый и на первый взгляд неуправляемый характер.

¹ Кейхан, 1978, 28.VIII.

Шахский режим в смертельных конвульсиях продолжал маневрировать и изворачиваться, прибегая то к кнута, то к прянику. Запрет правительством проводить в траурные дни месяца мухаррама традиционные шествия верующих вызвал такое стихийное негодование масс, которое никто уже сдержать не мог. Еще больший взрыв возмущения повлек за собой расстрел внутри мечети в Мешхеде участников религиозно-политического митинга. В знак протеста духовенство при поддержке оппозиционных сил объявило в стране 26 ноября 1978 г. всеобщий национальный траур. В Тегеране, Мешхеде, Исфагане и других городах состоялись многотысячные демонстрации. Они сопровождалась столкновениями с войсками и полицией. В ряде случаев отмечались и несанкционированные духовенством нападения патриотов на полицейские участки, на представителей властей и правительства, а также на американские и английские учреждения в Иране. В декабре 1978 г. начался массовый выезд американцев из страны. Революция все более приобретала радикальную не только антимонархическую, но и антиимпериалистическую направленность. Шах, по совету американцев, пошел еще на увертку, предложив сформировать правительство одному из руководителей оппозиционного Национального фронта, Шахпуру Бахтияру. Согласившись возглавить новый кабинет, Бахтияр, впрочем, сразу лишился поддержки оппозиции.

Наступивший новый 1979 г. ознаменовал, по существу, следующий этап революции и начало новой эры в истории Ирана. Демонстранты наводняли с утра до поздней ночи все улицы и площади Тегерана. Напуганные американские дипломаты и персонал посольства жили, как в осаде, не решаясь выходить на улицу. Шах 16 января покинул Тегеран. Он бежал из страны по совету и при содействии американцев. Правительство Бахтияра все больше теряло контроль над положением.

Повсеместно образовывались и действовали революционные исламские комитеты, зачастую со штаб-квартирами в мечетях.

К моменту решающей схватки с шахским правительством 1 февраля 1979 г. в Тегеран вернулся Хомейни, восторженно встреченный всем населением столицы.

В тот же день был создан Временный комитет исламской революции, ставший реальной властью в стране. Тем временем исламские революционные комитеты, левые и леворадикальные группировки без указаний сверху

усиленно вооружались, частично с помощью переходящих на сторону революции армейских частей.

Несмотря на все старания духовенства избежать вооруженных столкновений, совершить мирную революцию не удалось. После спровоцированного контрреволюционными силами вечером 9 февраля 1979 г. нападения на учебную базу военно-воздушных сил под Тегераном, где верх взяли революционные офицеры и курсанты, в ту же ночь моджахедины и фидаи окружили базу, вступили в бой с шахской гвардией. В последующие дни в столице шли бои вооруженных отрядов моджахедов и фидаев, а также коммунистов с верными Бахтияру воинскими частями.

Вооруженное выступление произошло стихийно, без приказа Хомейни и без ведома созданного по его указанию нового правительства во главе с Базарганом. Позднее сам Базарган признавал: «Нас захлестнула волна событий, и мы внезапно оказались у власти, не успев даже опомниться. Мы были к этому совершенно не подготовлены».

С монархией в Иране было покончено навсегда — «павший трон» рухнул.

Новое иранское правительство объявило о выходе из СЕНТО, прекратившего с этого времени свое существование, отказалось от роли жандарма в Персидском заливе, расторгло ряд военных и гражданских контрактов с США и другими империалистическими державами, аннулировало соглашение с Международным нефтяным консорциумом, прекратило поставки нефти проимпериалистическим и расистским режимам. Американские базы в стране были ликвидированы. Тегеран порвал дипломатические отношения с Израилем. В бывшем здании израильской миссии открылось представительство Организации освобождения Палестины. Один за другим в стране закрывались иностранные, в первую очередь американские, банки и компании. В ответ на предоставление в США временного убежища свергнутому шаху в Иране развернулась общенародная антиамериканская кампания.

Вызов «сатане» империализма

Посольство США в Тегеране оказалось, по существу, заблокированным в первые же дни революции. Вокруг него с утра до поздней ночи бурлили демонстранты, которые в конце концов объявили американских дипломатов «залож-

никами». Непосредственным поводом для захвата американского посольства явилось сообщение о прибытии 22 октября 1979 г. бывшего шаха «на лечение» в Соединенные Штаты. Несколько дней улицы Тегерана опять бурлили. Участники демонстраций гневно скандировали: «Смерть шаху!», «Смерть Картеру!», «Смерть сатане империализма!»

Администрация США не скрывала своего беспокойства по поводу антиимпериалистической направленности иранской революции. «Ястребы» в Белом доме и Пентагоне настаивали на «решительных шагах» против Ирана. Они призывали «не церемониться с муллами». Одни ратовали за бомбардировку Тегерана с воздуха. Другие предлагали ограничиться морской блокадой, захватив остров Харк в Персидском заливе. Третьи считали возможным ограничиться десантом, который-де не только освободит американских заложников, но и «вставит запал» для подрыва режима в Иране.

Администрация Картера оказалась накануне президентских выборов в щекотливом положении. Дело было вовсе не в продолжительных «мучительных раздумьях» и «нерешительности» администрации Картера, в чем ее обвиняла пришедшая потом к власти «команда Рейгана». Причина колебаний Белого дома была в далеко идущих стремлениях Вашингтона использовать создавшуюся ситуацию для дальнейшего наращивания в этом районе американских сил с целью эскалации агрессии и угроз против Советского Союза и мусульманского мира.

Захват американских заложников в Тегеране дал Вашингтону новый повод для развертывания широкой антииранской кампании, которая сопровождалась демонстративными военными приготовлениями. В район Ближнего и Среднего Востока, непосредственно прилегающий к Ирану, были подтянуты значительные американские военноморские, военно-воздушные и десантные силы. Одновременно оказывалось давление на союзников США по НАТО с целью заставить их принять экономические санкции против Ирана. Под аккомпанемент шумной антииранской кампании в январе 1980 г. Вашингтон объявил о введении в действие неоколониалистской глобальной «доктрины Картера». В рамках этой «доктрины» стали с еще большим размахом и с необыкновенной поспешностью форсироваться военные приготовления в так называемой «зоне нестабильности». Эпицентром этой «кризисной зоны», в которую включался почти весь мусульманский мир, был

объявлен не только Иран, но и вся зона Персидского залива и сопредельные с ним районы.

Однако сразу привести в действие механизм «доктрины Картера» Вашингтон не решился. И не столько из-за неготовности этого механизма, сколько из-за боязни серьезных последствий, которыми могла бы обернуться широкомасштабная интервенция в Иран. Белый дом не мог игнорировать серьезное предупреждение на этот счет Советского Союза. Нельзя было сбрасывать со счета и возможность цепной реакции антиамериканских выступлений во всем мусульманском мире. Тревожных сигналов поступало в Вашингтон достаточно. В Карачи пакистанские патриоты тоже попытались захватить американское посольство. В Саудовской Аравии была предпринята попытка антиправительственного мятежа, сопровождавшегося захватом в Мекке главной святыни ислама — мечети Аль-Харам с Каабой. Антиамериканские выступления нарастали в Кувейте, других арабских княжествах Персидского залива. Об арабских странах — жертвах израильской агрессии и говорить не приходилось: там накопилось столько горючего материала, что в любой момент можно было ожидать взрыва гнева, обращенного против Соединенных Штатов, как главного стратегического союзника Израиля.

Сломанный «Коготь орла»

После долгих колебаний в Белом доме, раздумий в госдепартаменте и споров в ЦРУ было решено провести совместными силами Пентагона и секретных ведомств комбинированную срочную операцию по спасению американских заложников, заодно и престижа Вашингтона в мусульманском мире.

Операцию под кодовым названием «Коготь орла» предполагалось проводить поэтапно. Предусмотрено, казалось, было все. Но эта тщательно продуманная на бумаге и столь продолжительное время отработывавшаяся на заокеанских полигонах операция на иранской земле с позором провалилась. Американскому «орлу» пришлось убирать «сломанный коготь». Американские десантники дальше первой базы продвинуться не смогли и должны были впопыхах бежать, оставив в пустыне несколько обжаренных пламенем самолетов и девять обугленных трупов несостоявшихся «героев-избавителей».

Решению кризиса с американскими заложниками помогла не ожидавшаяся смерть «несговорчивого аятоллы», на что рассчитывали в Вашингтоне, а бесславная кончина в июле 1980 г. бывшего шаха. Он умер от рака в каирском военном госпитале. А вскоре Джимми Картер, проиграв президентские выборы, оставил Белый дом, где его заменил Рональд Рейган.

Финал истории с заложниками наступил как раз в те часы, когда Р. Рейган принимал присягу, вступая на пост президента США. Именно в это время из тегеранского аэропорта вылетели самолеты, на борту которых находились 52 американских заложника. В ночь с 20 на 21 января 1981 г. они были доставлены на американскую военно-воздушную базу в Висбадене на территории ФРГ, а затем на родину.

Как тому ни противился Вашингтон, американцам все же пришлось пойти на удовлетворение хотя бы части справедливых требований Ирана. Смерть Реза Пехлеви снимала главное из этих требований — о передаче бывшего шаха иранским властям и возвращении награбленных им богатств.

Вашингтон — по крайней мере на словах — вынужден был взять на себя обязательство не прибегать к вмешательству — прямому или косвенному, политическому или военному — во внутренние дела Ирана. Кроме того, уже не на словах, а на деле он должен был вернуть часть принадлежащих народу замороженных в американских банках средств, передав остальную их часть на решение международного арбитража. Картер ушел, но его экспансионистская «доктрина», своим острием направленная против мусульманского мира, продолжала действовать.

В одних случаях ее сторонники прибегают к государственному терроризму, а в других — к открытой или скрытой поддержке сил контрреволюции, независимо от того, борются ли они против так называемых радикальных мусульманских режимов или сами выступают под флагом ислама. Администрация Рейгана, взявшая официально на вооружение экспансионистскую концепцию «неоглобализма», возвела террор поистине в ранг государственной политики и придала ему, можно сказать, стратегический размах. Центр тяжести этой стратегии попеременно переносится то на Персидский залив, то на Восточное Средиземноморье, то на Юго-Западную Азию. Главная ставка при этом делается на поощрение и поддержку контррево-

люционных сил в арабских странах, а также в Иране и Афганистане, на раскол мусульман и столкновение их друг с другом.

Революция несбывшихся надежд

Революция в Иране нанесла ощутимый удар по нефтяным, финансовым и другим экономическим интересам империализма и ослабила его военно-политические позиции. В этом отношении иранскую революцию, совершенную под флагом ислама, можно расценить и как одно из проявлений кризиса неокOLONиализма, как отражение его непримиримых противоречий с развивающимися странами мусульманского мира.

Главная же ее отличительная черта не в том, что она проходила под лозунгами ислама, а в том, что она приобрела необычайно массовый, общенациональный характер благодаря своей ярко выраженной антимонархической и антиимпериалистической направленности. Оппозиция сумела объединить эти два направления — социальное-классовое и национально-освободительное — в общий революционный поток.

Исламские лозунги, выдвинутые оппозиционным духовенством, сыграли свою мобилизующую роль, поскольку они послужили идейной платформой для объединения самых различных социальных и этнических групп, которые, проживая в границах Ирана, исповедуют одну веру.

«...Апелляция к «Духу», — писал В. И. Ленин, — есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «перевооружился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков «укладывающийся» новый строй, какие общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки»*¹.

Эта ленинская характеристика состояния общественного сознания в переломные периоды актуальна и в наше время для понимания процессов в ряде освободившихся стран, где сохраняются одновременно старые, докато-

листические социально-экономические структуры, которые подвергаются сейчас исторической ломке.

Ислам выступил именно в роли того «Духа», к которому апеллировала оппозиция в иранской революции. Мобилизующая сила и популярность исламских лозунгов, под которыми она проходила, была в простоте и доходчивости призывов создать «справедливое общество». При этом они указывали и конкретный путь — избавиться от «обезображивающих ислам» таких неокOLONиалистских наростов, как шахская власть и американское засилье. Но вместе с тем эти лозунги, будучи внеклассовыми, беспартийными, носили намеренно расплывчатый характер. На первом этапе, в ходе решения общенациональных задач, революция объединила различные силы, которые не только нанесли смертельный удар по деспотическому режиму шаха, но и заметно потеснили позиции американского империализма. Около 50 тыс. американских военных и других советников вместе с членами их семей с позором были изгнаны из Ирана. Большое число военных и экономических контрактов с США и другими империалистическими государствами было расторгнуто.

Иранская революция пробудила к активной политической жизни широкие народные массы. На ее первом этапе возникли и громко о себе заявили многие массовые организации. Далеко не все они находились под непосредственным контролем духовенства. Организовывались под разными названиями комитеты и даже военизированные формирования. Некоторые из них, такие, как моджахедины и фидаи, сыгравшие, можно сказать, решающую роль в кульминационный момент революции, насчитывали десятки тысяч. Создавались новые профсоюзы, которые выступали самостоятельно в роли наиболее массовых организаций рабочего класса. В ряде случаев рабочие брали в свои руки управление крупными предприятиями. Все это расширяло социальную базу революции. Вместе с тем рабочий класс из-за своей слабости и разрозненности не смог возглавить антишахскую революцию. Лозунги же духовенства объединяли как правых иранских националистов и патристически настроенную буржуазию, так и различные левые и левоэкстремистские группировки.

Уже вскоре после победы февральской революции в Иране начали усиливаться разногласия между ее участниками и углубляться размежевание политических сил и группировок. Подобный процесс охватил даже мусульманское духовенство, внутри которого образовалось около

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 102.

десятка религиозно-политических партий, организаций и группировок. Они отражали взгляды и тенденции всех политических направлений от крайне правых исламистских традиционалистов до прогрессивных левых сил.

Сам Хомейни, хотя и выступал против принципа партийного плюрализма, стал, по существу, инициатором создания политической организации — Исламской республиканской партии. Благодаря поддержке Хомейни и авторитету лидера ИРП эта организация, по существу, стала правящей партией в стране. Но в ее рядах наблюдается обострение противоречий и борьба различных группировок. Усиление этих противоречий, намеренно разжигаемых к тому же прозападными кругами и американской агентурой, пашло, очевидно, проявление в организованном взрыве штаб-квартиры ИРП 28 июня 1981 г., в результате чего был убит лидер этой партии Бехешти и другие видные руководители Исламской Республики Иран.

Интересно отметить, что высказывание Хомейни, что только «община истинно верующих мусульман имеет право называться единственно допустимой партией — партией Аллаха», послужило поводом для появления многих фундаменталистских групп и организаций, члены которых стали называть себя «хезболлахами», то есть приверженцами партии Аллаха.

Разногласия между видными шиитскими авторитетами и их последователями проявились уже в самом подходе к решению вопросов политического и государственного устройства страны вскоре после свержения монархии. Несмотря на то что в марте 1979 г. Иран в результате всенародного референдума был провозглашен республикой и подавляющее большинство населения страны и само духовенство формально поддерживали принадлежавшую Хомейни идею создания «исламской республики», многие религиозные деятели отнеслись к этому неблагоприятно. Одни протестовали против антидемократического характера «исламской республики», в которой Хомейни обладает абсолютной властью. Другие были недовольны стремлением Хомейни вовлечь духовенство непосредственно в политическое управление страной, усматривая в этом опасность подрыва авторитета шиитского духовенства в народных массах. Тем не менее Хомейни настаивал на установлении в Иране республиканской формы правления, но «по западному, а в исламском смысле».

Несмотря на то что наиболее видные религиозные деятели неофициально поддерживали определенные партии и

организации — например, аятолла Хомейни — Исламскую республиканскую партию (ИРП), аятолла Шариятмадари — Партию исламской республики мусульманского народа Ирана (ПИРМНИ), аятолла Талегани — Организацию моджахединов народа Ирана (ОМНИ), — никто из них никогда не входил в состав какой-либо политической партии. Они, видимо, считают, что дискредитация политической деятельности партий или организаций может подрывать их авторитет в массах. Они также опасаются, что это может привести к снижению религиозности населения, да и сама партийная принадлежность, по их мнению, скорее соответствует светской политической практике, чем исламскому принципу сохранения единства мусульманской общины. Но хотя Хомейни и другие ведущие аятоллы рассматривают партийную деятельность как дело, «противное исламу», это не мешало им самим и не мешает их последователям направлять деятельность различных партий. Многие из них официально занимают руководящие посты в политических организациях и в государственном аппарате.

О степени исламизации государственной структуры Ирана и обострении политической борьбы после революции можно судить хотя бы по сообщению генерального прокурора Ирана Х. Мусави, что только в сентябре 1981 г. противники режима и боевики противоборствующих группировок убили более 300 религиозных деятелей, занимавших различные партийные и государственные посты.

Периодически обостряющиеся разногласия среди шиитских религиозных деятелей носят, с одной стороны, традиционный характер, имея свои глубокие исторические корни. Они проистекают в основном из различного понимания методов и средств достижения общих целей — обеспечения наиболее благоприятных условий для распространения и укрепления позиций ислама. С другой стороны, эти разногласия обусловлены социально-классовой привязанностью шиитского духовенства к определенным общественным силам. Возникающие между религиозными авторитетами противоречия отражают во все большей степени и социально-классовую дифференциацию иранского общества, и размежевание политических сил, и обострение борьбы между ними в самых различных сферах.

Разногласия усугубляются еще и нерешенностью национального вопроса. Он имеет для Ирана особенно важное значение. Ведь значительную часть населения страны составляют национальные меньшинства: азербайджанцы

(8 млн), курды (4 млн), арабы (600 тыс.), туркмены (более 600 тыс.), белуджи (более 600 тыс.), другие неперсидские народы (свыше 1 млн).

Согласно последней всеобщей переписи населения (1976 г.), около 4 млн человек составляют племена как персидской, так и тюркской групп, которые ведут кочевой или полукочевой образ жизни. Несмотря на то что государственной религией страны при шахе и после провозглашения республики объявлен ислам шиитского толка, шииты составляют не более 90% населения. К суннитам относятся часть курдов и арабов, белуджи, таджики, туркмены и некоторые другие народы.

Отсутствие в новой конституции Ирана положений, обеспечивающих права национальных меньшинств, вызвало среди них усиление недовольства. Это резко накалило обстановку в Иранском Курдистане, Белуджистане, отчасти в Западном Азербайджане, что сопровождалось вооруженными столкновениями, перераставшими иногда в продолжительные кровопролитные бои. В большинстве случаев к разжиганию этих междоусобиц прямую причастность имели оставшиеся в Иране агенты американского ЦРУ и израильской разведки.

Тяжелое положение курдского народа и его борьбу за предоставление культурной автономии мусульманские реакционные круги и внешние империалистические силы стремились использовать для подстрекательства к волнениям и в других взрывоопасных районах Ирана, с тем чтобы подорвать революцию изнутри. Власти тем не менее пытались возложить ответственность за эти события на левые силы, прежде всего на Народную партию Ирана (Туде). Так, с началом в 1979 г. военных действий в Курдистане был наложен арест на центральный орган Народной партии газету «Мардом», закрыты штаб-квартира партии в Тегеране и ее отделения в провинциях. В ответ на это ЦК Народной партии Ирана, раскрыв интриги империалистов и внутренней реакции, разоблачил заговорщическую роль империалистов и контрреволюции. В опубликованном заявлении партии Туде подчеркивалось, что проблему Курдистана нужно решать мирными средствами путем переговоров. Только так можно добиться урегулирования проблемы нацменьшинств, которое отвечало бы интересам революции и вместе с тем учитывало бы законное право меньшинств на самоопределение¹.

¹ См.: Коммунист, 1980, № 5, с. 86.

Хотя аятолла Хомейни назвал новую конституцию «наиболее справедливой и не имеющей равных в мире по демократизму», власти тем не менее не решились проводить по поводу принятия конституции референдум в большинстве городов Иранского Курдистана из-за отказа участвовать в нем основных курдских политических партий и группировок. Референдум бойкотировался и в некоторых других районах проживания нацменьшинств. В некоторых городах, например в Тебризе и Горгане, бойкот сопровождался демонстрациями в знак несогласия с новой конституцией.

Нерешенность проблемы нацменьшинств не только осложнила, но и обострила процесс размежевания политических сил в стране, придавая ему помимо религиозной еще и национальную окраску. Исламская революция, которую называли общенациональной, постепенно из «иранской» превратилась в «персидскую», тем самым она стала терять тот народный и массовый характер, который был ей присущ на начальных этапах. Стали усиливаться тенденции укрепления националистических позиций правых персидско-шиитских элементов. Они пытаются присвоить себе право выступать от имени всего многонационального населения Ирана, стремясь удержаться у власти именно как «персидско-шиитское руководство». Этот процесс стал отражать в большей степени тенденции буржуазного национализма, чем политического ислама. Такой национализм, прикрываясь лозунгами равноправного общества верующих-мусульман, затушевывает свою классовую реакционную сущность.

В условиях сложной обстановки в стране и растущего недовольства различных социальных групп деятельностью находящегося у власти духовенства, религиозно-политическая верхушка Ирана постоянно изыскивает различные пути для укрепления исламского режима.

Шиитское духовенство постепенно оттеснило на задний план и нейтрализовало сначала либерально-буржуазную, а затем и левую радикальную оппозицию. После этого оно приступило к исламизации всей общественно-политической жизни страны, что получило особенно широкий размах после смещения в 1981 г. президента Банисадра, сторонника либеральных буржуазных реформ.

В широких масштабах одновременно проводились аресты и массовые расстрелы активных деятелей и сторонников леворадикальных организаций моджахединов и фидаяев.

В начале 1983 г. исламские власти начали широкое наступление и на Народную партию Ирана. Были арестованы и подвергнуты изуверским пыткам многие ее руководители и рядовые члены. Казни без суда и следствия, жестокие средневековые пытки заключенных оправдывались ссылками на Коран и шариатские «законы о наказаниях».

Новое законодательство, поощряющее поголовную слежку, охоту за «антиисламскими элементами», доносы, открывало широкий простор для произвола, служило орудием кровавого террора, принявшего в стране беспрецедентные масштабы. Тысячи и тысячи иранских патриотов, вынесших на своих плечах основную тяжесть борьбы с шахским режимом, были именем Аллаха брошены в тюрьмы, замучены, повешены, расстреляны как «сеятели скверны на земле» и «еретики».

Выходящая за пределы Ирана газета «Моджахед» опубликовала 6 февраля 1984 г. имена более десяти тысяч мужчин и женщин, казненных в последние годы по приговору исламских судей или погибших от рук «стражей исламской революции» и тюремщиков, служивших ранее шаху, а теперь — исламскому режиму. По приведенным членом политбюро ЦК Народной партии Ирана Д. Норози данным, уже убито свыше сорока тысяч.

Но и на этом, судя по всему, не собираются останавливаться защитники и блюстители исламского правосудия. Как заявил бывший главварь «революционной прокуратуры» Тегерана (при шахе — начальник столичной тюрьмы) Ладжеварди, для расцвета ислама на иранской земле он готов уничтожить миллион человек¹.

Пожалуй, ни в одной другой сфере, как в области такой «исламизации правопорядка», не проявилась трагедия исламской революции, во имя которой попираются элементарные нормы гуманности и морали. Принятие уголовного законодательства на основе устаревших религиозных норм — это лишь один из шагов в этом направлении.

Ультрареакционные действия шиитского духовенства вызывают недовольство не только светских кругов, но и значительной части религиозных деятелей, справедливо считающих многие положения шариата устаревшими и неприемлемыми для страны, относительно далеко продвинувшейся по пути капиталистического развития.

«Иранские руководители, — писала французская газета «Монд», — с одной стороны, парализованы противоречиями между их революционной фразеологией и их консервативной природой; с другой стороны, они не могут построить справедливое общество, потому что не могут конфисковать богатство (это противоречило бы религиозной традиции) и перераспределить его между обездоленными. Кроме того, они продемонстрировали свое неумение организовать производство, зато стали «мастерами» в организации репрессий»¹. Демократические и прогрессивные партии и профсоюзы были разогнаны. Всякие демонстрации и митинги, кроме организуемых правящим духовенством, запрещены. Зеленое знамя ислама, хотя и отождествлялось в Иране с государственным флагом, не стало там символом социальной справедливости, а тем более широкой демократии, завещанных якобы Кораном. Иранская революция показала полную несостоятельность идеи так называемого особого «исламского пути развития», будь то в экономике или в политике. «Таухидная», исламская, экономика оказалась построенной на песке. Ее основополагающий принцип «От каждого — по способности, каждому — по благочестию» на деле обернулся в демагогическое оправдание социального неравенства. Никакого альтернативного пути, принципиально отличающегося от капиталистического, исламские богословы в Иране не открыли, да и не могли открыть. Возглавленная ими политическая революция якобы в интересах обездоленных, по существу, не сумела перерасти в социальную. Обездоленные остались обездоленными, а богатые — богатыми.

«Революционная политизация» ислама на иранский манер, по крайней мере во внутренней социально-экономической сфере, зашла в тупик.

Исламская революция постепенно утрачивает широкую народную основу. Уже в начале 1981 г. известный французский исламовед Пьер Рондо констатировал: «...исламская революция в Иране не развивается более в соответствии с провозглашенным ею собственным канонem. Став еще более тираничной, чем режим, который она свергла, эта революция пожирает саму себя... Вне Ирана практически теперь уже нет мусульман, которые бы считали ее своей, хотя она объявила себя «исламской». Напротив, многие ее осуждают»².

¹ См.: Проблемы мира и социализма, 1985, № 12, с. 84.

¹ Le Monde, 1985, 16.V.

² Ibidem.

Экспорт с убытками

Зигзаги исламизации политики, экономики, военного строительства и всех внутренних, общественных и культурных сфер жизни Ирана находят отражение и в противоречивости внешнеполитического курса первого в мире государства шиитских богословов. Формируясь в общем русле «исламских экспериментов» внутри страны, внешняя политика Ирана проделывает, по существу, такой же зигзагообразный и непоследовательный путь, как и сама исламская революция. Генеральная линия внешнеполитического курса, по признанию шиитских лидеров, направлена на создание «всемирного исламского государства». Она представляет собой одну из разновидностей религиозного гегемонизма, вытекающего из официальной идеологии правящего духовенства и вероучения ортодоксального шиизма.

Исламский характер проводимого внешнеполитического курса обосновывался вначале, на первых этапах революции, выдвинутым Хомейни официальным лозунгом «Ни Запад, ни Восток». Однако с начала 80-х гг., по мере усиления правоконсервативных тенденций во внутренней политике и внешнеполитическом курсе Ирана, этот лозунг стал использоваться иначе: «Ни Восток, ни Запад». В последнее время стала прослеживаться тенденция на проведение Тегераном все более прагматической политики, так называемого «сбалансированного внешнеполитического курса».

Правящее духовенство Ирана нередко, однако, «уравновешивает» свой курс, перенося акцент «исламской борьбы» на социалистические страны при одновременном ослаблении борьбы с капиталистическими государствами.

Зигзаги во внутренней и колебания во внешней политике в какой-то степени отразились и в проведении генеральной линии на создание под эгидой шиитских богословов «всемирного исламского государства» путем «экспорта исламской революции». На первых порах в рамках этой концепции «империалистическое сионистское государство» было причислено Хомейни к «основным врагам ислама», которые подрывают мусульманство и стоят «за всеми антиисламскими происками и интригами». Однако объявленная Ираном священная война против Израиля и разрыв отношений с США носят чисто символический характер. Как показал скандал «ирангейта», это не мешает Тегерану устанавливать и развивать с ними деловые контакты, осо-

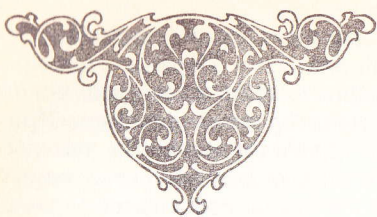
бенно в сфере оружейного бизнеса. Оружие, приобретаемое на Западе и через тайные каналы у Израиля, используется исламской армией Ирана и «стражами исламской революции» в бессмысленной кровопролитной войне с Ираком, в карательных операциях против курдов или вкладывается в руки афганских душманов для убийства одних мусульман другими. Такова обратная сторона объявленного шиитскими богословами «джихада».

Проводимый Тегераном курс «экспорта исламской революции» привел к дестабилизации обстановки в ряде районов мусульманского мира, особенно в зоне Персидского залива. Предпринятая в декабре 1981 г. попытка государственного переворота на Бахрейне, антиправительственные выступления шиитского населения в Саудовской Аравии и в некоторых арабских княжествах, равно как и кровавые столкновения в Мекке и кровопролития в различных районах Ливана, не без основания связывались иностранной печатью с деятельностью сторонников Хомейни.

Политика «экспорта исламской революции» проводится Тегераном не только в отношении стран Ближнего и Среднего Востока. Стремление иранских богословов под надуманными и провоцируемыми предлогами осуществлять покровительство и даже опеку всех мусульман, причисляя к ним и население советских республик Средней Азии и Закавказья, естественно, не укрепляет, а подрывает авторитет Ирана в мусульманском мире и на международной арене. Не случайно в связи с этим Иран вынужден был несколько «скорректировать» свою генеральную линию в вопросе «экспорта исламской революции». Тегеран официально заявил, что под «экспортом революции» следует понимать не насилие, а «активное разъяснение другим народам ценностей исламской революции для того, чтобы живой свет ислама быстрее дошел до других народов»¹.

Однако проводимый Тегераном курс «джихада», который оборачивается на Западе бессмысленной войной с Ираком, а на Востоке — необъявленной войной против другой мусульманской страны — Республики Афганистан, идет вразрез с подобными разъяснениями. Во всяком случае, дым пожарищ этих войн, ведущихся Ираном под знаменем ислама, явно затмил ожидавшийся «свет исламской революции».

¹ Эттелат, 1982, 9.1.

Глава 5 Традиции ислама и ориентиры социализма

Долгое время ислам запрещал даже в помыслах представлять какие-либо другие жизненные дороги, кроме единственного пути, указанного Аллахом и предначертанного в Коране. Но время сняло этот запрет. Лозунги ислама стали использоваться не только для поднятия народа на борьбу против колонизаторов. Знамя ислама не отбрасывалось в сторону и после завоевания независимости мусульманскими народами. В развернувшейся не менее трудной и ожесточенной борьбе за выбор пути развития освободившихся мусульманских стран ислам тоже используется как революционными, так и контрреволюционными силами. В одних случаях им пытаются оправдать капитализм, в других — обосновать правильность выбора пути социалистической ориентации. Именем Аллаха призывают к борьбе и примирению. Такую цель преследуют и выдвигаемые различные концепции некоего особого, «третьего пути» развития.

Наибольшее распространение из них получила в последнее время концепция «исламского социализма». Ее сторонники исходят из того, что основополагающие идеи социализма не противоречат Ко-

рану. Они содержатся якобы в самом исламе и даже начали претворяться в жизнь в ранней мусульманской общине.

Первые попытки сформулировать идею «исламского социализма» были предприняты еще в конце XIX в. известным реформатором ислама Джемаль-ад-Дином аль-Афгани. Он один из первых мусульманских реформаторов, попытавшийся на традиционной мусульманской основе как бы соединить раннеисламские принципы с идеями социализма Запада, утверждая, что их демократические принципы и идеалы социальной справедливости содержатся в Коране¹. Однако более глубокое теологическое обоснование и более широкое распространение концепции «исламского социализма» получили после второй мировой войны. Перед освободившимися мусульманскими странами особенно остро встал тогда вопрос выбора пути общественного развития.

Существует немало разновидностей подобных концепций. «Исламский социализм» никак не может поэтому называться неким единым учением. О нем говорят и идеологи буржуазии, стараясь перекрасить в модный цвет обветшалый фасад капитализма. Идеи социализма выдвигаются в ряде мусульманских стран и революционными демократами, использующими ислам для теоретического обоснования проводимых там прогрессивных преобразований в социальной и экономической областях.

В подобных случаях концепции «исламского социализма» объективно могут играть ограниченную прогрессивную роль, поскольку они подготавливают условия для постепенного усвоения верующими идей научного социализма².

Что же касается различных буржуазных и даже феодальных интерпретаций «исламского социализма», то они противопоставляются научному социализму главным образом с целью обоснования и оправдания частной собственности якобы «божественной природой», для отвлечения народных масс от классовой борьбы против эксплуататоров.

Подобные концепции в религиозных упаковках не впервые преподносятся в выгодном для буржуазии свете. Это делается и на Западе, и на Востоке. В одних случаях идеям научного социализма противопоставляются «христианский», а в других — «исламский социализм». Для их

¹ См.: Ислам в современной политике стран Востока, с. 89.

² Азмедов А. Ислам в современной идейно-политической борьбе, М., 1985, с. 26.

обоснования выдвигается обычно главный аргумент о «неприемлемости коммунизма» для верующих, ибо он «проповедует материализм и атеизм». Коммунизм обвиняют в «бездуховности» и «антигуманизме». «Исламский социализм» называют «гуманным», поскольку он якобы развивается в человеке духовное, нравственное начало, утверждает принципы равенства и братства между всеми мусульманами. Однако в жизни, а не в теории «равенство» и «братство» между членами мусульманской «уммы» предстают лишь как их равенство перед Аллахом на «том свете». На этом же свете, на земле, пропасть между имущими и неимущими продолжает углубляться. Более того, это неравенство пытаются даже чуть ли не освятить Кораном.

«Исламский социализм» отрицает классовую борьбу. Для достижения гармонии в обществе идеологи «исламского социализма» призывают богатей помогать обездоленным, поделить с ними частью своего капитала. Выдвигаются также концепции некой особой «исламской экономики», которая противопоставляется капитализму и коммунизму. В ней пытаются совместить свободное частное предпринимательство с государственным управлением и контролем. На деле же, как показывает опыт Пакистана и Ирана, такая экономика оказывается очень близкой к капиталистической. Ее религиозная окраска не меняет сути дела. Исламский камуфляж используется лишь для того, чтобы завоевать поддержку и доверие широких слоев трудящихся мусульман, для которых ислам связывается в первую очередь с представлениями о равенстве и социальной справедливости.

Идеологи «исламского социализма», принимая во внимание рост антикапиталистических настроений мусульманских масс, на словах тоже осуждают иногда капитализм со всеми его пороками. Но предлагаемые ими модели «исламского социализма» вовсе не предусматривают коренных революционных преобразований общества. Напротив, чаще всего они направлены на «совершенствование» эксплуататорского строя с учетом лишь мусульманской специфики.

Вместе с тем, как указывает советский исследователь А. Ахмедов, при всей противоречивости, непоследовательности, эклектичности концепций «исламского социализма» их появление и развитие отражают тот неопровержимый факт, что мусульманские массы в своем большинстве отвергают капиталистический путь развития. В этих концепциях в своеобразной форме находят отражение возра-

стающие объективные потребности человеческого общества в социализме¹. Но кроме объективной потребности существует и объективная реальность. Она заключается в том, что для значительной части населения мусульманских стран ислам остается религией, выражающей стремление трудящихся масс к свободе, социальной справедливости, миру и прогрессу. С этим обстоятельством не могут не считаться руководители мусульманских стран, стоящих на антиимпериалистических позициях. Они обращаются к исламу для объяснения прогрессивных социально-экономических преобразований и антиимпериалистического курса во внешней политике. Такое понимание ислама встречает широкую поддержку трудящихся масс и многих религиозных деятелей, помогающих осуществлять прогрессивные преобразования в этих странах.

В то же время нельзя не замечать там широкого диапазона взглядов на традиции ислама, подходов к использованию их при проведении прогрессивных социально-экономических преобразований. В тех мусульманских странах, где действуют авангардные партии трудящихся, обращение их к мусульманским традициям обусловливается необходимостью использования ислама не только для политической мобилизации масс на борьбу против врагов революции, но и для обоснования проводимых прогрессивных реформ.

В Алжире, например, религиозный фактор активно используется для ослабления межэтнических противоречий между арабами и берберами, а также для своеобразной «исламизации» идей социализма, увязываемых с «алжирской самобытностью». В главном программном документе правящей партии Национальный фронт построение социализма в Алжире отождествляется с расцветом «мусульманских ценностей, которые являются основополагающей частью самобытности алжирского народа»².

В Сирии руководство правящей Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) стремится использовать ислам в пропаганде официальной идеологии. Президент САР Хафез Асад, призывая в этой связи к утверждению «арабских духовных ценностей на основе исламских традиций», провозгласил, что Сирия «была

¹ Ахмедов А. Ислам в современной идейно-политической борьбе, с. 27.

² Национальная хартия Алжирской Народной Демократической Республики. М., 1976, с. 33.

и остается факелом ислама, так же как факелом арабского национального движения»¹.

Традициями ислама обосновывались и различные концепции «арабского социализма» в период правления Насера в Египте. Идеи «естественного» социализма, называемого также «народным» социализмом, питающимся исламом, находят отражение и в выдвинутой ливийскими революционными демократами «третьей мировой теории» М. Каддафи. При этом некоторые революционные демократы, обращаясь к традициям ислама как к одному из источников «ориентиров социализма», предпочитают термину «исламский», или «мусульманский», социализм формулу «ислам плюс социализм». Они считают, что социальный идеал «научного социализма» не только не противоречит исламу, но и вытекает из его сути.

Так, хотя в целом насеровская идеология носила светский характер, она постоянно подчеркивала свою органическую связь с исламской традицией. Вождь египетской революции на всех ее этапах тесно связывал с исламом стремление народных масс к социальной справедливости, равноправию, свободе и счастью. Вовлечение их в политику неизбежно вело к усилению влияния ислама в общественной жизни Египта. Такова была политическая реальность, которую Насер не мог игнорировать. Наибольшую политическую активность проявляли средние и мелкобуржуазные слои египетских городов — интеллигенция, учащиеся, торговцы, ремесленники. Неудивительно, что именно в их среде стали возникать различные религиозно-политические организации, такие, как «Общество исламской молодежи Египта», «Ассоциация братьев-мусульман», «Мусульманский женский клуб» и т. д. Большой популярностью среди крестьян и представителей городских низов пользовались различные суфийские ордена. Многие из вновь создаваемых организаций выдвигали требования «очищения» ислама, возврата к «истинной вере» и создания «справедливого общества». Стремясь заручиться их поддержкой, сторонники Насера пытались обосновать идеологию «арабского социализма» с помощью ислама, выдавая раннеисламское общество за социалистическое, а пророка Мухаммеда — за «первого социалиста».

Идеология «арабского социализма», как ее формулировал Насер, отвергала эксплуатацию, объявляла обязательным для всех общественно полезный труд, обосновывала

ведущую роль государственного сектора в экономике, необходимость централизованного планирования. В ее рамках ставилась задача создать новые органы политической власти, призванные обеспечить «власть народа».

Основные принципы и положения насеровской идеологии приводились на практике в соответствие с народными исламскими традициями, поскольку с ними трудящиеся испокон веков связывали свое представление об обществе, свободном от эксплуатации. Так, идеи насеризма связывались в массовом сознании с идеальной исламской общиной, в которой должны господствовать отношения равноправия, братства и социальной справедливости. Национализация иностранных компаний и создание сильного госсектора, введение основ планирования тоже ассоциировались у верующих с традиционно «сильным» мусульманским государством, которое способно «защитить» интересы мусульманской общины. Та же традиция оправдывала принцип коллективного пользования основными средствами производства. Так, в соответствии с исламской догматикой, земля как «собственность Аллаха» должна передаваться в распоряжение мусульманской уммы. Принцип обязательности труда в традиционном сознании рассматривался как «священный долг» каждого мусульманина трудиться на благо общины. Требование социальной справедливости выводилось непосредственно из религии, поскольку справедливость, как писал один из египетских идеологов того времени, — это «одно из имен Аллаха, одно из его свойств»¹. Иногда и сам Насер делал прямые ссылки на ислам, стремясь оправдать те или иные положения официальной идеологии или конкретные практические мероприятия. «Ислам — ...это социалистическая религия, а закят — один из фундаментальных принципов социализма». Во время праведных халифов, — говорил Насер, — «не было бедных, поскольку существовала полная социальная солидарность и взаимопомощь»². Тем самым национализация крупного капитала в Египте представлялась как своего рода «закят» в пользу общества. При этом Насер ссылался на один из хадисов о пророке Мухаммеде, в котором все люди объявлялись «партнерами» в пользовании водой, пастбищами и огнем. В замене отношений эксплуатации

¹ Насир А. Р. Социальная справедливость. Каир, 1961, с. 4 (на арабском языке).

² Речь Г. А. Насера 22 июля 1961 г. В кн.: President Gamal Abdel Nasser's Speeches and press-interviews. Cairo, 1961, p. 151—152.

¹ Аль-Баас, 1980, 10.III.

отношениями партнерства и взаимопомощи трудящиеся массы видели одну из главных задач социализма. Такое понимание социализма облегчалось еще и тем, что само слово «партнеры» («шурака») в арабском языке имеет общий корень со словом «социализм» («иштиракийя»), которое в своем буквальном смысле означает «совместное участие, партнерство».

Не только последователи Насера в арабском мире, но и революционные демократы в других мусульманских странах стараются избегать противопоставления ислама научному социализму. Они исходят из того, что соблюдение традиционных моральных, социальных и других требований ислама не противоречит борьбе за социальный прогресс и принципам социализма. Сама логика борьбы подсказывает им единственно правильный путь — путь прогрессивных преобразований внутри страны, укрепление антиимпериалистической солидарности и развитие сотрудничества со странами социализма. Такой курс отвечает надеждам и служит интересам многих миллионов трудящихся мусульман. Вот почему он находил и находит последователей как в Египте, так и в других мусульманских странах, в частности по соседству — в Ливии.

От «исламского» к «естественному» социализму

Король Ливии Мухаммед Идрис ас-Сенуси одновременно был главой государства и духовным предводителем своих подданных как глава мусульманского братства — ордена сенуситов. Орден был основан алжирским марабутом (святым) Мухаммедом ибн Али ас-Сенуси в середине XIX в. в Аравии, но затем его центр переместился в Ливию, где его учение получило широкое распространение и сыграло важную роль в объединении местных племен. Сенуситы призывали восстановить «чистоту ислама», что должно принести мусульманам справедливость и счастье. Но путь к «очищению ислама» указала не сенуситская династия, а сентябрьская революция 1969 г., которая свергла прогнивший монархический режим и провозгласила Ливийскую Арабскую Республику. Революция была подготовлена и осуществлена руководимой капитаном Муамаром Каддафи группой офицеров, создавших по примеру египетских «свободных офицеров» свою тайную организацию. Руководитель ливийской революции М. Каддафи и

его соратники не скрывали, что они являются последователями дела Насера, а ливийская революция — продолжением египетской. Целью революции провозглашалось — как это первоначально было сформулировано — построение нового общества, основанного на принципах «исламского социализма».

Ислам по-прежнему оставался государственной религией, но Коран теперь был объявлен основным «социальным кодексом» страны, а традиционное «зеленое знамя Пророка» стало государственным флагом Ливии. «Мы — социалисты, но прежде всего мы — мусульмане» — так охарактеризовал руководитель ливийской революции Каддафи две ее стороны.

И в самом деле, ислам с первых дней революции стал использоваться как идейная основа многих проводимых ливийскими лидерами прогрессивных социальных и экономических преобразований в стране. С марта 1977 г. она стала называться Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией. Это новое название отражало главные цели и направления ливийской революции. Они были закреплены в принятой тогда же на III сессии Всеобщего народного конгресса декларации об установлении системы прямого народовластия, то есть о передаче всей полноты власти в руки народных масс¹, об их приверженности идеям «естественного социализма» и делу «подлинного» арабского единства, которое тоже интерпретировалось как естественное стремление арабов к объединению не только в национальном, но и в религиозном плане под флагом «истинного ислама».

Таким образом, отталкиваясь от консервативных по своей сути религиозных посылок, ливийские руководители, внося в них существенные коррективы, приступили к осуществлению весьма радикальных прогрессивных преобразований в политической, экономической и социальной сферах. Определенную эволюцию при этом претерпели и их идеологические установки. С одной стороны, они с постоянством мусульманских фундаменталистов продолжают подчеркивать приверженность «истинному исламу».

¹ Термин «джамахирия» имеет тот же арабский корень, что и слово «джумхурия» («республика»). «Джумхур» — по-арабски означает «народ», «толпа», тогда как «джамахир» — множественное число от «джумхур» («массы»). Понятие «джамахирия», по мнению ливийских лидеров, в большей степени передает идею «власти народа», нежели «джумхурия», которое фигурирует в названиях большинства арабских стран.

С другой — они не только в теории, но и на практике все решительнее придерживаются ориентиров «естественного социализма», проводя антиимпериалистическую, антифеодальную и даже в какой-то мере антикапиталистическую политику. Все это ставит ливийских лидеров в один ряд с революционными демократами.

Прежде чем раскрыть суть эволюции теории и практики руководителей ливийской революции, попытаемся ответить сначала на вопрос, какое политическое содержание вкладывается ими в понятие «истинный ислам». Почему ислам по-прежнему остается одним из идейных символов прогрессивных перемен в Ливии? Почему его религиозные постулаты положены в основу идеологии революционного режима? Ответы на эти вопросы неоднозначны, их надо искать в особенностях политического и экономического развития страны в предреволюционные годы, в специфике общественного сознания Ливии.

Ислам был и остается практически единственной религией в Ливии. Свыше 98% ее трехмиллионного населения — мусульмане-сунниты. В отличие от таких государств, как Ливан, Сирия или Египет, в Ливии никогда не возникало проблемы межрелигиозных противоречий. Ислам составляет в этой стране важнейший элемент национальной традиции. Начавшийся до революции процесс развития капиталистических отношений между тем создавал реальную угрозу разрушения традиционных хозяйственных связей, складывавшихся веками. Естественно, это вело к социальным потрясениям, к ухудшению положения тех слоев населения, которые были связаны с традиционными, докапиталистическими укладами. В сознании этих людей рост материальных затруднений и проблем неизбежно связывался с проникновением в Ливию западного образа жизни, падением нравов и ростом коррупции. Этой новой, чуждой морали ливийцы могли противопоставить только ислам.

Именно исламские лозунги в свое время вдохновляли ливийский народ на борьбу против колонизаторов. С именем Аллаха он вел против иностранной — итальянской, затем английской и французской — оккупации священную войну. На новом этапе, в борьбе против неокOLONИализма, ливийцы вновь обратились к исламу как к символу национальной самобытности и знамени джихада.

Целью сентябрьской революции новые ливийские лидеры провозгласили арабское единство и построение социализма. При этом подчеркивалось, что и единство и со-

циализм должны быть исламскими, то есть основанными на коранических принципах свободы, равенства и социальной справедливости. «Арабское единство» интерпретировалось как «первый и самый важный шаг на пути к исламскому единству»¹.

Обеспечение свободы трактовалось прежде всего как ликвидация монархии и иностранных военных баз на ливийской земле. Под равенством и социальной справедливостью подразумевалось уничтожение эксплуатации и наемного труда.

Выходцы из бедуинско-крестьянских слоев населения, новые ливийские руководители в своем большинстве были воспитаны на общинно-религиозных традициях. Они искренне считали, что в Коране можно найти ответы на все насущные вопросы современности. По их мнению, «истинный ислам», то есть ислам времен пророка Мухаммеда, был прогрессивным, революционным и был призван обеспечить всеобщее равенство, процветание и счастье мусульман. «Прогрессивность мусульманской религии, — говорил М. Каддафи в 1972 г., — выше всякого другого прогресса»². И если в последующие эпохи, в том числе и в настоящее время, религия используется в консервативных и даже в реакционных целях, то ответственность за это ложится не на сам ислам, а на недобросовестных мусульман и империалистов. Поэтому долг подлинных мусульман, подчеркивали ливийские лидеры, вернуть исламу его истинное лицо, его революционный характер.

Выступая с осуждением эксплуатации, М. Каддафи призвал к превращению граждан страны в «партнеров» в производстве и распределении продукции. «Партнеры, а не наемные работники» — этот лозунг, выдвинутый в «Зеленой книге» М. Каддафи, опубликованной частями в 1976—1979 гг., стал одним из главных в официальной пропаганде.

В первые же годы революции новое руководство страны начало осуществлять ряд прогрессивных преобразований в различных областях. Были национализированы основные отрасли промышленности, создан сильный государственный сектор, началось проведение аграрной реформы. В 1970 г. был принят Закон о труде, улучшавший положение трудящихся. В том же году были ликвидированы

¹ Цит. по: Малышева Д. Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран, с. 30.

² Национальный сборник. Заявления, речи, выступления полковника Муамара Каддафи, т. 4, с. 26 (на арабском языке).

иностранные военные базы на территории Ливии — английская Эль-Адем и американская Уилус-филд, которые долгие годы были главными опорами военного колониализма на арабской земле и подпоркой монархического режима в Ливии.

Главную же задачу М. Каддафи и его соратники видели в духовном преобразовании людей с помощью ислама. По их убеждению, только ислам может искоренить зло в самом человеке. А такое моральное совершенство каждого человека приведет, в свою очередь, к совершенствованию всего общества, а также к решению назревших проблем. Отсюда — отрицание революционного насилия и классовой борьбы, призывы к изучению исламских ценностей.

В апреле 1973 г. М. Каддафи провозгласил начало народной революции. Объявленная им тогда программа предусматривала отмену реакционных законов, принятых монархическим режимом, очищение страны от оппозиционных элементов, предоставление всей полноты власти народу. В ней также объявлялось о проведении «культурной революции». Основная ее цель формулировалась как недопущение проникновения в страну «чуждых исламу идеологий». На практике это означало, по существу, широкую исламизацию жизни ливийского общества. Шариат был объявлен единственным источником законодательства страны. Запрещалась пропаганда любых взглядов, противоречивших исламу.

Однако и сам ислам, с точки зрения М. Каддафи, нуждается в революции, очищении от всего того, что привнесено в него людьми, которые подчас недобросовестно пытаются приспособить божественное откровение к своим собственным интересам. «Революция в исламе», по мнению ливийских руководителей, предполагает, во-первых, отказ от буквального прочтения некоторых коранических истин, а во-вторых, познание самой философии ислама¹. Сущность «истинного ислама», утверждают ливийские лидеры, состоит в установлении равенства людей, социальной справедливости и подлинной демократии — народовластия. Такая трактовка ислама в большей степени соответствовала представлениям трудящихся мусульман о своей религии, чем традиционные проповеди богословов о безропотной покорности судьбе. Ливийские лидеры, предла-

гая свой «третий» (в отличие от капиталистического и коммунистического) путь решения насущных политических и социально-экономических проблем человечества, на первых порах апеллировали исключительно к исламу. Но это вызывало сдержанную реакцию у приверженцев иных религий, в частности у арабов-христиан, к которым тоже обращались ливийские лидеры. Уточняя свою позицию, М. Каддафи в начале 70-х гг. заявил, что «божественная истина» содержится не только в исламе, но и в других религиях. Однако они, как и ислам, в ходе истории искажались людьми.

Исходя из этой общей для всех религий мира «божественной истины», ливийские руководители внесли коррективы в свою теорию, которая стала называться после этого «третьей универсальной», или «мировой». В основополагающем документе «третьей мировой теории» — «Зеленой книге» М. Каддафи — уже не содержалось ссылок на ислам. Однако и само название книги, и ее цвет — зеленый — указывают на связь с мусульманской религией. В многочисленных комментариях к этому документу, вышедших в Ливии за последние годы, именно ислам преподносится как высшая из всех религий, сумевшая наиболее адекватно донести людям «божественное откровение».

В первой части «Зеленой книги», опубликованной в 1976 г., содержится рецепт осуществления подлинного народовластия. Разъясняя его суть, М. Каддафи уточнял, что военный переворот 1 сентября 1969 г. стал лишь отправной точкой длительного революционного процесса, начатого вооруженными силами. «Впоследствии, — заявил он, — народные массы без всяких посредников смогут взять власть в свои руки»¹. Эту идею ливийские лидеры попытались претворить в жизнь уже в первые годы революции. С середины 1973 г. в административных учреждениях и в учебных заведениях страны начали создаваться народные комитеты. В их задачу входило контролировать работу администрации и содействовать расширению участия трудящихся в управлении страной.

М. Каддафи постепенно все более убеждался в необходимости опоры на народные массы в борьбе против старой, торговой и производственной, и зарождавшейся новой, бюрократической буржуазии, тормозившей проведение прогрессивных преобразований. Менялось и его отношение к частной собственности. Если в 1969 г. М. Каддафи,

¹ См.: Национальный сборник. Заявления, речи, выступления полковника Муамара Каддафи, т. 4, с. 173.

¹ Bianco. M. Kadhafi, messenger du désert. Paris, 1974, p. 161.

характеризуя «исламский социализм», признавал частную собственность одной из его основ, то в 1975 г. он уже видел в социализме общество, где «собственность принадлежит всему народу... создаются общественные предприятия с распределением доходов среди всех членов общества в соответствии с их долей труда»¹. Столкнувшись с противодействием паразитических элементов, ливийские руководители начали вскоре говорить о буржуазии уже как о враге революции, с которым они начинают борьбу². Именно против местной буржуазии были направлены принятые в 1976 г. законы о гражданской службе и об охране труда, защищавшие интересы рабочего класса.

Подлинное народовластие связывалось в «Зеленой книге» с осуществлением так называемой прямой демократии. По мысли М. Каддафи, это предполагало замену традиционных органов власти, осуществлявших контроль над народом, системой «народного самоконтроля». Для этого все население страны распределялось по низовым народным конгрессам, избиравшим свои комитеты. Низовым народным конгрессам, комитетам и профсоюзам было предоставлено право избрать подотчетный им Всеобщий народный конгресс, осуществляющий верховную власть в стране. В соответствии с рекомендациями «Зеленой книги» в 1977 г. была проведена реформа власти в Ливии, которая стала после этого называться «джамахирией», а не «республикой».

Идея джамахирии, по мнению многих исследователей, связана с традиционными представлениями о мусульманской общине — умме. В условиях Ливии похожая система управления существовала и в сенуситских братствах, где первоначально существовало некое подобие, «народного самоконтроля», при котором важнейшие вопросы решались сообща, «советом» с участием представителей племен, входивших в братство.

Традиционные исламские представления сказались и на подходе ливийских лидеров к решению экономических проблем, которые также освещаются в «Зеленой книге» М. Каддафи. Новое «социалистическое» общество, подчеркивает Каддафи, должно быть построено в соответствии с требованиями ислама. Оно должно соответствовать кораническому учению о «садаке» — милостыни, которую бо-

гатые должны подавать бедным. Это означает, что люди, имеющие какие-то излишки сверх необходимого, должны «отдавать их в пользу нуждающихся»¹.

Претворяя в жизнь эти положения, руководители Ливии на рубеже 70—80-х гг. развернули широкую кампанию, направленную против частного сектора. Стали повсеместно закрываться частные лавки, а их владельцы объявлялись «паразитическими элементами». Вместо лавок государство открывало крупные государственные магазины-супермаркеты. Под лозунгом «Партнеры, а не наемные работники» началось движение по «захвату» массами государственных и частных предприятий, где создавалась так называемая «народная администрация» в лице «народных комитетов», которые и должны добиваться постепенной ликвидации наемного труда для перехода к «социалистической экономике».

Эти шаги вызвали настороженность, а затем и недовольство буржуазных кругов и определенной части духовенства. Консервативные религиозные деятели стали обвинять Каддафи в отступлении от основ исламской религии и даже в «переориентации на марксизм». В действиях и заявлениях Каддафи о том, что «земля никому не принадлежит», духовенство усмотрело посягательство на свои права, особенно на вакуфную собственность. Недовольство религиозных деятелей еще более усилилось в связи с тем, что Каддафи на свой манер стал толковать некоторые постулаты ислама, вторгаясь в ту сферу, которую они традиционно считали своей монополией. В 1978 г., например, он официально отверг сунну как источник законодательства, заявив, что таким источником может быть только Коран.

Консервативно настроенных улемов М. Каддафи обвинял в ереси и отступлении от истинного ислама, в проведении реакционной кампании против прогрессивных идей и социалистических преобразований. Наиболее активные деятели религиозно-политической оппозиции были репрессированы.

Осуществляемые в Ливии преобразования, безусловно, направлены на улучшение социальных условий и повышение уровня жизни трудящихся. Ликвидируется бедность и безработица, огромные средства выделяются на строительство больниц, школ, домов, на пенсионное обеспечение. Население страны получило право бесплатного

¹ Речь М. Каддафи на II Фестивале арабской молодежи в Триполи 5.07.1975 г. Триполи, 6. г. с. 14 (на арабском языке).

² Аль-Джихад, 1976, 20 января.

¹ Аль-Фаджр аль-джадид, 1979, 13 января.

пользования услугами здравоохранения и просвещения, жильем. Но хотя по интересам капитализма в Ливии нанесен ощутимый удар, позиции бюрократической прослойки не ослабли. Капиталистические отношения продолжают развиваться и в ливийской деревне, где растет число хозяйств фермерского типа.

Не находя в религии конкретных рецептов преобразования общества, ливийские руководители вносят новые поправки в свою теорию и практику, все реже обращаясь к исламу как к идейному источнику революционных преобразований. В последние годы «третья мировая теория» трактуется ими уже не как теория ислама, а как теория, призванная решить проблему освобождения человека. «Истинность этой теории измеряется уже не ее соответствием постулатам ислама, скорее, напротив, «истинность» тех или иных исламских догм и положений оценивается ливийскими лидерами с точки зрения их соответствия «третьей мировой теории».

В то же время влияние ислама на идейные установки и практическую деятельность ливийского руководства продолжает сохраняться. Ислам не утратил своей роли как символ национальной самобытности ливийцев и знамени мобилизации народа в его антиимпериалистической борьбе. И поскольку Ливия продолжает служить объектом постоянных нападок, угроз и даже открытой агрессии со стороны империализма и сионизма, влияние ислама на массовое сознание ливийцев и официальную идеологию время от времени даже усиливается.

Ислам продолжает оказывать заметное влияние и на внешнеполитические установки ливийского руководства и его политику на международной, и особенно на межарабской, арене. Ориентация на форсированное достижение «арабского единства» под флагом «исламского арабизма», то есть на религиозно-национальной, а не социально-классовой основе, находит отражение в многочисленных, чаще всего спонтанных и потому неудачных попытках объединения с различными арабскими государствами, в том числе и с монархическими. Так предпринимались безуспешные эксперименты объединения на основе различных федераций и союзов с Египтом и Суданом в 1969 г., Сирией и Египтом — в 1971, Тунисом — в 1974, Сирией — в 1980, Алжиром и Сирией — в 1982 г., с Марокко — в 1984 г. Ливия активно выступает также в поддержку мусульманских меньшинств в различных странах мира, отдавая в первую очередь предпочтение тем, кто борется против империализма,

за национальное освобождение. Не отказывает Ливия в поддержке и другим отрядам национально-освободительного движения в «третьем мире».

Разъясняя такую позицию, М. Каддафи заявил: «Если бы мы ограничились только поддержкой мусульман, то показали бы пример фанатизма и эгоизма... Истинный ислам — тот, который выступает в защиту всех слабых, даже если они и не мусульмане... Более того, наша принадлежность к «третьему миру» и к группе неприсоединившихся стран дает нам дополнительное основание выступить в защиту этих народов»¹.

Ливия неизменно поддерживает борьбу арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии, справедливое дело палестинцев, борющихся за свои национальные права, решительно противодействует маневрам и сепаративным сделкам арабской реакции. После заключения А. Садатом капитулянтских камп-дэвидских соглашений Ливия выступила одним из инициаторов создания фронта стойкости и противодействия империализму, сионизму и реакции. Ливия выразила действенную солидарность с борьбой ливанского народа и палестинцев против американско-израильско-натовской интервенции в Ливане. Именно поэтому Ливийская Джамахирия оказалась и сама одним из главных объектов агрессивных действий и заговоров империализма. Американские самолеты неоднократно наносили бомбовые и ракетные удары по ливийским городам.

Исторический опыт убеждает ливийцев, как и другие арабские народы, что самый верный и надежный союзник в этой борьбе — это Советский Союз. Именно поэтому Ливия развивает и расширяет сотрудничество с социалистическими странами, в первую очередь с СССР. Позиции Ливии и Советского Союза по наиболее важным и острым международным проблемам, особенно по вопросам положения на Ближнем Востоке и в Африке, во многом совпадают. Как и Советский Союз, Ливия выступает за укрепление мира, всеобщей безопасности и уважение прав всех народов, борющихся за свою политическую и экономическую независимость. В Советском Союзе, заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, выступая на приеме в Большом Кремлевском дворце в честь руководителя ливийской революции М. Каддафи 11 октября 1985 г., высоко ценят антиимпериалистическую политику Ливии, ее

¹ Bianco. M. Kadhafi, messenger du désert, p. 258, 260.

вклад в решение острых международных проблем, важную роль, которую она играет в Движении неприсоединения. Поэтому советские люди с большим интересом следят «за поисками Ливией самобытного пути развития, построения нового общества, свободного от социального неравенства и эксплуатации. Эти идеалы на протяжении веков вдохновляли лучшие умы человечества, — подчеркнул советский лидер. — Они хорошо понятны и близки нам»¹.

Трудный выбор пути и ориентиров

Среди мусульманских стран, поставивших перед собой социалистические ориентиры, ислам не только в Ливии остается важной составной частью официальной идеологии. В Сирии, Ираке и Алжире, где мусульмане составляют большинство населения, ислам не только один из идеологических ориентиров и часть их культурной традиции, но и средство национального объединения. Дело в том, что в этих странах население далеко не однородно по своему национальному составу. В Алжире наряду с арабами проживают различные неарабские народности, которых традиционно называют берберами. Большинство сирийцев и иракцев — арабы. Но, кроме того, значительную часть населения здесь составляют представители иных национальностей — курды, армяне, ассирийцы, туркмены и другие. Однако в Сирии и Ираке использование ислама в целях политической консолидации значительно затруднено попытками правых сил разжечь противоречия между различными группами внутри самой мусульманской общины, прежде всего между суннитами и шиитами. В связи с этим и сирийское и иракское руководство стремится противопоставить религиозно-клановому сепаратизму исторически связанные с исламом идеалы арабизма и социальной справедливости. Они выражены в официальном девизе правящей в обеих странах Партии арабского социалистического возрождения (Баас): «Единство, свобода и социализм».

Роль ислама в общественной жизни и быту алжирцев, сирийцев и иракцев традиционно велика. В Алжире ислам исповедуют 99% населения, в Сирии — 87, в Ираке — 95%². В Алжире почти все мусульмане — сунниты мали-

¹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987, т. 2, с. 490.

² См.: Ислам. Краткий справочник. М., 1983, с. 147, 145, 139.

нитского толка. Напротив, в Сирии и Ираке существенную часть мусульман составляют шииты. В Сирии их чуть больше 20%. Сирийские шииты представлены различными сектами — алавитов, исмаилитов и др. Наиболее крупная из них — алавиты, к которым принадлежит около 70% сирийских шиитов. В Ираке шииты, фактически находясь, как они считают, на положении религиозного меньшинства, по своей численности преобладают над суннитами, составляя свыше 60% иракских мусульман. Подавляющее большинство из них принадлежит к секте имамитов, так же как и большинство иранских шиитов. Ирак к тому же занимает особое место благодаря священным городам шиитов — Неджефу и Кербеле, приравненным ими к Мекке и Медине.

С учетом религиозной неоднородности арабского мира и наличия межконфессиональных противоречий идеологии правящей в Сирии и Ираке партии Баас практически с момента ее основания делали основной акцент не на исламском факторе, а на патриотизме арабов. Главной идеей, выдвинутой в программе этой партии, стала идея создания «единой арабской нации». Основатели партии (кстати, ее идейный теоретик М. Афляк и некоторые другие лидеры были христианами) не могли не учитывать, что подавляющее большинство арабов — мусульмане, а идея единой и сильной арабской нации в сознании простых людей всегда вольно или невольно ассоциируется с исламом. Они прекрасно понимали и то, что идея арабского единства, оторванная от исламского наследия, исламской культуры и идеологии, будет непонятна для широких народных масс или просто ими отвергнута. В одном из своих трудов М. Афляк писал: «Если мы будем поносить религию и хвастаться безбожием... то создадим непреодолимую преграду между нами и народом»¹. И хотя в принятой в 1947 г. программе партии Баас не было упоминания об исламе, руководители Сирии и Ирака в последующие годы всегда демонстрировали свое уважение к мусульманским принципам, подчеркивали соответствие осуществляемых преобразований духу ислама. В обеих странах ислам по конституции объявлен государственной религией.

Вместе с тем, учитывая большое влияние ислама на население, правительства стремятся контролировать и направлять деятельность духовенства. Эта задача тем более

¹ Афляк М. На пути Баас. Бейрут, 1975, с. 215 (на арабском языке).

актуальна, что в этих странах действуют религиозно-политические организации, критикующие правительства с позиций ислама. В Сирии — с позиций суннизма, в Ираке — шиизма.

Отношения между государством и религиозными институтами в Сирии регулируются министерством вакуфов, которое распоряжается недвижимой собственностью мусульманской общины. Руководители страны встречаются с ведущими улемами и шейхами, обсуждают с ними как насущные проблемы развития ислама, так и роль религии в пропаганде идей баасизма и мероприятий, осуществляемых правительством. Они неизменно подтверждают свою решимость «укреплять исламские духовные ценности на основе исламских традиций, исходя из исламской веры»¹. Сирийское руководство придает особое значение религиозному обоснованию проводимой им политики. Основные цели баасистского «социализма», по их словам, полностью согласуются с требованиями свободы, равенства и социальной справедливости, содержащимися в исламской религии. Эту точку зрения разделяют и ведущие религиозные деятели страны во главе с Великим муфтием САР М. Кефтаро.

Иракские баасисты, хотя и ставят во главу угла светские идеи арабского национализма, избегают открыто выступать с атеистических позиций. Напротив, учитывая, насколько сильно влияние ислама на сознание трудящихся, они признают огромную роль религии в жизни арабского и, в частности, иракского общества, подчеркивают значение ислама в возрождении былого величия арабов. «Наша партия, — писал нынешний президент Ирака С. Хусейн в своей книге «Как пишется история», — не придерживается нейтралитета в вопросе неверия и веры. Она всегда за веру»². Устав иракской Баас разрешает вступать в нее всем мусульманам — как шиитам, так и суннитам. И хотя в руководстве партии преобладают выходцы из суннитов, среди ее рядовых членов немало последователей шиизма. Иракское руководство выделяет значительные средства на религиозные цели: строительство мечетей, паломничество и др. Мусульманские, в том числе шиитские, праздники отмечаются как государственные. С помощью ислама власти обосновывают законность проводимой ими политики. Особый акцент в последние годы ирак-

ское правительство делает на обосновании «справедливого характера» войны с Ираном. После начала этой войны значительно расширились контакты властей с представителями шиитского духовенства. Сам президент С. Хусейн неоднократно предпринимал поездки в шиитские районы страны, встречался с верующими и разъяснял им цели политики правящего режима. В последнее время, выступая за прекращение войны, иракские лидеры также обращаются к принципам ислама для обоснования своей позиции. Благодаря этим усилиям руководству страны удалось привлечь на свою сторону многих рядовых иракских шиитов и даже часть оппозиционного шиитского духовенства и ослабить влияние на них антибаасистской и антииракской пропаганды иранских властей.

Весьма высок авторитет Сирии и Ирака в мусульманском мире. Руководство обоих государств стремится развивать связи с различными мусульманскими организациями за рубежом. И Сирия и Ирак являются членами Организации исламская конференция, Исламского банка развития. В обеих странах проводятся различные международные исламские форумы и мероприятия.

Большую роль играет ислам и в общественно-политической жизни Алжира. Эта роль обусловлена не только довольно высокой религиозностью населения, но и традициями национально-освободительной борьбы. Каждый вступивший в Армию национального освобождения Алжира во времена национально-освободительной войны против французских колонизаторов должен был принести присягу на Коране¹. Ислам традиционно ассоциировался в глазах рядовых алжирцев с идеалами свободы и национальной независимости.

После победы революции и перехода Алжира на путь социалистической ориентации ислам стал важным средством мобилизации масс, их вовлечения в процесс прогрессивных преобразований. Трудящиеся видели в исламе путь к осуществлению своих сокровенных чаяний. С помощью ислама руководство страны обосновывало выдвинутую им концепцию социализма. Ислам, подчеркивал бывший президент Алжира Х. Бумедьен, «никогда не был религией эксплуататоров». Идеи ислама, по его словам, «победили цивилизации и империи, основанные на эксплуатации человека человеком, рабстве, классовом различии, и установили общество, в основе которого лежат

¹ Аль-Баас (Дамаск), 1980, 10 марта.

² Хусейн С. Как пишется история. Багдад, 1979, с. 30 (на арабском языке).

¹ Кондратьев Г. С. Армия алжирской революции. М., 1979, с. 15.

справедливость и равенство»¹. Принципы ислама, отмечал нынешний президент страны Ш. Бенджедид, «составляют основу подлинной социальной справедливости»². В Национальной хартии 1976 г. проводилась идея о том, что революция, ведущая к освобождению человека от эксплуатации, соответствует самой сущности мусульманской религии. Такая постановка вопроса характерна и для новой редакции Национальной хартии, утвержденной в 1985 г. В своем интервью французскому радио 9 ноября 1979 г. Ш. Бенджедид особо указал на связь ислама и социализма, заявив: «Ислам никоим образом не противоречит нашему социалистическому выбору»³.

С помощью ислама обосновывались и основные социально-экономические преобразования, осуществленные в стране после достижения независимости. Отвечая на нападки реакционных кругов, выступавших против аграрной реформы, руководители страны приводили исламское положение, согласно которому люди должны совместно владеть огнем, землей и водой. Находились и соответствующие исламские тезисы, с помощью которых можно было объявить «законными» с точки зрения ислама и такие меры, как создание госсектора и проведение индустриализации⁴. Ислам, с точки зрения современных алжирских идеологов, играет особо важную роль в духовном формировании человека, в его нравственном развитии. Нельзя недооценивать, по их мнению, и его влияния на становление национального, патриотического сознания алжирцев.

По утверждениям современных алжирских теоретиков ислама, ему свойствен некий «дух революционности», позволяющий этой религии не только идти в ногу с изменяющимися условиями жизни, но и предугадывать происходящие в мире изменения. Из этой предпосылки исходят, в частности, алжирские «модернисты», пытающиеся приспособить мусульманскую религию к современной эпохе, связать ее с идеологией алжирского руководства⁵. Таким образом, путем религиозного обоснования социалистической ориентации делается попытка противопоставить исламскую идеологию теории научного социализма.

¹ Цит. по: Малащенко А. В. Официальная идеология современного Алжира. М., 1983, с. 77.

² Аль-Муджахид, 1980, 26 февраля.

³ Defense nationale, 1980, Mai, p. 75.

⁴ См.: Малащенко А. В. Официальная идеология современного Алжира, с. 80.

⁵ См. там же, с. 92—93, 97.

Алжирское духовенство составляет привилегированную социальную группу в обществе, пользуется значительным авторитетом среди рядовых мусульман. Стремясь поставить его деятельность под свой контроль, руководство страны установило имамам государственное жалование. Еще в 1966 г. правительство создало Верховный исламский совет. В его задачу входит контролировать и направлять деятельность духовенства и религиозных институтов в стране. В ведении правительства фактически находится и система подготовки религиозных кадров.

Однако ни алжирскому, ни сирийскому, ни иракскому руководству не удалось полностью поставить религию под свой контроль. Ислам используется в этих странах и теми силами, которые хотели бы заставить их правительства отказаться от следования по избранному пути и проведения антиимпериалистического курса.

В конце 70-х гг. заметно активизировалась деятельность реакционных сил, выступающих под знаменем ислама, в Сирии. Ими были спровоцированы беспорядки в ряде городов, организована целая серия взрывов и террористических актов против государственных деятелей и представителей духовенства, поддерживающих политику правительства. В г. Алеппо от рук террористов пал один из почитаемых в народе шейхов, М. аш-Шами. В дамасской мечети Динкез было совершено покушение на влиятельного религиозного деятеля С. Окле. В «черные списки» террористов, как сообщала сирийская пресса, были включены также бывший министр вакуфов шейх А. С. ас-Сейид, Великий муфтий Сирии М. Кефтаро и другие религиозные деятели. Всем им реакционные силы предъявили одинаковое обвинение в «предательстве ислама».

Религиозными лозунгами и призывами реакционных сил прикрывались вполне конкретные политические цели. Консервативные буржуазно-помещичьи круги и духовенство стремились сорвать осуществление прогрессивных мероприятий сирийского руководства в социально-экономической области. Их не устраивала также последовательная антиимпериалистическая внешняя политика правящего режима, отказывавшегося вступать в сепаратные сделки с Израилем при посредничестве США и содействии мусульманской реакции. Их сокровенной мечтой остается изменение внешне- и внутривнутриполитического курса страны, чтобы свести на нет проведенные в Сирии прогрессивные преобразования, ликвидировать госсектор, лишить трудящихся завоеванных ими социальных прав.

Рядовым мусульманам, чтобы вызвать их недовольство, внушается мысль о том, что руководство страны, расширяя сотрудничество с Советским Союзом, сближается с «безбожниками» и само, становясь все более «безбожным», изменяет исламу. Постоянным нападкам реакции подвергается правящая в Сирии партия Баас за связь с сирийскими коммунистами, которые изображаются «заклятыми врагами» ислама и арабизма. Сотрудничающие с режимом религиозные деятели противодействуют попыткам реакционных сил монополизировать право представлять «истинный ислам». В свою очередь реакция делает все возможное, чтобы скомпрометировать или запугать власти, обвиняя их в «предательстве ислама», не останавливаясь перед методами террора и провоцированием беспорядков и даже вооруженных столкновений в некоторых городах страны, как это имело место в городах Хаме и Алеппо. Главная ставка при этом делается на разжигание вражды между суннитским большинством населения и шиитами-алавитами, представители и выходцы из которых (в том числе президент САР Х. Асад) занимают высокие государственные и партийные посты.

«Ударной силой» правой оппозиции служат различные экстремистские религиозные организации. Их руководство, как правило, тесно связано с реакционными мусульманскими кругами других стран, а зачастую находится в контакте и с империалистическими разведками. Деятельность этих организаций финансируется и направляется главным образом из-за рубежа. Крупнейшей и наиболее влиятельной из них является организация «братьев-мусульман». Хотя эта организация действует подпольно, у нее довольно много сторонников. Большинство из них — это торговцы, ремесленники, учащиеся средних школ, студенты, преподаватели, представители сельской буржуазии. Рядовые члены организации, как правило, не отдают себе полного отчета в истинных политических целях ее руководства. Их привлекают главным образом броские лозунги ее лидеров и прежде всего призыв к «восстановлению» норм и порядков «истинного» ислама. Ведь с ними многие мусульмане до сих пор связывают свои идеалы свободы, равноправия, социальной справедливости. В рамках организации «братьев-мусульман» действует и женское движение «сестры-мусульманки», возглавляемое некоей «госпожой аль-Кубейси». Пропагандистская деятельность «братьев-мусульман» разворачивается в мечетях, учебных заведениях. Широко используются в этих целях

различные культурные мероприятия, религиозные праздники. Особое внимание руководство организации уделяет вербовке новых членов среди молодежи, в армии, государственных учреждениях. Организация «братьев-мусульман» в Сирии хорошо организована и строго законспирирована. Ее центром считается город Хама. Однако довольно сильные местные организации «братьев-мусульман» существуют практически во всех крупнейших сирийских городах, в том числе в Дамаске, Алеппо, Дейр-эз-Зоре и других¹.

Сирийские «братья-мусульмане» поддерживают связи с представителями этой организации в других странах. Известно, что они имеются более чем в 30 государствах Азии и Африки. В последние годы предпринимаются попытки преодолеть организационную разобщенность «братьев-мусульман», сблизить между собой различные течения и направления внутри этого «движения». Подобные инициативы исходят в значительной мере от Саудовской Аравии, которая, кроме того, оказывает существенную финансовую поддержку «братьям-мусульманам» во многих странах, в частности в Египте и Сирии. В последние годы состоялось несколько международных встреч представителей «братьев-мусульман» различных стран, в том числе Сирии. Такие встречи прошли, в частности, в 1979 и 1980 гг. в Лондоне, где обсуждались вопросы координации действий «братьев-мусульман» в связи с развитием событий на Ближнем и Среднем Востоке².

В оппозиции сирийскому режиму находится и другая тщательно законспирированная религиозно-политическая организация — «Партия исламского освобождения». Организованная в Иордании шейхом М. Набхани на средства реакционного духовенства и поддерживающая тесные связи с Западом, она внесла немалую лепту в разжигание межобщинных противоречий в Ливане.

Со второй половины 70-х гг. основным объектом подрывной деятельности этой организации стала Сирия, где усиленно вербуются сторонники среди реакционно настроенной буржуазии и интеллигенции. Несмотря на свою малочисленность (число членов «Партии исламского освобождения» не превышает нескольких сотен человек), она активно борется против прогрессивных преобразований

¹ См.: Милославская Т. П. Деятельность «братьев-мусульман» в странах Востока. — Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982, с. 15.

² См. там же, с. 20.

в Сирии, пытается скомпрометировать в глазах мусульман социалистические страны, коммунистическую идеологию.

В 1977 г. наиболее реакционные, экстремистские элементы из организации «братьев-мусульман» и «Партии исламского освобождения», выйдя из состава своих организаций, создали свою собственную партию, получившую название «Хизб Алла» («Партия Аллаха»). Руководящий центр «Партии Аллаха» расположен в городе Алеппо, а возглавляет ее «эмир партии» шейх А. Р. Айни. Члены партии обязаны беспрекословно подчиняться приказам своего «эмира». Партия выступает за превращение Сирии в исламское государство и требует смещения баасистского руководства страны. Руководство партии находится в контакте не только с представителями реакционных мусульманских кругов соседних арабских стран, но и ЦРУ, откуда получает финансовую «помощь». Империалистические силы и арабская реакция активно используют «Партию Аллаха» для дестабилизации политического положения в Ливане и Сирии. При этом предпринимаются попытки заставить ее руководство отказаться от мусульманского «экстремизма» антизанадной направленности, мешающего реализации американо-израильских планов решения ближневосточного конфликта.

В целях маскировки реакционные мусульманские круги в Сирии организуют также различные благотворительные и просветительские организации. Их деятельность нацелена на пропаганду исламских ценностей, нравственное воспитание и т. д. На деле же под прикрытием подобных, внешне безобидных организаций ведется реакционная религиозно-политическая, антикоммунистическая и антисоциалистическая пропаганда, распространяются различные домыслы и слухи, порождающие недоверие верующих к правящему режиму.

Руководство страны принимает решительные меры против подрывной деятельности реакционных мусульманских организаций. Однако правительство вынуждено учитывать и религиозные настроения масс, среди которых эти организации все еще пользуются определенным авторитетом и влиянием. Большое внимание поэтому уделяется разоблачению их политических целей, связей с реакционными кругами в арабском мире, а также с империалистическими разведками.

Не менее влиятельная и опасная политическая и религиозная оппозиция властям существует и в Ираке. Но в отличие от Сирии она имеет более широкую базу не в

суннитской, а в шиитской общине. Критике подвергается не столько светская ориентация правящей партии Баас, сколько ее «авторитарная система», которая традиционно отдаст предпочтение выходцам из суннитской общины. Недовольство шиитских богословов и феодально-буржуазных кругов вызывают также некоторые прогрессивные преобразования правительства. В них они видят угрозу, конечно, не «влиянию ислама», а прежде всего своим классовым и клановым интересам.

Наибольшее усиление антиправительственной деятельности под знаменем шиитского ислама наблюдалось в конце 70 — начале 80-х гг. Этому в значительной мере способствовало свержение шаха в Иране и провозглашение в этой стране исламской республики под флагом шиизма. Новое руководство Ирана значительно усилило поддержку иракских шиитов в их борьбе против баасистского режима. Антибаасистская пропаганда иранских властей, обращенная прежде всего к иракским шиитам, значительно усилилась после начала ирано-иракской войны в сентябре 1980 г.

Среди политических шиитских организаций наиболее влиятельной считается «Хизб ад-Да-ва аль-исламийя» («Партия исламского призыва»), сокращенно называемая «ад-Да-ва». Созданная в конце 60-х гг. религиозными деятелями Неджефа, она не проявляла заметной политической активности в первые годы своего существования. Значительное усиление деятельности этой организации наблюдается со второй половины 70-х гг., особенно после того, как ее руководство перебазировалось в Тегеран. Рядовые члены этой организации — это главным образом чиновники, интеллигенция, выходцы из средних слоев, исповедующие шиитский ислам. Заметным влиянием «ад-Да-ва» пользуется и среди крестьянства. Организация издает в Тегеране свой еженедельник «Аль-Джихад».

Другая влиятельная организация, возглавляющая шиитскую оппозицию в Ираке, — «Организация борющихся улемов (муджахиды)». Большинство ее сторонников — представители городской интеллигенции, части трудящихся. В отличие от «ад-Да-вы» муджахиды критически настроены по отношению к аятолле Хомейни и его ближайшим сторонникам, полагая, что их деятельность ограничивает развитие «исламской революции». Активность муджахидов, их готовность идти на жертвы во имя идеалов шиитского ислама снискали им довольно широкую популярность среди иракских шиитов. Своей внешнеполитической

задачей руководители организации, так же как и лидеры «ад-Да-вы», считают распространение идеалов ислама в других странах мира и создание там «исламского государства», основанного на принципах мусульманской «справедливости». Угрозу «исламской революции» и те и другие видят не только в экспансии империализма в мусульманских странах, но и в распространении в исламском мире «безбожной» коммунистической идеологии. Лидеры шиитской оппозиции призывают мусульман различных стран выступать против правящего режима в Ираке и резко критикуют тех арабских деятелей, которые поддерживают иракское правительство в войне с Ираном.

Правительство Ирака принимает самые решительные меры против шиитской оппозиции. Одновременно власти стремятся склонить на свою сторону часть шиитских богословов и укрепить свой авторитет среди рядовых верующих.

В конце 70 — начале 80-х гг. усилилась активность правомусульманских сил в Алжире. Поднимая знамя ислама, эти силы стремятся помешать развитию и углублению прогрессивных преобразований в этой стране. Их сопротивление возрастает по мере ущемления алжирским руководством интересов эксплуататорских классов. Деятельность правой оппозиции под исламскими лозунгами не ограничивается распространением антисоциалистической пропаганды и критикой тех или иных мероприятий правительства. Зачастую реакция прибегает и к провоцированию антиправительственных выступлений, и к террористическим актам. Так, в 1975—1976 гг., накануне принятия Национальной хартии, правомусульманские круги спровоцировали студенческие волнения в университетах городов Алжир и Константина. Во второй половине 1981 г. исламские экстремисты учинили беспорядки в Оранском университете. Антиправительственные выступления с исламской окраской произошли в 1981 г. в г. Лагуате, а в 1982 г. — в ряде других городов и районов страны. В них оказались замешаны представители группировок, близких по своим взглядам к «братьям-мусульманам», в частности сторонники запрещенной еще в 1970 г. религиозно-политической организации «аль-Киям». В 1982—1983 гг. деятельность религиозно-политической оппозиции заметно оживилась в связи с обсуждением в Национальном собрании Алжира проекта закона о семье. Яростное сопротивление правомусульманских сил принятию этого закона было вызвано тем, что многие его

положения шли вразрез с нормами шариата и, следовательно, подрывали влияние духовенства среди населения. Усиленные попытки давления на правительство правые мусульманские круги предпринимали в 1985 и 1986 гг.

В Южном Йемене, где население по своему национальному составу более однородно, чем в других арабских странах, ислам также является не только частью культурной традиции и средством национального объединения, но и одним из компонентов политики и идеологии. Южный и Северный Йемен традиционно считаются родиной ислама, как и Саудовская Аравия. Исторически сложилось так, что йеменцы восприняли мусульманство одними из первых в арабском мире. До сих пор поэтому в стране довольно сильны исламские традиции. При двухмиллионном населении в НДРЙ действует около двух тысяч мечетей.

Правда, в Южном Йемене никогда не было и нет официальных религиозно-политических организаций. Даже в годы английской оккупации Адена, когда в стране действовало более полутора десятков различных организаций и партий, практически все они были светскими. Тем не менее лозунги ислама в политических целях довольно часто использовались и используются в подрывных целях против НДРЙ как внутренней, так и внешней реакцией. Чаще всего воинствующий исламизм совершал враждебные вылазки из Саудовской Аравии и Северного Йемена, где позиции ислама особенно сильны. В свое время имам Яхья пытался даже объединить Йемен на религиозной основе и создать на юге Аравии мощное теократическое государство. Однако в данном случае ислам не столько объединял, сколько разъединял. Южные йеменцы — преимущественно сунниты шафиитского толка — не пожелали объединиться с северойеменскими шиитами под флагом зейдитского ислама, поднятого имамом.

Во внутренних районах Южного Йемена, где проживает большинство сельского населения, феллахи и бедуины традиционно всегда больше прислушивались к своим племенным вождям, но влияние и власть религиозной аристократии — сейидов (потомков пророка Мухаммеда), кади (мусульманских судей) и шейхов — тоже там сохранялись. И при решении спорных вопросов бедуины и крестьяне предпочитали обычно обращаться к традиционным нормам общинного, племенного права, но не забывали и о шариате.

Многие представители духовенства в Южном Йемене сыграли весьма непримечательную роль в национально-осво-

бодительной борьбе южноийеменского народа. В одних случаях они открыто блокировались с колонизаторами, в других — выступали защитниками интересов местных феодалов. Конечно, среди религиозных деятелей находились и такие, которые участвовали в освободительной борьбе, даже помогали южноийеменским патриотам использовать мечети для хранения оружия, проведения собраний и митингов, организации демонстраций. Однако все это делалось, как правило, под руководством революционных организаций, чьи идейные установки были светскими.

Отсутствие в Южном Йемене влиятельных религиозно-политических организаций было в какой-то мере вызвано и политикой самих английских колонизаторов. Захватив Аден и превратив его в свою главную военную базу на Ближнем Востоке, англичане не пытались установить прямой контроль над внутренними районами страны. Они ограничивались тем, что ставили у власти в том или ином южноийеменском султанате или эмирате лояльно настроенных по отношению к английской администрации правителей. Таким образом, колонизаторы не столько разрушали, сколько закрепляли в них старые, традиционные порядки, освященные исламом. Они выступали как бы в роли защитников или, по крайней мере, покровителей ценностей ислама.

После победы революции правящая в НДРЙ Йеменская социалистическая партия, поставив целью построение социализма, не игнорирует в своей деятельности традиции и культурные ценности ислама. Однако враждебные революции силы не прекращают попыток противопоставлять ислам официальной идеологии ЙСП.

Главарь контрреволюции стремятся посеять в массах недоверие к новому режиму, восстановить народ против правящей партии, дискредитировать идеи социализма, помешать развитию сотрудничества НДРЙ со странами социалистического содружества. Во время проведения аграрной реформы имамы некоторых мечетей запрещали, например, крестьянам брать отнятую у помещиков землю. При этом они приводили цитаты из Корана: «Одним из вас мы дали больше, чем другим...» и посему нельзя, мол, посягать на «чужое добро».

Руководители страны и партии, встречаясь с трудящимися мусульманами и религиозными деятелями, разоблачают истинные цели подобных интерпретаций ислама. В беседах с верующими они разъясняют, что Коран при-

зывает бороться с несправедливостью и эксплуатацией. Эти же цели преследует и йеменская революция.

В то же время в партийных и программных документах ЙСП ставится задача «воспитания трудящихся на принципах революционной идеологии научного социализма»¹. Подчеркивается необходимость преодоления отживших реакционных по своей сути традиций и представлений.

Несмотря, однако, на принятые государством прогрессивные законы, направленные на преодоление консервативных обычаев и патриархальных традиций (например, закон 1974 г. о семье, которым отменено многоженство и ограничен размер выкупа за невесту), религиозные традиции сохраняют живучесть и нередко вступают в противоречие с революционными преобразованиями в стране.

Мусульманская реакция в союзе с империализмом не оставляет надежд активизировать религиозный фактор для дестабилизации положения в НДРЙ. Попытки создать религиозно-политическую оппозицию режиму в Южном Йемене предпринимались не раз в прошлом, они не прекращаются и теперь. В печати НДРЙ и других арабских стран неоднократно появлялись сообщения о раскрытии в Южном Йемене нелегальных религиозно-политических диверсионных групп, засылаемых из-за рубежа, о попытках распространения контрреволюционной литературы в «исламском» оформлении, о создании подпольных кружков «братьев-мусульман». Особенно активно реакция спекулирует на внутренних трудностях развития страны, которые вылились в середине января 1986 г. в трагические события, ставшие результатом долго зревшего в руководстве ЙСП междоусобного конфликта.

Организаторы кровопролития рассчитывали расправиться с партийными деятелями, негодными Али Насеру Мухаммеду, который стоял тогда во главе партии и государства. В междоусобных столкновениях в столице и в окружающих районах погибло несколько тысяч активистов партии и военнослужащих. Среди тех, кто поддержал А. Н. Мухаммеда, были обманутые им честные патриоты. Но в основном он опирался на оппортунистов, заигрывавших с мусульманской внутренней и внешней реакцией. Они использовали диктаторские замашки и корыстолюбие бывшего президента, родо-племенные и местнические привязанности, а также исламские круги, близкие к власти. Среди них немало было и открытых и замаскированных

¹ Программа ЙСП. — Материалы I съезда Йеменской социалистической партии. М., 1979, с. 230.

врагов прогрессивного развития. Были и беспринципные авантюристы, которые не вникали в суть идеологических или политических разногласий, а просто следовали за соплеменниками и единоверцами. Однако очевидцы и наблюдатели, пытавшиеся потом проанализировать январские события в Адене, приходят к выводу, что религиозный и племенной факторы, безусловно, давали о себе знать в политической борьбе, но они не были доминирующими.

Одержавшие победу здоровые силы партии, потерявшей, правда, многих своих лидеров, в том числе основателя партии Абдель Фаттах Исмаила, А. Антара, С. М. Касема, А. Ш. Хади считают, что в основе этого конфликта лежало противоборство различных классовых интересов¹. В окружении бывшего президента все большую силу набирали люди, связанные с интересами частных собственников, которые, в свою очередь, налаживали контакты и с мусульманской реакцией. Отсюда у противоборствующих сторон были и разные подходы не только к различным сторонам государственной и партийной деятельности, но и к вопросам идеологии.

Новое руководство страны во главе с Генеральным секретарем ЦК ЙСП Али Салемом аль-Бейдом многое делает для преодоления возникших перед страной трудностей, восстановления единства рядов правящей партии. Объявлена всеобщая амнистия для бывших сторонников А. Н. Мухаммеда. Выплачивается пособие семьям погибших во время январских событий, независимо от того, на чьей стороне они находились. Ведется большая разъяснительная работа как в партии, так и в массах, в том числе среди верующих мусульман. Она приобретает особенно важное значение в условиях, когда внешняя и внутренняя оппозиция, пользуясь поддержкой мусульманских реакционных кругов, пытается спекулировать не только на этих трудностях, но и на все еще не до конца преодоленных противоречиях и не успокоившихся чувствах кровной мести.

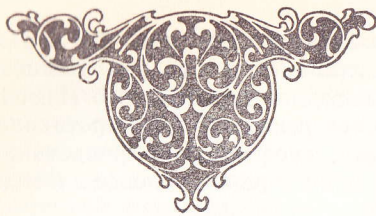
К тому же в Северном Йемене и других соседних арабских странах не только осели бежавшие из страны сторонники А. Н. Мухаммеда, но и находятся на заработках многие южнотиманцы. В одних случаях они выступают как пропагандисты враждебной мусульманской идеологии, в других — как носители отрицательного «демонстрационно-

го эффекта». Ведь материальный уровень жизни в соседних нефтедобывающих мусульманских странах намного выше, чем в НДРЙ. Это невыгодное для Южного Йемена сравнение используется также реакцией для противопоставления ислама социализму, «нефтяного» процветания монархий — возросшим по ряду причин экономическим трудностям НДРЙ.

Положение осложняется к тому же непрекращающимися открытыми происками и провокациями эмигрировавших за рубеж политических противников народно-демократического режима. Среди них как бывшие шейхи, эмиры, султаны протекторатов юга Аравии со своими наемниками и другими пособниками колонизаторов, так и участники антиправительственных группировок более позднего времени. Они пользуются финансовой и военной поддержкой не только мусульманской реакции, но и империалистических кругов. Помощь эту они пытаются «отработать» разбойничьими рейдами в пограничные районы республики, используя территории соседних мусульманских стран для создания своих лагерей и опорных баз контрреволюции.

Примеры НДРЙ, Сирии, Ирака и Алжира еще раз убедительно показывают ту сложную и противоречивую роль, которую играет ислам в современной политической борьбе, возможность использования его постулатов различными политическими силами — как теми, кто стремится повернуть ход истории вспять, ограничить и затормозить прогрессивные преобразования, так и теми, кто провозглашает лозунги социализма, вступая на путь, ведущий к свободе и справедливости.

¹ См.: В. Наумкин. После январской трагедии. — «Новое время», 1986, № 46, с. 21—22.

Глава 6 В центре Азии и мусульманского мира

Афганистан называют центром Азии и мусульманского мира. Исторически так сложилось, что он оказался на перекрестке передвижения народов и торговых караванов, полчищ различных завоевателей и проповедников многих религий.

В отличие от некоторых других мусульманских стран Афганистан никогда официально не назывался исламским государством. Но и во время монархии, и в республиканский период — будь то при буржуазно-феодальном режиме или после апрельской революции 1978 г. — ислам всегда был и остается господствующей религией. Как сам Афганистан географически занимает центральное положение в Азии, так и ислам всегда был сердцевинной в политической жизни страны. В течение многих веков он оказывал сильное влияние как на общественное бытие, так и на сознание народов и племен, живущих в Афганистане. Таково наследие истории. Но это и реалии сегодняшнего дня. Они не только учитывались, но и всегда использовались всеми политическими силами страны. «Религия Афганистана — священная религия ислам» — так записано и в

принятой недавно новой Конституции Республики Афганистан.

В последние годы события в Афганистане ассоциировались прежде всего с необъявленной войной, развязанной при поддержке империализма силами контрреволюции под флагом ислама. В настоящее время название этой страны чаще связывается с поисками мира, которые ведутся тоже с использованием лозунгов ислама, но не с помощью силы, а на основе проводимой народной властью политики национального примирения. Приобретаемый ныне там опыт имеет самое актуальное значение для многих стран мусульманского мира и за его пределами как конкретное проявление нового политического мышления в действии на региональном и глобальном уровне.

Между исламом и адатом

В Афганистане влияние ислама и адата (местных обычаев) всегда считалось сильнее любой власти. Но это влияние не везде было одинаковым. Ислам города и религиозных центров по строгости вероисповедания значительно отличается от ислама деревни, где в большей степени почитают адат.

Демографические особенности тесно переплетаются в Афганистане с религиозными верованиями и местными обычаями. В стране с почти шестнадцатимиллионным населением около 98% исповедуют ислам, остальные — сикхизм, индуизм, христианство, иудаизм и др. Подавляющее большинство мусульман, около 80% — сунниты и 18% — шииты. Почти все пуштуны, большинство таджиков, узбеки, туркмены, белуджи, киргизы и часть других народностей считают себя суннитами. К мусульманам шиитского толка относят себя хазарейцы, персы, горные таджики, кызыл-баши. Кроме того, в стране, в основном среди суннитской общины, действуют многие мусульманские секты и дервишские (суфийские) ордена — ахмадия, кадирия, накшбандия, сухравардия, чистия и некоторые другие.

Ислам всегда играл двоякую роль в идеологии и в массовом сознании. Не только официальные власти, но и оппозиция использовали ислам в своих политических целях. При этом и те и другие, стремясь мобилизовать под знаменем ислама побольше своих сторонников, старались как

можно крепче ухватиться за его древко, клянясь, что именно они ведут борьбу за «чистоту мусульманской веры». Это в значительной степени и определяло прочность позиций духовенства в общественной и политической жизни страны.

Афганистан долгое время считался одним из наиболее отсталых и бедных государств мира. По национальному доходу на душу населения в 1975 г. он находился едва ли не на последнем месте среди всех мусульманских стран (160 долларов на человека). Средняя продолжительность жизни афганцев не превышала 45 лет. Более 90% населения было неграмотным. В стране на 12 тыс. жителей приходился один врач, и хорошо, если на сотню тысяч приходилась одна больница или одна школа.

Зато в стране насчитывается более 15 тыс. только зарегистрированных мечетей, а вместе с мазарами и другими местами для богослужения — около 40 тыс. С учетом учеников многочисленных религиозных школ общая численность служителей культа превышает 300 тыс., в том числе около 250 тыс. лиц духовного звания. Нетрудно подсчитать, что по основным показателям исламизации Афганистан значится в первых рядах среди всех мусульманских государств.

Ислам в Афганистане традиционно отличался высокой степенью политизации. Афганское духовенство постоянно претендовало если не на ведущую, то по крайней мере на равную со светской властью роль в политической жизни и государственных делах страны.

Активное участие религиозных деятелей в общественной жизни сопровождалось их энергичным вторжением в политику, что имело давние и глубокие исторические корни. Религиозные деятели не раз оказывали упорное противодействие королевскому режиму. Еще в 20-е гг., когда эмир Аманулла-хан, проводя ряд прогрессивных реформ и укрепляя независимость страны, попытался несколько ограничить власть местных феодалов, консервативные круги духовенства вступили в закулисный сговор с англичанами и организовали против него мятеж. Знамя ислама, под которым Аманулла-хан развернул освободительное движение в стране против английских колонизаторов, было использовано в 1929 г. духовенством для свержения младоафганского режима¹ и замены эмира ставленником феодально-клерикальных кругов. Они возвратили муллам все их

¹ Младоафганцы — участники национально-патриотического движения в Афганистане, с 1919 г. по январь 1929 г. во главе с Аманулла-ханом находились у власти.

прежние привилегии. Духовенство получило представительство в парламенте и контролировало деятельность министерства юстиции через созданный в его рамках Совет улемов.

Самые робкие социально-экономические реформы буржуазного характера, проводимые в 50-х гг. правительством Дауда при короле Захир-шахе, были также встречены в штыки реакционным мусульманским духовенством. В ответ власти были вынуждены принять жесткие меры против наиболее консервативных исламских богословов. Наиболее воинствующие из них во главе с хазратом С. Моджаддади были арестованы, а Совет улемов распущен.

В 1965 г. в условиях роста демократического движения в стране возникла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Правящие круги снова начали тогда заигрывать с духовенством, используя его в борьбе с левой оппозицией. Арестованные ранее реакционные религиозные деятели были выпущены из тюрем. Возобновил работу Совет улемов. Созданная в Афганистане «Ассоциация братьев-мусульман» стала усиленно вербовать своих сторонников среди молодежи и студенчества.

Оппозиционная деятельность правых мусульманских кругов нередко принимала формы открытых антиправительственных выступлений. Королевские власти вынуждены были применять жесткие меры в отношении наиболее экстремистских религиозных и политических их представителей. Среди них находился и осужденный на полтора года тюремного заключения один из лидеров правой группировки «Мусульманская молодежь», инженер Г. Хекмат-яр. Покинул Афганистан и остался в эмиграции профессор-богослов С. Моджаддади. Оба они впоследствии стали руководителями контрреволюционной оппозиции.

С именем аллаха... рождение республики

Свержение монархии 17 июля 1973 г. произошло в результате почти бескровного дворцового переворота, приведшего к власти М. Дауда, родственника короля, неоднократно до этого возглавлявшего правительство. Провозглашение республики традиционно освящалось словами Корана: «Именем Аллаха, милостивого и милосердного...» Крупное духовенство не спешило, однако, благословлять программу первого республиканского правительства. Оно встречало враждебно любые социально-экономические

реформы, ограничивавшие его привилегии. После ликвидации монархии ислам продолжал оставаться неотъемлемой частью официальной идеологии и пришедшего к власти республиканского режима М. Дауда. Но уже тогда политические противники республиканского режима активно использовали ислам для открытых нападок на политику М. Дауда.

В конце 1973 г. правые религиозные деятели пытались организовать антиправительственный заговор, но он был сорван. В июле 1975 г. религиозно-политические организации «братьев-мусульман» и «Мусульманская молодежь» подняли антиправительственный мятеж в северных и восточных районах Афганистана. За спиной мятежников стояли пакистанские реакционные круги, связанные с силами империализма.

Однако до тех пор, пока правительство Дауда было угодным империалистическому Западу и мусульманской реакции, выступления против него разрозненных оппозиционных группировок не связывались с объявлением священной войны Кабулу.

Зато после апрельской революции 1978 г. силы международного империализма и реакции повели против народной власти Афганистана подлинную необъявленную войну. Однако далеко не все мусульманские богословы безоговорочно шли за контрреволюцией. Еще в годы, предшествовавшие апрельской революции, усилился процесс идейно-политического размежевания самого духовного сословия Афганистана. По имущественному положению и национальному составу, по уровню образования, материальным привилегиям и отношению к прогрессивным реформам духовенство было разделено на несколько групп, внутри которых тоже соблюдается определенная иерархия.

Наибольшими привилегиями и авторитетом в стране пользуются духовные лица, считающиеся прямыми потомками Мухаммеда, особенно по мужской линии. К высшим слоям относятся шейхи, хазраты, пиры, ишаны, улемы, главы различных направлений в исламе, предводители дервишских орденов, старейшины общин, ученые-богословы. Все они имеют, как правило, многочисленных последователей, которые непрерываемо исполняют волю своих духовных отцов, даже находясь вдали от них. Как правило, многие представители духовенства обучались за границей. Они занимали наивысшие посты в религиозной иерархии и пользовались покровительством правительств и местных властей Афганистана. Высшее духовенство было тесно свя-

зано с афганской аристократией, с крупными землевладельцами и торговцами. Выступая против прогрессивных преобразований в стране, они поддерживали тесные связи со служителями ислама Саудовской Аравии, Ирана, Пакистана и других стран, пользуясь моральной и материальной поддержкой с их стороны.

Среднюю группу духовенства составляют имамы и муллы мечетей, маулави (богословы), окончившие духовные школы.

Низшая категория — самая многочисленная группа, состоящая из кари (чтецов Корана) и хатыбов (проповедников), муэдзинов и прочих служителей исламского культа. Это главным образом представители крестьянства и мелкой буржуазии, получившие подготовку в учительском колледже и духовной школе. Они наиболее тесно связаны с трудящимися массами и также испытывают на себе социальный гнет. Большинство служителей культа этой группы перешло на сторону апрельской революции и сотрудничает с новыми властями, принимает участие в прогрессивных преобразованиях в стране.

Свое влияние на население духовенство оказывало и оказывает через мусульманские учреждения, школы и шариатские суды. Особенно велика его роль в сельской местности, где обычно мулла выступает в качестве духовного наставника, учителя и судьи.

Значительная часть богословов и служителей культа, получившая современное образование у себя на родине или за рубежом, уже в 60-е гг. выступала за определенную модернизацию ислама и пыталась приспособить его к требованиям развивающегося буржуазного общества. В тот же период начали получать распространение идеи исламского социализма, которые, однако, не оказали заметного влияния на общественно-политическую жизнь страны.

Реформисты различных оттенков искали путь обновления ислама в духе времени — как с прогрессивных, так и с реакционных позиций. Афганские фундаменталисты выдвигали, в частности, доктрину некоего особого исламского пути развития. Они отвергали социализм как якобы чуждую афганцам атеистическую идеологию и критиковали в то же время капитализм за его бездуховность и присущие ему социальные пороки. Исламский путь предлагался как единственно, по их понятиям, приемлемый для мусульманских стран. Однако ничего конкретного, кроме соблюдения норм шариата и добровольного отказа

имущих от части их богатства, фундаменталисты во имя восстановления социальной справедливости строго по Корану предложить не могли.

Священные принципы ислама и благородные цели апрельской революции

В то утро, 27 апреля 1978 г., когда муэдзины с высоких минаретов восьмисот мечетей Кабула возвестили правоверных о наступлении «волей Аллаха» нового дня, мало кто в афганской столице знал, что этот день ознаменует начало новой эры в истории страны.

В полдень танковые части штурмовали штаб-квартиру М. Дауда, по которой с воздуха были нанесены ракетные удары боевыми самолетами, пилотируемыми революционными офицерами. Уже к вечеру восставшие захватили здание радиостанции. Революционное восстание в Кабуле свершилось быстро и почти бескровно. Однако успех революционного переворота не означал победу самой революции. Многочисленные ее враги не замедлили сразу же развернуть знамя ислама, чтобы собрать под ним не только тех, против кого она была направлена, но и тех, ради кого революция совершалась.

Революционное руководство, сознавая и учитывая доставшиеся ему в наследство реалии, вместе с провозглашением Республики Афганистан сразу же указало на исламский характер нового государства.

Оно подтвердило свою решимость приступить к реализации целей революции — проведению коренных демократических преобразований в политической, социально-экономической и других сферах жизни. На первом месте среди этих преобразований находилась земельно-водная реформа, затрагивавшая жизненные интересы большинства афганского крестьянства. В числе других реформ назывались: демократизация общественной жизни и государственного аппарата, гарантирование основных политических прав и свобод, демократическое решение национального вопроса и проблемы племен, обеспечение женщинам равных прав с мужчинами во всех сферах общественной, экономической, политической, культурной и гражданской жизни, введение всеобщего бесплатного начального образования для всех детей школьного возраста, эффективная борьба с неграмотностью, усиление в

народном хозяйстве государственного сектора, базирующегося на научном планировании, обеспечение эффективного контроля над национальными материальными и людскими ресурсами. Одновременно Революционный совет принял указ об отмене задолженности крестьян помещикам и ростовщикам. В результате претворения этого указа в жизнь освобождалось от бремени долгов несколько миллионов крестьян.

Как и в период восстановления независимости афганского государства в 1919 г., Советский Союз первым признал Демократическую Республику Афганистан в день ее провозглашения, 30 апреля 1978 г.

Однако внутренняя реакция сразу повела яростные атаки на все проводимые в стране революционные преобразования. Именем Аллаха она объявила апрельской революции священную войну. Внешняя реакция, которая окопалась в соседнем Пакистане, не только поддерживала джихад, но и сама включилась в войну против народа Афганистана, вербуя на свою сторону многих сбитых с толку и обманутых пропагандой неграмотных крестьян.

Оппозиционные силы использовали, надо сказать, не только неграмотность и религиозное, отсталое сознание населения, но и ошибки афганского руководства на первом этапе апрельской революции. Особенно большой вред нанесли преступные действия антинародной клики Х. Амина. Обманом и коварством пробравшись к власти после физического уничтожения президента Нур Мухаммеда Тараки, она использовала при проведении так называемого решительного курса недопустимые методы, нарушая революционную законность. Были истреблены тысячи афганских граждан, в том числе многие активисты НДПА, исламские духовные лица. Массовые репрессии против различных социальных слоев страны значительно сузили социальную опору апрельской революции. Это явилось и главной причиной обострения политического кризиса в стране. Воспользовавшись этим, контрреволюционные силы при поддержке международного империализма начали еще больше разжигать религиозную и племенную борьбу в Афганистане. Она сопровождалась массовыми убийствами всех, кто поддерживает или даже сочувствует революции.

27 декабря 1979 г. здоровые силы НДПА при поддержке армии взяли власть в свои руки. Афганская революция стала проводить курс на восстановление единства партии, революционной законности, на обеспечение

представительства в правительственных органах всех звеньев созданного в стране Национального фронта, на широкое привлечение беспартийных патриотов к делам управления государством с учетом национальных и религиозных традиций населения.

Революция, опираясь на поддержку трудовых слоев народа и его вооруженные силы, а также на интернационалистскую помощь Советского Союза, несмотря на все трудности, сумела тогда отстоять свои завоевания. Она защитила независимость и государственный суверенитет страны, а также высокоцитимые афганцами честь, демократию и святыне для многих из них принципы ислама. В это же время в Афганистан был введен ограниченный контингент советских войск по просьбе Революционного совета в соответствии с подписанным в декабре 1978 г. Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и Афганистаном. Этим договором, в частности, определялись обязательства обеих сторон в деле обеспечения взаимной безопасности, независимости и территориальной целостности.

Афганское правительство осуществило тогда ряд конкретных мер в сфере укрепления доверия верующих и духовенства. Были даны соответствующие гарантии о сохранении Совета улемов. Его состав сразу же был обновлен за счет низших слоев духовенства, лучше знавших подлинные нужды и запросы трудового населения. Власти выделили специальный государственный фонд для ремонта и строительства мечетей. Увеличена была квота, выделяемая для паломников в Мекку.

Партия и новое афганское руководство честно и открыто признали, что до наступления нового этапа революции антинародная клика изменника А. Амина вела дело к установлению тоталитарной диктатуры. Вот почему не только в мечетях, но и на джиргах (традиционных собраниях) племен и народностей в то время звучали голоса недоверия к правительству. По той же причине при Амине власти не сумели привлечь на свою сторону исламское духовенство и использовать традиции джирговой демократии, уступив их, по существу, реакционерам. Вот почему муллы и старейшины племен могли провозгласить против нее священную войну, а афганская контрреволюция в Пакистане могла вербовать себе сторонников для борьбы против революционного режима в Кабуле, именую его неверным.

Народное правительство Афганистана на новом этапе

революции взяло сразу курс на ликвидацию допущенных ранее политических ошибок и организационных промахов. И в этом направлении были достигнуты бесспорные успехи. К концу 1985 г. 313 тыс. безземельных и мало-земельных крестьянских семей было бесплатно предоставлено 340 тыс. гектаров земли. Созданы сотни крестьянских комитетов по перераспределению земли и поливной воды. В стране действовало более 560 крестьянских кредитных и снабженческо-сбытовых кооперативов. В афганской деревне появились предпосылки для создания кооперативного сектора сельского хозяйства. Национальный доход, превысив дореволюционный уровень как по общему объему, так и в расчете на душу населения, увеличился на 10%. Валовой национальный продукт вырос за последние пять лет более чем на 18%¹. Увеличились почти вдвое и общие государственные капиталовложения в развитие экономики и в социальную сферу. За пятилетие производство электроэнергии возросло на 48%, цемента — на 10, добыча природного газа — на 11%. Потребности населения в пищевых продуктах обеспечивались в основном за счет внутренних ресурсов. В порядке оказания помощи крестьянам правительство на 18% увеличило ассигнования на развитие ирригации. Проводилось обводнение пастбищ, бурение скважин и колодцев, строительство плотин и устройств по распределению воды. Государство помогло не только восстановить существующие, но и построить новые ирригационные системы. Производство промышленной продукции увеличилось в целом на четверть. Больше, чем до революции, стало производиться электроэнергии, природного газа, цемента, азотных удобрений.

Улучшились социальные условия, повысился уровень жизни народа. Почти в два с половиной раза увеличилась средняя заработная плата рабочих государственных предприятий. Достигнуты были серьезные успехи и в развитии здравоохранения, культуры, образования. Только в 1985 г. были открыты 122 новые школы. В вузах и техникумах обучалось более 20 тыс. студентов и свыше 10 тыс. — в профессионально-технических училищах. Более миллиона человек научились читать и около полумиллиона писать на курсах по ликвидации неграмотности, которых насчитывается в стране свыше 25 тыс.

Революция могла бы достичь гораздо больших и более существенных успехов, если бы задачи строительства

¹ См.: Проблемы мира и социализма, 1988, № 1, с. 21.

повой жизни в Афганистане не приходилось решать в крайне сложных условиях. Сказывался тяжелый груз многочисленных проблем, унаследованных от прежних режимов, и ошибок, допущенных в первые годы революции, ибо никакая революция без ошибок еще не делалась. Но главные трудности создавала, конечно, необъявленная война, которую не прекращали вести против Республики Афганистан империалистические силы с помощью внешней и внутренней реакции.

Ценности ислама и их защитники

За кого и за что вели войну муджахеддины? Какие цели преследовали они сами и те, кто их финансировал и поставлял им оружие? Участники вооруженной оппозиции выступили в качестве защитников ислама. Но на самом деле они защищали свои привилегии и свое право грабить народ, внушая ему покорность и послушание от имени Аллаха. Ради достижения этих целей они идут на все, прибегают к любым методам. Разжигают религиозную и племенную рознь. Организуют диверсии и развязывают кровавый террор. Совершают убийства активистов НДПА и расправляются с теми, кто выступает за национальное примирение. Сжигают школы и больницы. Взрывают пригационные сооружения и уничтожают посевы. Они убивают учителей за то, что те осмеливаются учить девушек, женщин за то, что те сняли паранджу, молодых парней за то, что те отказываются вступать в банду душманов, крестьян за то, что те обрабатывают землю, принадлежавшую ранее помещикам. И этих убийц реакционная пропаганда называет «мусульманами», а их жертвы — «неверующими коммунистами». Реакционные силы оплачивают и вкладывают оружие в руки одних мусульман, чтобы они стреляли в других, в своих единоверцев, братьев, соседей. Недаром в самом Афганистане тех, кто пускает это оружие в ход, называли душманами и аш-рарами, то есть врагами. Эти наемники, выдающие себя за исламских борцов, стали в самом деле врагами собственного народа. Врагами того ислама, с которым мусульмане связывают свою веру в лучшее будущее и надежды на справедливость.

Национально-демократическая революция в Афганистане потому вызывает бешеную злобу и ожесточенное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов и

неоколониализма, что она направлена против угнетения и отвечает интересам афганского народа. Апрельская революция в Афганистане не только провозгласила, но и обеспечивает на деле равенство всех народностей и племен, равные права для всех граждан независимо от их социального положения, национальности, пола и вероисповедания. Революция предусматривает широкое и подлинное участие в управлении делами государства представителей всех социальных групп и слоев населения, включая не только рабочих и крестьян, но и национальных предпринимателей, коммерсантов, патристически настроенных религиозных деятелей и предводителей племен.

После апрельской революции при щедром финансировании США и поддержке мусульманской реакции на территории Пакистана и Ирана один за другим создавались различные «союзы», «фронты». Они назывались по-разному, но по своему составу — это в основном были наемники. В ряды «борцов за веру» вербовались и тысячи обманутых, запуганных или доведенных до отчаяния нищетою афганцев. Их расселяли, как правило, в палаточных лагерях в Пакистане. Многие из них вынуждены были называть себя беженцами. Племена пуштунов, например, традиционно кочевали в приграничных с Пакистаном районах, пересекая границу и в том и в другом направлении. Теперь их силой заставляли оставаться за пределами Афганистана, пополняя ими ряды контрреволюционеров.

Центр северо-западной провинции Пакистана Пешавар превратился в подлинное осиное гнездо афганской контрреволюции. Сюда стягивались и перебрасывались для подрывной деятельности и разбоя в Афганистане наемники из США, Великобритании, Франции, Ирана, Саудовской Аравии. Некоторые из них принимали участие в грязных войнах во Вьетнаме и Конго, в горячих точках мусульманского мира — на юге Аравии, Ливана, в Чаде...

Вдоль пакистано-афганской границы спецслужбы США развернули целую сеть разведцентров и перевалочных баз. Через них велась широкая поставка оружия контрреволюционерам. Подготовку подрывных, диверсионных террористических операций на территории Афганистана осуществляла специальная группа экспертов ЦРУ. Для обучения и тренировки душманов было создано около 120 лагерей и баз. Там под руководством американских, английских, израильских, египетских,

пакистанских инструкторов «борцы за веру» обучались обращению с современным оружием и взрывной техникой. Для координации шпионских, террористических и военных операций с 1979 г. в Исламабаде действует региональная штаб-квартира ЦРУ. Одновременно она осуществляет и психологическую войну против Афганистана. Туда забрасываются листовки, брошюры и другие подрывные пропагандистские материалы, ведутся целенаправленные радиопередачи на Афганистан, в которых афганцы-мусульмане призываются к вооруженным выступлениям против «безбожного правительства».

Хотя оппозиционные контрреволюционные группы соперничают и даже враждуют между собой, все они имеют схожую организационную структуру. Обычно их руководящие органы находятся за пределами Афганистана. В каждой штаб-квартире имеется несколько отделов, в том числе военный, который направляет деятельность банд, отдел по ведению пропагандистской работы среди местного населения и отдел управления и судопроизводства, который осуществляет руководство деятельностью так называемых исламских комитетов в провинциях, уездах, волостях и даже в некоторых кишлаках.

У всех этих нередко конкурирующих между собой «исламских комитетов» и раздираемых противоречиями различных контрреволюционных организаций существует, однако, объединяющая их общая платформа — это ненависть к апрельской революции и жажда свержения народной власти. Используя почти поголовную неграмотность населения, его религиозность, вековую привычку к подчинению ханам, муллам, вождям племен, помещикам, они выступают под знаменем защиты ислама. Ислам для них не столько религиозное учение, сколько якобы особый путь развития, отличный от капиталистического и социалистического.

Наиболее часто контрреволюция использует послышки из Корана — «Да погибнет народ, который не верует». Этой цитатой она пытается убедить массы в том, что всякий отход от ислама (как его трактует реакционное духовенство) повлечет за собой не только адские муки каждого грешника, но и национальную катастрофу. Призывая к борьбе за торжество ислама, контрреволюционные лидеры обвиняют власти в стремлении силой «навязать народу марксистский образ жизни» взамен традиционного, мусульманского. Через мулл, улемов, старейшин племен внушающим внушаются мысли о необходимости возрожде-

ния исламского государства, незаконности республиканского правительства. Используя ошибки властей при проведении социальных реформ и факты нарушения законности на определенном этапе революции, контрреволюционные лидеры ссылаясь на Коран стремятся доказать несовместимость с исламом проводимых правительством мероприятий в целом, а ухудшение экономического положения в стране преподносят исключительно как результат неисламского правления.

Доказывая возможность устранения социального зла без радикальных преобразований и классовой борьбы, реакционные исламские идеологи, опять же ссылаясь на Коран, подчеркивают, что бедным не следует «любить богатство любовью упорной», а богатые должны идти по пути добровольного самоограничения — выплачивать закят и отдавать в пользу неимущих пожертвования. Сохранение классового мира провозглашается как одно из важных условий исламского образа жизни.

Главарь контрреволюции всячески приспособливает исламские догмы для защиты интересов эксплуататорских классов. Так, например, они твердят, что земельная реформа противоречит исламу, умело используя тот факт, что племенные и клановые традиции затеняют сущность феодальной эксплуатации, имевшей место в Афганистане до революции. Таким образом «борцы за веру» настраивают народ против прогрессивных социально-экономических преобразований.

Общая ненависть вооруженной оппозиции к апрельской революции не исключает острых противоречий в ее лагере, порождаемых национально-этнической неоднородностью, принадлежностью к разным направлениям ислама, личным соперничеством и т. д. Известную роль играет и противоречивость программных установок у разных группировок. Одни из них выступают за создание в Афганистане исламской республики, другие разглагольствуют о защите населения от неверных, третьи — о возвращении к монархическому режиму. Периодически часть этих групп объединяется, но ненадолго. Как отмечает западная буржуазная пресса, в частности английский исследователь Б. Мейл, их отряды, совершая диверсионные вылазки на территорию ДРА, пересекают границу, «не бог весть как увлекаясь идеологией», спекулируют оружием, грабят на дорогах — и все это «во имя Аллаха»¹.

¹ Male B. Revolutionary Afganistan. A reappraisal. London, 1982, p. 134.

Весьма критично к мелким группам относятся и влиятельные исламские лидеры. Показательно в этом плане высказывание одного из руководителей агитационно-пропагандистского комитета «Исламской партии Афганистана». Отмечая, что в Пакистане существуют многочисленные группировки, выступающие под знаменем ислама, он писал: «Поскольку сейчас базар ислама горяч и каждый может испечь хлеб в этой печке, многие начали свою деятельность на исламской основе. Найдя комнату, несколько стульев, повесив свою эмблему и взяв листовки или книги (ставив их у другой группы), они объявляют о создании партии. Прикрывшись джихадом, они собирают деньги. Их руководители называют себя эмирами. Таких уже десятки. Некоторые выступают за Аллаха и освобождение родины, другие стремятся к власти, третьи просто хотят торговать, действуя ради денег».

Каждый при этом всегда стремится урвать кусок побольше от общего пирога помощи зарубежных «благотенителей». Распределение этого пирога всегда было одним из главных предметов их разногласий. Когда дело доходит до дележа награбленного или заокеанских подарков, воители за чистоту ислама довольно часто оказываются нечистыми на руку, забывая о благочестии и тем более о самопожертвовании.

В свете всех этих неблагоприятных поступков лидеров контрреволюции, не говоря уж об их преступных деяниях, противоречащих моральным нормам любой религии, даже на Западе более или менее беспристрастные наблюдатели ставили под сомнение истинность религиозного облика так называемых исламских муджахеддинов и их лидеров. Б. Мейл приводит в качестве доказательства признание одного из главарей контрреволюции в том, что оппозиция новому режиму вызвана не столько религиозными соображениями, сколько классовыми. Противники нового режима в Афганистане свой классовый конфликт стремятся облечь в религиозную оболочку для того, заключает Мейл, чтобы завоевать расположение масс. Они «цинично используют исламскую терминологию для прикрытия своих корыстных целей»¹.

Утверждая, что между духовенством и республиканским правительством возник не религиозный, а классовый конфликт, Мейл приводит многие примеры из истории Афганистана, когда джихад как средство мобилиза-

ции широких народных масс всегда служил политическим целям определенных классов. Духовенство в борьбе против правительства блокировалось не только с племенными вождями, но и с иностранными кругами всякий раз, когда власти ущемляли его сословные или классовые интересы.

Вот почему, заключает Мейл, именно духовенство вносит важный вклад в пополнение рядов вооруженной оппозиции. Влияние его в общественной и политической жизни страны было и остается пока весьма значительным.

Другой западный исследователь, Я. Гревемейер, также считает, что о контрреволюции как о некоей «единой религиозной силе говорить не приходится» и вряд ли в обозримом будущем удастся создать такую «исламскую оппозиционную коалицию удастся создать». В связи с этим некоторые западные пропагандисты пытаются придать разногласиям между религиозными группировками некую национальную окраску. С этой целью они, искусственно подразделяя контрреволюционеров на ряд территориально-национальных групп, стремятся показать чуть ли не всеобщий характер религиозной войны против нового строя в Афганистане. Одни делят контрреволюционные организации в соответствии с районами расселения народов Афганистана — пуштунов, белуджей, таджиков, хазарейцев. Другие пытаются как бы совместить или смешать религиозную и национальную окраску контрреволюции с защитой традиционных обычаев, адата или кодексом норм быта и жизни афганцев, приравнивая, например, принципы «пуштунвала» к догматам ислама.

Западная пропаганда пытается представить выступление душманов под исламскими лозунгами как некую народную борьбу в защиту религии и обычаев пуштунов. Сюда же вписываются и недобросовестные, циничные манипуляции с проблемой так называемых афганских беженцев, к числу которых относят чуть ли не всех пуштунских кочевников и оседлые племена, проживающие в приграничных между Афганистаном и Пакистаном районах. Так, американский исследователь М. Бечтелл вынужден был признать явное преувеличение численности афганских беженцев западной буржуазной печатью, которая причисляет к ним многих кочевников, перекочевывающих, как обычно, из Афганистана в Пакистан и обратно.

Данные пакистанских властей, которые утверждали, что в начале 80-х гг. число афганских беженцев превы-

¹ Male B. Revolutionary Afghanistan, p. 132—138.

шало якобы 2 млн человек, ставит под сомнение и журнал «Фар истери экономик ревью».

Фальсифицируя численность беженцев в Пакистане, буржуазная печать стремится доказать, что недовольство новым строем Афганистана носит массовый характер. В действительности далеко не всех беженцев можно причислить к силам контрреволюции, как и большинство пуштунских кочевников вовсе не считают себя беженцами.

Пытаясь представить разбой контрреволюции как священную войну, буржуазная пропаганда приводит в качестве доказательства участие в этой войне афганских беженцев, а на самом деле — попавших в Пакистан крестьян в основном по принуждению феодалов и реакционного духовенства, заставивших их не только с помощью насилия, но и обмана покинуть свою родину. Убегая от революции, феодалы привели с собой в Пакистан тысячи подвластных им простых людей, которых потом и называли беженцами, и именно из них формировались вооруженные банды, которые затем засылались на афганскую территорию совершать святотатственный разбой под знаменем ислама.

Не с Кораном, а с инструкциями ЦРУ

Муджахеддины ведут отсчет времени объявленного ими джихада с конца 1979 г., связывая его с вводом в Афганистан, по просьбе афганского правительства, временного, ограниченного контингента советских войск для оказания помощи в борьбе с силами международного империализма и мусульманской реакции. Но на самом деле они вершат разбой в стране с первых же дней апрельской революции. Банды вооруженной оппозиции занимаются кровавым и грабительским промыслом фактически с момента установления республиканского режима в Афганистане.

Империализм и реакция, учитывая раскол внутри контрреволюционных сил, вели, по существу, дело к расколу и самой страны, готовя отторжение от Афганистана нескольких его провинций на востоке (Бадахшан, Кунар, Лагман) и на западе (Герат, Фарах и Намроз). Планы создания мини-государств — суннитского и шиитского — прикрывались тоже религиозными лозунгами, но преследовали далеко идущие неокOLONиалистские цели. Они

вполне вписываются в неоглобалистские доктрины Вашингтона. Ослабленный и раздробленный Афганистан, как и другие государства с мусульманским населением, империализм хотел бы использовать не только как плацдарм агрессии против Советского Союза, но и как базу для борьбы и подрыва освободительных революций на Ближнем и Среднем Востоке.

За годы необъявленной войны против республики от рук наемных убийц, действующих по инструкциям ЦРУ, погибли тысячи невинных людей. Муджахеддины не жалеют ни женщин, ни стариков, ни детей. Убийства сопровождаются садистскими пытками, чудовищными актами насилия. Головорезы получали вместе с благословением исламских контрреволюционеров плату по таксе за каждое свое преступление — убийство учителя или муллы, партийного, государственного работника или врача, художника, военнослужащего, поджог школы или больницы, взрыв моста или диверсию на промышленном предприятии.

Терпя поражение за поражением в прямых столкновениях с афганской армией, наемники международной реакции прибегали к таким злодейским акциям, как отравление учащихся в школах и взрывы в кинотеатрах во время детских сеансов, диверсии на авиалиниях и в городском транспорте в час пик и на переполненных базарных площадях и в мечетях.

Объявляя себя защитниками ислама, «борцы за веру» убивают священнослужителей и уничтожают мусульманские реликвии. Так, они взорвали бомбу в мечети Кабульского политехнического института, бросили гранату во двор медресе Дар-уль-Хефаз, устроили взрыв гостиницы для паломников в Мазари-Шарифе, где находится могила халифа Али — главная святыня верующих афганцев, холднокровно направили ракету на многолюдный двор соборной мечети в Герате — одной из самых почитаемых мусульманами. За время необъявленной войны против афганского народа от душманского террора погибли сотни представителей духовенства, и среди них настоятель главной мечети Кабула Маулана Абдул Хамид, имам кабульской мечети Иттефак, маулави Насрулла Гардези, шейх Али Хусейн Наток и др. У крестьян, оказывающих содействие властям или просто лояльно к ним относящихся, «борцы за веру» уничтожают посевы, травят скот, поджигают дома, торговцев убивают, грабят, разрушают их лавки-дुकаны.

Имеется уже немало подлинных документов и свидетельств, раскрывающих преступления контрреволюции и ее тесные связи с официальными учреждениями США и их союзников по НАТО.

Из ставших достоянием мировой общественности неопровержимых фактов вырисовывается подлинная картина совместных преступлений «борцов за веру» и лицемерных «защитников ислама».

Бандиты стараются дезорганизовать афганскую экономику. За годы необъявленной войны они разрушили около 2000 школьных зданий, более 30 больниц, разорили около 1000 крестьянских кооперативов, уничтожили свыше 40 тыс. км линий связи, много мостов и т. п. Прямой материальный ущерб — 50 млрд афгани — составляет более трех четвертей всех вложений государства в экономику Афганистана за 20 лет, предшествовавших революции 1978 г.¹

Американские советники и агенты ЦРУ выступают не только в роли инструкторов и экспертов в организации диверсий и убийств, но в ряде случаев и сами принимают в них непосредственное участие. В книге известного индийского журналиста Поли Паракала «Тайные войны ЦРУ» приводится на этот счет немало конкретных фактов. В частности, в ней раскрывается неблагоприятная роль американского дипломата Дж. Гриффина, который за участие в подрывной деятельности против РА был выслан афганскими властями из страны. Такая же участь постигла в сентябре 1983 г. еще двух американских дипломатов-шпионов. Тогда же с разоблачением подрывной деятельности посольства США в Кабуле выступили бывшие агенты ЦРУ — трое пакистанских граждан и один афганец, работавшие ранее в посольстве США в Кабуле. Они сообщили, что именно по приказу из-за рубежа контрреволюционные банды расправляются с афганскими гражданами, сжигают школы, больницы, мечети. Антиафганские пропагандистские материалы, которые распространялись в Кабуле, печатались непосредственно в посольстве США. Там же фабриковались различные ложные сообщения о событиях в Афганистане. Согласно показаниям некоего Фазила Ахмеда, связанного с американцами с 1960 г., дипломаты США регулярно совершали поездки в Пешавар, где давали инструкции главарям банд. Они же доставляли в Кабул оружие для контрреволюционеров.

Некоторые агенты ЦРУ становились потом сами главарями банд. Так, бывший шофер посольства США Гул Мохаммед сколотил банду душманов в Газни, на счету которой немало убийств и преступлений¹.

О многих злодейских акциях, совершенных при участии американских «друзей ислама», рассказывается в обнародованных дневниках некоего Ч. Торнтона, убитого во время столкновения между соперничавшими бандами в уезде Шахваликот провинции Кандагар. В них повествуется о том, как он и другие «специалисты» из ЦРУ, приехавшие в Пакистан под видом врачей и журналистов, проводили военное обучение душманов, готовили варварский акт уничтожения ракетой американского производства гражданского самолета, в результате чего погибло 52 человека, включая женщин и детей.

О том, как фабрикуется «правдивая информация» о событиях в стране, поведали в Кабуле на пресс-конференции двое схваченных бандитов. Они рассказали, как по указке американских советников душманы нападали на мирные кишлаки, в частности на кишлак Алисанги в провинции Пактия, переодевшись в форму воинов афганской и советской армий, а в это время американцы снимали кровавые деяния этих «борцов за веру» на кинолентку, которая затем демонстрировалась на экранах западного телевидения в качестве «достоверных свидетельств» действий афганских и советских воинов против мирного афганского населения. Более того, они снабжают душманов химическим оружием, чтобы затем выступить с клеветой на Советские Вооруженные Силы. Об этом, в частности, свидетельствуют захваченные у бандитов химические бомбы американского производства и письма-инструкции душманских лидеров о том, как применять бомбы против населения².

Спецслужбы Соединенных Штатов проводят широкомасштабные подрывные акции против революционного Афганистана. По признанию членов конгресса, это самые крупные секретные операции США после окончания войны во Вьетнаме. США превратили в плацдарм агрессии против революционного Афганистана соседний Пакистан, на территории которого в районах городов Пешавар, Кветта, Насир-Багх, Ланди-Котал, Парачинар, в районах Хаджи и Лаверлаи-Заргун на американские деньги

¹ Enemies grimaces Unveiled. Kabul, 1984, p. 3.

¹ Parakal P. Secret Wars of CIA. New Delhi, 1984, p. 12.

² Chemical Weapon: Who Resorts to its use. Kabul, 1984.

создана сеть лагерей по подготовке диверсантов и террористов, засылаемых затем в Республику Афганистан (РА). С каждым годом американская администрация увеличивает помощь афганской контрреволюции.

За десять лет после апрельской революции США предоставили контрреволюционерам прямую помощь в размере более 2 млрд долларов. Кроме того, Англия и ФРГ выделили также на эти цели довольно значительные суммы.

Американские спецслужбы помогают контрреволюции также вести психологическую войну против Республики Афганистан. С этой целью в Пакистане при непосредственном участии ЦРУ создан «Афганский информационный центр», который занимается пропагандой священной войны, умалчивая, естественно, о святотатственном характере разбоя мятежников на афганской территории, а также фабрикацией «неопровержимых улик» о якобы чинимых афганской армией жестокостях против мирных граждан.

В пропагандистских материалах контрреволюционных организаций содержатся откровенные угрозы за сотрудничество с правительством, потому что оно «противоречит благочестию и враждебно исламу», и поэтому «пособников режима» как вероотступников ждет большая кара. В подтверждение этого инсценируются «несчастные случаи» с лицами, поддерживающими власти, в том числе со служителями культа, учителями школ, «распространяющими неисламские идеи и знания». Иногда, напротив, мятежники, запугивая население, не только не скрывают своей причастности к террористическим актам, совершаемым «во имя торжества ислама», но и афишируют ее.

Вопреки клятвам душманов в верности Корану, они сами постоянно попирают его многие заповеди, в том числе и предостережение Мухаммеда, часто повторявшего: «Горе всякому лжецу». Контрреволюционеры и их покровители нагло лгут сами, распространяют ложь всеми средствами и торгуют ею оптом и в розницу, к тому же учат и других, в первую очередь мусульманских духовников, профессиональному ведению лживой пропаганды. В распространяемых контрреволюционных инструкциях содержатся конкретные рекомендации, как извращать смысл правительственных декретов перед мусульманами, как разжигать националистические страсти и религиозный фанатизм, направляя их против правительства и местных властей, а также против советских воинов, выпол-

няющих свой интернациональный долг в Афганистане. При этом исламские лидеры душманов пытаются представить дело так, будто «освященная знаменем ислама борьба против неверных» поддерживается чуть ли не всеми странами и мировой общественностью. Для этого издаются и распространяются в доступной для понимания широких масс форме чаще всего фальсифицированные или извращенные тексты резолюций конференций ОИК, различных комитетов и фондов, созданных в других странах для помощи «афганским беженцам и борцам за веру».

Большое внимание уделяется устной пропаганде, распространению различных провокационных, самых нелепых слухов. Даже западная печать вынуждена признать, что на афганское население обрушивается настоящая лавина слухов, а так называемая объективная информация «может быть и правдой, и ложью», но она преследует главную цель: чтобы мировая общественность, и особенно афганцы, ей верили.

Исламские традиции и революционные преобразования

В условиях Афганистана традиции ислама и родоплеменной демократии имеют, как показал опыт апрельской революции, глубокие корни. И те и другие до сих пор сохраняются в социальной памяти народа. На новом этапе революции афганское руководство пересмотрело общий курс внутренней политики, в том числе свое отношение к исламу и духовенству. Революция осуществляет на практике провозглашенный ею курс на более полное и глубокое раскрытие демократического потенциала ислама. Расширилось представительство религиозных деятелей в комитетах национального примирения и в других общественных организациях. Власти заверили, что обеспечат полное уважение религии и гарантии духовенству. Отношение властей к исламу законодательно закреплено в новой конституции, в которой четко сформулировано, что «всем мусульманам гарантируется и обеспечивается полная свобода в отпраздновании религиозных обрядов ислама». Государство обязалось «оказывать помощь и содействие патриотической деятельности духовенства и улемов в выполнении их долга и обязанностей». И это осуществляется на деле. В Кабуле была созвана первая в истории страны общенациональная конференция улемов.

Принявшие в ней участие более 800 мулл и других религиозных деятелей выразили поддержку политике демократической власти и приняли решение о создании Высшего совета улемов. При совете министров образовано Главное управление по делам ислама, возглавленное известными богословами. Представители духовного сословия получили представительство в государственном аппарате и, соответственно, возможность участвовать в принятии политических решений.

Осуществляются также практические мероприятия в рамках оказания материальной помощи верующим и духовенству. Правительство увеличило государственный фонд на строительство и ремонт культовых сооружений, предоставило духовенству льготы на приобретение продовольственных товаров и выделило дополнительные средства на содержание мечетей. Результаты не замедлили сказаться: все больше улемов и служителей культа оказывают поддержку демократическому режиму. Это нашло, в частности, подтверждение в документах второй Национальной конференции афганского духовенства, состоявшейся в марте 1984 г., которая приняла фетву и заявление, содержащие призыв ко всем мусульманам поддерживать народную власть.

Высший совет улемов и духовенства призвал всех мусульман мира осудить необъявленную войну империализма и реакции против Республики Афганистан.

Даже традиционно враждебная демократическому режиму в Афганистане западная печать вынуждена признавать, что контрреволюционные силы в Афганистане воюют против апрельской революции под лозунгом защиты ислама, хотя все положения, зафиксированные в конституции об обеспечении в стране «уважения, соблюдения и сохранения ислама как священной религии», выполняются правительством РА на практике. Американский исследователь Б. Мейл писал в связи с этим, что афганское правительство использует ислам ради справедливости как основу нового порядка в стране. По свидетельству западногерманской прессы, мусульмане в Афганистане свободно соблюдают пост во время рамадана. Тысячи из них, получая материальную поддержку властей, совершают паломничество в Мекку. Лица духовного звания участвуют в работе Главного управления по делам ислама и в судебных органах, исламские науки преподаются в учебных заведениях, богословы, руководители религиозных орденов, сект, общин, имамы мечетей, муллы-проповед-

ники — все они продолжают исполнять свои традиционные функции.

Революционные власти уделяют большое внимание положению мусульманского духовенства, особенно в сельской местности. Постепенно с учетом реальных возможностей правительства служители культа, в том числе и находящиеся в рядах вооруженных сил РА, переводятся на государственное обеспечение.

Большое значение народные власти стали придавать также налаживанию взаимоотношений с национальными предпринимателями и торговцами. Руководство страны добивается от всех государственных органов проведения последовательной и доброжелательной политики по отношению ко всем патриотически настроенным представителям мелкой буржуазии и мусульманского духовенства.

Взятый курс на демократизацию общественно-политической жизни страны получил поддержку на повсеместно проходивших народных собраниях (джиргах) в различных городах страны и в сельской местности, а также на Высшей джирге страны.

Большую роль в успешном продвижении процесса демократизации политической и общественной жизни сыграли проведенные выборы в местные органы власти — народные джирги. Важно отметить, что более половины избранных в джирги депутатов являются не членами НДПА, а беспартийными представителями всех классов и групп населения, включая мусульманское духовенство. Выборы проходили в полном соответствии с национальными и историческими традициями афганского народа, на основе свободного волеизъявления, согласуясь с требованиями шариата. О демократическом характере проходивших выборов можно судить хотя бы по тому, что из 1796 избранных депутатов рабочие составляли 11,6%, крестьяне — 26, представители интеллигенции — 23, торговцы и предприниматели — 3%. На долю же вождей племен, религиозных и других авторитетных общественных деятелей пришлось 36,4%.

На проходившей в апреле 1985 г. в Кабуле Лоя джирге выборных представителей из 29 провинций страны лишь около одной пятой ее участников составляли члены и кандидаты НДПА. Уже сам состав делегатов наглядно отражал не только широкий представительный характер этого форума, но и новый подход к осуществлению руководящей роли НДПА, которая главный акцент стала делать не на количественный, а на качественный состав

своих представителей, на влияние ее идей и авторитет каждого члена партии — избранника народа¹.

В единогласно принятой резолюции Лоя джирга поддержала политику НДПА на новом этапе апрельской революции, особо указала, что именно силам новых задач закрепления и углубления достижений революции с традиционными формами демократического народного самоуправления и есть оптимальный путь решения нерешенных проблем сегодняшнего Афганистана. Таким образом, НДПА, представив свою концепцию революционно-демократического развития на открытое обсуждение почти двух тысяч свободно избранных делегатов, получила своего рода мандат народа на реализацию выработанной политики. Еще ни одно правительство, ни одна политическая партия Афганистана не могла позволить себе такого смелого шага.

Это нашло новое, особенно веское подтверждение на собравшейся в ноябре 1987 г. в Кабуле Высшей джирге страны. Одобрив новую конституцию и название страны — Республика Афганистан, она обозначила, можно сказать, переломный момент в развитии важных позитивных изменений в Афганистане.

Обращение НДПА к традиционным формам народной демократии, уходящей своими корнями в традиции ислама и родо-племенного уклада жизни, и вынесение на обсуждение джирг племен важнейших вопросов текущей политики — смелый и решительный шаг апрельской революции. В условиях такой слаборазвитой страны, как Афганистан, широкая демократизация, тем более с опорой на такие, казалось бы, консервативные формы традиционного волеизъявления народа, как родо-племенные и мусульманские общины, на первый взгляд может показаться непоследовательной или преждевременной. Но в том-то и дело, что правильное понимание и использование форм такой демократизации неразрывно связано с оценкой роли традиций (в том числе ислама) в истории и сегодняшней реальности Афганистана.

«В этой связи, — писал кандидат в члены Политбюро ЦК НДПА М. Барьялай, — обращение НДПА к вековым устоям нашего народа оказалось наиболее естественным. Массам легче и проще всего воспринимать революционную демократию сквозь призму исторически утвердившихся форм. Происходит очередной виток диалектической

спирали развития, позволяющий строить новое, основываясь на традициях, которые остаются, выражаясь философским языком, «в снятом виде». Тем самым достигается значительный выигрыш, в освященной ими и потому не вызывающей открыто негативного отношения, вполне приемлемой для обывденного массового сознания форме реально утверждается революционное содержание. Так от старого, привычного к новому, неизведанному идет постепенное воспитание народа. На собственном политическом опыте он вырабатывает передовое революционное мировосприятие... Наша задача не придумывать искусственные формы власти для народа, а обеспечить установление власти самого народа».

В условиях Афганистана, где значительная часть населения в той или иной степени прямо связана с племенами, а многие, даже поселившись в городах, сохраняют связи со своими семейными или племенными кланами, заволашевание правительством хотя бы их доверия и налаживание между ними определенного взаимопонимания всегда было одной из первоочередных по своей важности проблем. Нередко случалось так, что имевшиеся контакты с племенами срывались из-за невыполнения правительственными ведомствами достигнутых договоренностей. Это вело к подрыву престижа революционной власти в глазах племен. Происходило это порой потому, что отсутствовала четкая согласованность в деятельности государственных органов среди приграничных пуштунских и белуджских племен.

На проходившей в сентябре 1985 г. Высшей джирге приграничных племен столкнулись как бы две тенденции. С одной стороны, устоявшийся веками традиционный уклад жизни племен с их родо-племенной демократией и исламскими канонами. С другой — линия НДПА и революционного государства, проводящих курс на создание новой, по содержанию демократической власти с использованием прежних, традиционных форм. Партия при этом сознательно шла на определенный риск. Он заключался в том, что традиционалистский тип сознания вождей и старейшин племен, мулл и улемов, безусловно, мешал им воспринять тесное взаимодействие старого и нового. Вековые формы народовластия, освященного не только племенными традициями, но и мусульманской религией, трудно совмещались с социальными преобразованиями и решением других революционных задач. В сущности, после апрельской революции племена — творцы и хранители

¹ Проблемы мира и социализма, 1986, № 4, с. 70.

традиционных форм народовластия — попали в противоречивое положение. Однако сама жизнь подвела многие племена к восприятию нового — использованию традиционных форм демократии для решения актуальных проблем.

В разных районах Афганистана еще раньше стихийно проходили родо-племенные джирги, которые подготовили условия для успеха Высшей джирги племен и страны. Так, джирга рода хувайзи племени моманд (район Хайберского ущелья) постановила запретить проход по территории рода караванов с оружием и боеприпасами для контрреволюционеров, а также пребывание на ней бандитских формирований. Общая джирга племени моманд в декабре 1984 г. резко осудила вмешательство Пакистана во внутренние дела Афганистана. Протест против антиафганской политики Исламабада выразила в мае 1985 г. также джирга племен африди и шинвари. Глава богословов племени аль-хадж мулла Хабибулла отверг попытку использовать племена для борьбы с революционной властью как действия, откровенно идущие вразрез с установлениями ислама. Традиционно оформленные, но имеющие революционное содержание решения относительно борьбы с контрреволюционерами приняли племена ходжи, алихейль, ходншихейль и моти (провинция Пактия).

Все это говорит о том, что племена подошли к пониманию необходимости соединить традиционные формы демократии и исламского мировоззрения с решением задач современности. Вот почему НДПА и афганское правительство решились предложить на Высшей джирге племен путь сочетания традиций с революционными преобразованиями в стране. И более двух тысяч делегатов единодушно одобрили этот путь.

Племена обязались не допускать на территорию страны контрреволюционные банды из-за рубежа. Более того, они приняли решение всячески содействовать надежной охране границ республики и способствовать повсеместному осуществлению социально-экономических преобразований. Правительство со своей стороны заверило участников Высшей джирги племен, что оно усилит меры по охране территории расселения и улучшению условий жизни племен, будет уважать и поддерживать их традиции и племенные обычаи. Партия и правительство обязались также способствовать развитию и укреплению джирговых форм народовластия. Но Высшая джирга племен под-

черкнула, что это должно осуществляться на новой, революционной основе. Она одобрила магистральный путь реализации данного решения — через последовательное создание новых местных органов власти по всей стране — выборных джирг.

В других принятых документах — обращении к афганскому народу, послании к народам региона, обращении к генеральному секретарю ООН — Высшая джирга племен разъяснила свои решения и призвала всех мусульман, всех людей доброй воли содействовать претворению их в жизнь. В письме генеральному секретарю ООН она обратила особое внимание на бедственное положение обманутых братьев и единоверцев, которые прозябают в так называемых лагерях беженцев в Пакистане и Иране и лишены элементарных демократических прав.

Руководство НДПА выработало конкретную программу практической реализации нового подхода к расширению и укреплению социальной базы революционной власти. Партия взяла курс на расширение конструктивного диалога и с теми группами, которые занимают нейтральные или даже недоброжелательные позиции по отношению к апрельской революции. При этом она не исключает компромиссов в решении общих проблем. Партия выступает также за демократизацию аппарата власти на всех уровнях для установления в стране мира и спокойствия, привлечения на сторону революции новых союзников, в том числе и среди мусульманского духовенства.

После всенародного обсуждения программных тезисов и задач, изложенных в Декларации Революционного совета, был взят курс на скорейшую их реализацию. Эти задачи были конкретизированы и получили дальнейшее развитие на XVII пленуме ЦК НДПА (май 1986 г.), на котором единогласно был избран Генеральным секретарем ЦК НДПА товарищ Наджибулла.

Курс на национальное примирение

Подтвердив в целом преемственность политики НДПА, руководство партии открыто признало такие свои недостатки, как разрыв между словом и делом и недооценка реального положения дел в подходе к конкретным явлениям жизни. Оно разработало курс на перестройку партийной и государственной жизни. Это нашло отражение и в изменении состава руководящих кадров страны.

Главным же итогом начавшейся перестройки является активно проводимый курс на дальнейшее расширение социальной базы революционной власти, прекращение кровопролития, которое навязывают под знаменем Корана враги революции и ислама, на установление мира и спокойствия во всей стране на основе общенационального примирения.

Чрезвычайный пленум ЦК НДПА и Революционный совет республики в начале 1987 г. приняли широкую комплексную программу по нормализации обстановки в стране. Для ее осуществления была создана высшая чрезвычайная комиссия по национальному примирению в Афганистане в составе 297 представителей различных общественных сил, включая национальную буржуазию и религиозных деятелей. Путь общенационального примирения был определен как главный метод политического решения всех вопросов не только внутри страны, но и вокруг Афганистана.

Выступая на встрече представителей партий и движений, участвовавших в юбилейных торжествах в Москве по случаю 70-летия Октябрьской революции, Генеральный секретарь НДПА товарищ Наджибулла заявил: «Народно-демократическая партия Афганистана на основе опыта Великого Октября и социалистического строительства, говорящего о том, что ни одна революция в условиях братоубийственной войны и кровопролития не может реализовать свой созидательный потенциал, перестраивает себя и ведет страну по пути национального примирения»¹.

Свой смелый, новаторский подход к решению задач национально-демократической революции НДПА находит в философии нового политического мышления. В стране уже начал складываться механизм национального примирения, отвечающий приоритетным международным интересам — прекращению войны, урегулированию положения вокруг Афганистана. Примирение стало объективной реальностью, с которой вынуждены считаться все политические силы, хотя бы того они или нет. Лидеры семи контрреволюционных группировок, тесно связанных с Вашингтоном, поспешили, однако, с ходу отвергнуть миролюбивые предложения правительства Республики Афганистан. Более того, они даже попытались активизировать свои действия против РА. Только за первый месяц после объявления курса на национальное примирение они бо-

лее 500 раз обстреляли позиции правительственных войск и населенные пункты с применением ракет, артиллерии и минометов.

США и региональная реакция еще более щедро стали снабжать контрреволюционеров деньгами и самым современным оружием, стремясь, очевидно, сорвать процесс национального примирения и перестройки политических и общественных структур в Афганистане.

Важной предпосылкой и в то же время конкретным проявлением курса национального примирения было решение о начале вывода с территории РА ограниченного контингента советских войск. Начиная со второй половины октября 1986 г. и к началу 1988 г. в 13 (из 30) провинциях советских войск уже не было¹. Этим шагом, осуществленным во взаимодействии с советским руководством, правительство РА рассчитывало вызвать положительную ответную реакцию со стороны соседних государств, а также тех западных государств, которые поддерживают и направляют контрреволюцию. К сожалению, адекватной реакции на эту инициативу от них не последовало.

Правительство Афганистана, провозгласив курс национального примирения, приступило сразу же к его осуществлению. Оно объявило о прекращении огня правительственной стороной с 15 марта 1987 г. сроком на шесть месяцев. Первый реальный шаг на пути национального примирения был сделан. Он создавал условия к тому, чтобы в случае соблюдения перемирия всеми сторонами оно переросло бы в общенациональный мир. К сожалению, прекращение огня, соблюдавшееся правительством более 50 дней, носило односторонний характер. После обстрела мятежниками ряда населенных пунктов правительство РА приняло решение — в строгом соответствии с объявленной ранее Декларацией — об ответных ударах по тем, кто отверг политику национального примирения. Но тем не менее эта политика стала уже политической реальностью. Она принесла конкретные плоды как внутри страны, так и на международной арене. Как заявил Наджибулла на московской встрече представителей партий и движений, уже за первые 10 месяцев примирения народная власть добилась по некоторым направлениям большего, чем за предыдущие 8 лет. 2300 деревень было освобождено мирным путем, 30 тыс. мятежников сложили оружие. Через

¹ Правда, 1987, 6 ноября.

¹ См.: Правда, 1988, 9 февраля.

проволаку пакистанских и иранских лагерей, не дожидаясь дипломатических решений на переговорах в Женеве, прорвались на родину более 100 тыс. беженцев¹.

Стали создаваться также условия и конкретные предпосылки для коалиционных форм управления страной на основе многопартийной системы. НДПА не только выразила готовность поделиться властью, но и согласилась включить в местные и центральные органы управления представителей различных патриотических сил, в том числе мусульманского духовенства и оппозиции, поддерживающей идеи примирения.

В состав правительства вошло 6 сенаторов и видных политических деятелей прежних режимов, и около 15% работников местных органов власти представлено бывшими мятежниками, отказавшимися от ведения вооруженной борьбы против РА. Главенствующей силой создающегося в рамках Национального фронта многопартийного союза выступает левый блок НДПА с другими революционно-демократическими организациями страны.

В ходе реализации политики примирения еще большее внимание стало уделяться развитию контактов с духовенством, вождями племен, частными предпринимателями, поощрению ремесленного и кустарного производства, укреплению рыночной системы. Новым содержанием в условиях примирения наполнилась и аграрная реформа.

НДПА, выступая генератором идей и опыта политики примирения на основе анализа постоянно меняющейся ситуации, извлекает практические уроки, стремится комплексно решать новые задачи. «Мы усиливаем,— заявил Наджибулла,— миротворческую работу в гуще народных масс, идем на откровенный разговор с оппозицией на «джиргах мира», ищем компромиссы на переговорах с командирами мятежников второго и третьего эшелона, создаем «зоны и провинции мира».

Для расширения социальной базы политики национального примирения Революционный совет внес серьезные коррективы и в организацию политической власти, которая осуществляется на принципах многопартийности и коалиционности...» «Мы за переговоры со всеми, кто готов участвовать или хотя бы не препятствовать историческому обновлению страны»,— писала газета «Хакикате инкилабе саур», напоминая при этом слова из Корана,

где сказано: «Два мусульманских племена должны не воевать, а искать примирение друг с другом».

Проводимая в стране перестройка, естественно, коснулась и взаимоотношений НДПА и государства с исламом. Исходя из того, что ислам был и остается основой духовной жизни афганского общества, власть в ходе перестройки взяла курс на проведение революционных преобразований в исторически утвердившихся родо-племенных и религиозных формах.

Такая позиция была обоснована Наджибуллой в беседе с корреспондентом американского еженедельника «Ньюсуик». На вопрос: «Считаете ли вы себя религиозным человеком? Верите ли вы в бога? Как, по вашему мнению, верить в бога — не противоречит ли доктрине марксизма-ленинизма? Бываете ли вы в мечети?» — Наджибулла ответил: «Ислам — религия абсолютного большинства населения нашей страны. Я родился в этой стране. Мой отец и мать — мусульмане. Как же я могу не быть мусульманином? Что же касается второй части вопроса, я могу смело заявить, что сущность нашей национально-демократической революции не противоречит предначертаниям ислама. наших врагов бесит, как это руководство НДПА нашло общий язык с духовенством? Да, бывая в командировках и в Кабуле, не только новые, но и все другие представители руководства посещают мечети, выступают там перед народом. В Герате, Мазари-Шарифе в таких случаях собираются тысячи людей. Это важное средство укрепления связей с массами»¹.

Только в Кабуле за годы революции воздвигнуто 57 новых и реставрировано 527 старых мечетей².

Одним из крупных мероприятий революционного руководства в использовании религии как одного из важнейших в условиях Афганистана каналов воздействия на массы стало открытие в Кабуле Исламского исследовательского центра. При Кабульском университете имеется также богословский факультет, где ведется подготовка патриотически настроенных проповедников. По сути, это почти та же линия, что и соединение традиций джирговой демократии с актуальными проблемами сегодняшнего дня развития революции. Традиционная приверженность народа к исламу объективно не противоречит скорейшему решению наиболее острых проблем жизни афганского

¹ Хакикате инкилабе саур, 1986, 25.X.

² Проблемы мира и социализма, 1988, № 1, с. 21.

¹ См.: Правда, 1987, 6 ноября.

народа. В данном случае традиции и современность соединяются. Особенно отчетливо это проявляется в вопросах достижения национального примирения. «Роль религиозных деятелей в деле нормализации обстановки в стране представляется очень важной», — писала газета «Хакикате инкилабе саура». — Именно патриотически настроенные представители духовенства могут донести искренний призыв партии и революционного государства к миру до умов и сердец сотен и тысяч людей. Именно они могут и должны побудить тех, кто еще держит в руках оружие, отказаться от бессмысленного кровопролития».

Определяя вопрос о соотношении революции и ислама как одну из главнейших проблем сегодняшней жизни афганского общества, руководство страны считает, что и у революции и у ислама в Афганистане одна социальная база — трудящиеся мусульманские массы. Партия и государство не могут поэтому допустить раскола массового сознания между революцией и религией.

Народная власть в Афганистане обеспечивает не только полную свободу отправления религиозных обрядов, но и свободу политической деятельности мусульман. Была поддержана инициатива патриотического духовенства создать свою исламскую партию, оговаривая при этом один момент: чтобы ислам не использовался во враждебных народу целях, в угоду империалистам и их наместникам, которые пытаются спекулировать на религиозных чувствах людей.

Об этом было подчеркнуто и в обращении «Ко всем братьям-единоверцам», принятом участниками состоявшейся в Кабуле джирги бывших руководителей оппозиционных формирований, перешедших на сторону народной власти. «Душманы утверждают, что исламская религия в опасности, — говорилось в этом обращении. — Однако именно их преступная деятельность направлена против ислама, который относит творимый ими разбой к преступлению перед народом».

Всячески поддерживая процесс формирования плюралистической системы, НДПА налаживает взаимодействие со всеми демократическими партиями. Ведется поиск компромисса и с другими политическими силами, в том числе и действующими, выступающими под флагом ислама. Новые политические реалии нашли отражение и в поправках к уставу НДПА, принятых общепартийной конференцией в октябре 1987 г. Конференция, в частности, показала, что прежнее определение НДПА как пар-

тии нового типа и высшей формы политической организации является преждевременным. Характер партии определен как революционно-демократический. В ее уставе теперь специально подчеркнуто, что каждый ее член должен не только уважать религиозные убеждения и верования народа, но и содействовать их реализации¹.

Политика национального примирения в Афганистане вызывает живой интерес и поддержку во всем мусульманском мире и за его пределами. Ее цели, отмечает президент Афганистана Наджибулла, «просты, ясны и конкретны — покончить с братоубийственной войной, почти десять лет терзающей землю нашей родины, тела и души миллионов афганцев. Истоки этого процесса надо искать в сердцах моих соотечественников. Афганцы изнемогли от кровопролития и больше не хотят смотреть друг на друга сквозь прорезь прицела».

Сама по себе идея примирения касается, однако, не только Афганистана. Она актуальна для многих стран и регионов — Ливана и Чада, Западной Сахары и района Персидского залива, Эфиопии и Анголы, Кампучии и Филиппин, Центральной Америки и юга Африки... «Идея примирения носит общечеловеческий характер, — делает обоснованный вывод президент Наджибулла в статье под заглавием «Человечность идеи примирения». — Эта идея впитала в себя исторический опыт революционного обновления общества и отражает вечное стремление людей к искоренению войн, к прогрессу и гуманизму. В ней проявилась попытка овладения новым политическим мышлением, провозгласившим высшими ценностями человеческую жизнь и мир на Земле». Эти ценности соответствуют идеалам ислама и отвечают чаяниям всех мусульман. Ведь, обмениваясь при встрече пожеланиями мира друг другу, они вкладывают сейчас в это традиционное приветствие не только старое, житейское, но и новое, политическое содержание. Как заявил президент Наджибулла, Афганистан может стать «первой страной, сыгравшей на нынешнем ответственном пути свою историческую роль в деле урегулирования региональных конфликтов, проявившей глубокую ответственность за судьбы международного мира»².

Последовательно проводимая руководством Афганистана политика национального примирения — единствен-

¹ См.: Проблемы мира и социализма, 1988, № 1, с. 81.

² Правда, 1988, 9 февраля.

по правильная линия, отвечающая интересам афганского народа, интересам всего международного сообщества.

На состоявшейся 7 апреля 1988 г. в Ташкенте встрече М. С. Горбачева и Наджибуллы была подтверждена готовность Советского Союза и Республики Афганистан придать новый импульс процессу политического урегулирования сложнейшего регионального конфликта. Усилия в этом направлении завершились поистине историческим событием — подписанием 14 апреля в Женеве афгано-пакистанских соглашений, декларации о международных гарантиях со стороны СССР и США и соответствующего меморандума понимания. Они не только подвели под этот процесс международно-правовую основу, но и создали благоприятные условия для прекращения войны и установления мира на всей территории Афганистана, сформирования коалиционного правительства с участием всех сил афганского общества, включая те силы, которые в течение долгого времени противостояли друг другу.

Впервые в истории страны афганцы получили возможность избрать высший законодательный орган — Национальный совет (парламент) — на основе равенства, прямого и тайного голосования. В новом парламенте, который начал действовать вместо сложившегося свои полномочия Ревсовета, представлены 14 партий и общественных организаций. Среди них НДПА и другие партии леводемократического блока, а также Народная исламская партия (НИП), которая сотрудничает с государственной властью и стремится занять заметное место в коалиционных органах управления страной. Представители исламских организаций и духовенства приглашены участвовать в новом коалиционном правительстве, которое возглавил известный государственный деятель при королевском режиме Мухаммед Хасан Шарк.

Председатель НИП Кари Абдул Саттар Сирак выразил поддержку политике национального примирения, которая, как он заявил, «полностью совпадает с целями ислама».

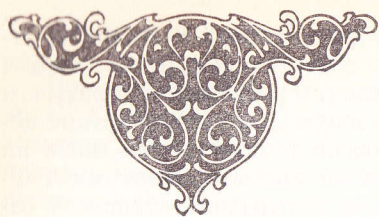
Однако курс на национальное примирение пытаются торпедировать окопавшиеся на пакистанской территории в Пешаваре лидеры так называемого «альянса семи», провозгласившие даже формирование эмигрантского правительства, которое претендует представлять всех «исламских борцов за веру». Но с началом вывода советских войск оппозиции все труднее находить политических единомышленников. Единственная платформа, объединявшая их на почве антисоветизма, стала ускользать из-под ног оппози-

ции. Один из руководителей действующей в Индии группировки трех оппозиционных «умеренных партий», Хаджи Гаусуддин, обратился к своим сторонникам с призывом «прекратить войну, чтобы все мусульмане Афганистана получили благословение Аллаха не только на том, но и на этом свете». Вместе с сорока своими сторонниками Гаусуддин, возвратившись в Кабул, выразил готовность сотрудничать с коалиционным правительством.

Политику национального примирения правительства Афганистана поддерживает большинство исламских государств. К сожалению, заявил, выступая на первой сессии Национального совета, президент РА Наджибулла в начале июля 1988 г., за весь период, прошедший после подписания в Женеве соглашений по Афганистану, не появилось ни одного признака, свидетельствующего о намерении Исламабада придерживаться взятых на себя обязательств. Наоборот, после Женевы вмешательство Пакистана в афганские дела значительно усилилось. Наджибулла выразил надежду на то, что ООН использует весь свой авторитет для осуществления достигнутых в Женеве договоренностей¹.

Что касается пакистанских и других покровителей окопавшихся в Пешаваре «исламских борцов за веру», которые препятствуют выполнению подписанных в Женеве соглашений, то они нарушают не только международно-правовую основу достигнутой договоренности. Им давно пора осознать, что они попирают и общечеловеческие принципы нравственности, глубоко уважаемые приверженцами ислама.

¹ Правда, 1988, 9 июля.

Глава 7 Святотатство на святой земле

Продолжающаяся вот уже более 40 лет трагедия на святой земле Палестины — это не только преступление против человечности и права, но и святотатство в отношении любой религии.

Ближний Восток недаром называют «библейским миром». Это колыбель трех последовательно родившихся здесь монотеистических религий — иудаизма, христианства, ислама. Каждая из этих религий имеет общих и особенно чтимых своих пророков: Моисей, Иисус, Мухаммед. Каждый из них проповедовал свою веру, доказывал свою истину, сеял свои семена нравственности. Проповедники этих религий до сих пор ведут извечный спор, какая вера является более «истинной» и «нравственной».

В наши дни многие политики тоже клянутся на священных книгах в верности божественным заветам и святым заповедям пророков. Но, пожалуй, никто из политических деятелей, никакая партия и ни одно движение так громко не заявляет о своих претензиях на монополию религии, как сионисты. Отождествляя сионизм с иудаизмом, они пытаются «освятить» свою политику заветами Торы и

Талмуда. Вместе с тем своими преступными деяниями они оскорбляют религиозные чувства людей. Такая практика не имеет ни юридической, ни религиозно-правственной основы. Сионизм делает заявку на все святые места и земли в огромном районе традиционного распространения ислама, объявив, по существу, войну мусульманскому миру. Между тем ислам и иудаизм имеют общие корни. Раньше принято было считать, что именно ислам, как более поздняя религия, воспринял многие элементы монотеистического иудаизма. Но наукой доказано, что у древних арабских и еврейских племен (ведь те и другие семиты) было немало общих или близких сказаний и легенд. Ф. Энгельс напоминал, что «еврейское так называемое священное писание есть не что иное, как запись древнеарабских религиозных и племенных традиций»¹ и его «основное содержание было арабским или, вернее, общесемитическим...»².

Не случайно ислам и иудаизм имеют немало и общих святынь, особенно в Иерусалиме, связанных с именами общих пророков. Их последователи в течение долгого времени мирно сосуществовали друг с другом не только в Палестине, но и сопредельных с ней странах мусульманского Востока. Но колонизаторы всегда старались посеять между ними недоверие и подозрительность.

Пропасть между исламом и иудаизмом стала расширяться с появлением в Палестине уже в конце XIX в. проповедников и идеологических эмиссаров сионизма. Трактую по-своему иудейский догмат о «богоизбранности» евреев и яростно его отстаивая, сионистские деятели используют религиозные лозунги для защиты корыстных целей еврейской буржуазии и для оправдания борьбы не только с арабским освободительным движением, но и с классовыми выступлениями трудящихся евреев. Толкуя на свой манер догмат о мессии, сионисты приписывают себе право защиты святынь иудаизма и освобождения «земли обетованной» от «нечистых» арабов. Именно под этим предлогом руководители Израиля, начав со скупки арабских земель, перешли затем к массовому изгнанию палестинцев из их страны.

В своей пропаганде сионисты широко прибегают к методам лжи и фальсификации исторических фактов. Они, например, используют библейские легенды для доказа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 210.

² Там же.

тельства «прав евреев» на всю территорию Палестины как на свою «историческую» родину, откуда евреи якобы были насильственно изгнаны. Подобными антиисторическими «аргументами» Тель-Авив пытается оправдать свои претензии сначала на Палестину, а затем и на другие оккупированные Израилем арабские земли.

Именно сионисты создали так называемую палестинскую проблему, которая стала сердцевиной арабо-израильского конфликта. Начав 100 лет назад с так называемой «мирной колонизации» Палестины, сионисты и их покровители после провозглашения государства Израиль вот уже более 40 лет ведут агрессивные и карательные, а по существу колониальные войны против арабов, мусульман и христиан.

Последовательный отсчет войн, как продолжение неправедной политики тех, кто их развязывал, сначала шел десятилетиями: конец 40-х — палестинская война 1948—1949 гг.; конец 50-х — «тройственная» агрессия 1956 г. и англо-американская интервенция 1958 г. в Ливан и Иорданию; конец 60-х — июньская агрессия 1967 г. Далее отсчет ускорился: спровоцированная сионистами иордано-палестинская трагедия в 1970 г., октябрьская война 1973 г., вооруженная интервенция в Ливан 1978 г., новое израильское вторжение в Ливан, вылившееся в американо-израильско-натовскую интервенцию 1982—1984 гг., и, наконец, начавшаяся в конце 1987 г. «война камней» — народное восстание как кульминация сопротивления арабов двадцатилетней израильской оккупации и «столетней» войне, которую ведут сионисты против арабского населения Палестины.

Корни конфликта

Начало отсчета ближневосточного конфликта ведется по-разному. Называют его столетним и семидесятилетним. В новейшее время о нем чаще говорят как о «сорокалетней войне» и двадцатилетней агрессии. Названия эти, конечно, скорее образные, чем научные. Тем не менее они обусловлены вполне конкретными историческими и политическими событиями.

Одно из них связано с деятельностью международного сионистского движения, которое начало колонизацию Палестины еще до созыва в мае 1987 г. I конгресса сионистов в Базеле. К моменту созыва конгресса это сионист-

ское движение организовало в Палестине около 20 колоний еврейских поселенцев. Позднее идеологи и лидеры созданной в Базеле Всемирной сионистской организации (ВСО) разработали поэтапный план заселения Палестины, а затем и «Великого Израиля» в так называемых «исторических» границах.

Продолжающееся до сих пор далеко не мирное осуществление этого экспансионистского плана и дало, очевидно, основание французским историкам и публицистам А. Грэнш и Д. Видаль назвать одну из своих книг «Столетняя война на Ближнем Востоке»¹.

С деятельностью ВСО связано и другое «знаменательное» событие семидесятилетней давности — провозглашение 2 ноября 1917 г. печально известной «Декларации Бальфура»².

Появление «Декларации Бальфура» не случайно отделяет всего лишь несколько дней от Октябрьской революции в России, которая нанесла сокрушительный удар по всем империалистическим планам раздела и закабаления мусульманского Востока. Западные историки, а они всегда, каждый на свой лад, пытаются преуменьшить влияние Октябрьской революции на мусульманский мир, волей-неволей признают, что начавшаяся с декабря 1917 г. публикация в газетах «Правда» и «Известия» «Сборника секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел», содержавшего более ста различных договоров и соглашений, произвела в мусульманском мире эффект взорвавшейся бомбы. «Когда В. И. Ленин, — пишут французские публицисты А. Грэнш и Д. Видаль в своей книге «Палестина-47 — несостоявшийся раздел», — отверг принцип секретной дипломатии и обнародовал все заключенные царем договоры, буря гнева прокатилась по всему арабскому миру»³.

Вскоре после Октябрьской революции на одном из заседаний первого в мире правительства рабочих и крестьян было принято Воззвание ко всем трудящимся мусульманам России и Востока, подписанное В. И. Лениным.

¹ Grech A., Vidal D. Proche-Orient: une guerre de centans. Paris, 1984.

² Бальфур Артур Джеймс (1848—1930) в 1916—1919 гг. — министр иностранных дел Великобритании, автор так называемой Декларации Бальфура — о создании еврейского «национального очага» в Палестине.

³ Grech A., Vidal D. Palestine-47: un partage avorté. Bruxelles, 1987, p. 121.

Оно было переведено почти на все языки мусульман России и Востока.

В этом Воззвании содержался страстный призыв к трудящимся мусульманам поддержать революцию в России, которая прокладывает путь к «честному демократическому миру, к освобождению всех угнетенных народов»¹. В нем напоминалось, что не Россия и ее революционное правительство грозят мусульманам порабощением, угроза исходит от империалистических хищников. «Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших собственных руках»².

Неопределенность положения, сменившаяся критической для Антанты ситуацией после Октябрьской революции, особенно остро поставила тогда вопрос о вступлении в войну США. В этих условиях английское правительство и решило попытаться вовлечь американского президента Вильсона в войну с помощью сионистов. За это Бальфуrom была обещана авансом Палестина со всеми ее святыми местами и, конечно, вопреки воле подавляющего большинства ее населения — арабов-мусульман и христиан.

Сионизм, цинично признавал позднее лорд Бальфур, отвечает «нынешним нуждам и будущим надеждам» Запада гораздо глубже, чем «желание или предрассудки 700 тысяч арабов», проживавших в то время в Палестине. Вот почему США, а позднее и Франция одобрили и официально присоединились в 1919 г. к «Декларации Бальфура»³. Вместе с тем «Декларацией Бальфура» Англия преследовала и свои далеко идущие имперские цели, связанные с укреплением ее позиций на мусульманском Востоке. Благодаря покровительству английских колониальных властей, сионисты «под тенью мандата» сумели после этого добиться существенного изменения демографической структуры Палестины.

Если раньше, к началу XX в., евреи составляли менее 10% (60 тыс. человек) общего населения Палестины (около 750 тыс. человек), то к концу второй мировой войны их численность возросла в десять раз (до 608 тыс. че-

ловек), то есть составляла уже около одной трети общего палестинского населения.

Выражая беспокойство по поводу возможных последствий «Декларации Бальфура», министр по делам Индии Эдвин Монтегю, который, будучи единственным евреем в английском правительстве, являлся тем не менее наиболее ярким противником создания еврейского государства в Палестине по религиозному признаку, аргументированно оспаривал право сионистов выступать от имени всех евреев. Он доказывал, что в эпоху современных государств-наций евреи не являются нацией и не могут претендовать на иудаизм как на свою исключительную монополию, поскольку он тесно связан с мировыми религиями — христианством и исламом.

«Декларация Бальфура», писал в своем секретном меморандуме Монтегю, может привести к тому, что в Палестине «мусульмане и христиане должны будут уступить евреям дорогу, а евреи окажутся в привилегированном положении... Хотя десять заповедей были даны евреям на Синае и Палестина играет большую роль в еврейской истории, она не меньшую, если не большую роль играет и в истории мусульманства и христианства»¹.

В исследовании ООН «Истоки и история проблемы Палестины, часть I. 1917—1947, часть II. 1947—1977 годы», подготовленном специальной группой по правам палестинцев, указывается не только на «двусмысленный и противоречивый» характер «Декларации Бальфура», но и на ее противозаконность с точки зрения международного права. Британские мандатные власти проводили в Палестине не столько «антиеврейскую», как утверждают некоторые буржуазные историки, сколько антипалестинскую политику, направленную на расчленение страны, подавление освободительного движения на мусульманском Востоке, сохранение, а по возможности, и укрепление своих военно-политических позиций. Традиционный лозунг английских колонизаторов «Разделяй и властвуй» применительно к Палестине можно было бы более точно сформулировать как «разделяй (страну), чтобы подавить (освободительное движение) и остаться самим».

Очевидно, именно этими целями руководствовались после второй мировой войны Лондон и Вашингтон, соглашаясь на раздел не столько Палестины между ара-

¹ Сборник документов и материалов по истории СССР. М., 1966, с. 56.

² Там же, с. 57.

³ См.: Дмитриев Е. Палестинская трагедия. М., 1986, с. 9—10.

¹ British Public Record Office. Cabinet № 24/24 (1917 Aug.).

бами и евреями по национально-религиозному признаку, сколько на раздел Ближнего Востока между старыми и новыми колонизаторами в лице империализма, сионизма и местной реакции по принципу распределения зон влияния.

Соединенные Штаты стремились заменить в Палестине изживший себя английский колониализм скрытой формой неоколониалистского господства — установлением под эгидой американцев опеки над различными частями бывшей английской подмандатной территории. Практическое осуществление этого плана означало бы утверждение прямого присутствия на земле Палестины не только сионистов, но и американских неоколонизаторов. Советский Союз, решительно выступив против подобных проектов, сделал все возможное, чтобы в соответствующих документах ООН о будущем статусе создаваемых государств как можно определеннее гарантировались демократические права всего населения Палестины.

По резолюции 181/II от 29 ноября 1947 г. Генеральной Ассамблеи ООН в Палестине на бывшей подмандатной территории Англии предусматривалось создать два государства — арабское (площадь 11,1 тыс. км²) и еврейское (площадь 14,1 тыс. км²). Предполагалось также отдельно выделить международную зону Иерусалима с окрестностями.

Сионистские лидеры категорически отказались тогда от создания арабо-еврейского федеративного государства, они настаивали на его «евреизации», а вернее, сионизации. Между тем Израиль в границах, определенных ООН, был не просто двунациональным государством. Большинство населения составляли арабы. Сионисты начали «исправлять» такое невыгодное для них соотношение путем массового изгнания арабов — мусульман и христиан, насильственного захвата их земель и имущества. В мемуарах первого премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона, сионистских лидеров М. Даяна и И. Аллона перечисляются многие «подвиги» по «очищению» различных районов Палестины от арабов, среди них — безжалостное уничтожение мирного населения в деревнях Квазза, Салам, Бир-Аббас и Кастель. Параллельно сионисты устроили ряд террористических актов в городах Яффа, Акка и в Иерусалиме. В ночь с 9 на 10 апреля 1948 г. они учинили кровавую резню в арабской деревне Дейр-Ясин, где было убито 254 человека, в том числе много женщин и детей. Всего до мая 1948 г. из различных районов Пале-

стины, перешедших впоследствии под контроль Израиля, было изгнано около 400 тыс. арабов. «Палестинские арабы покидали свои дома не добровольно, — как свидетельствовал английский историк А. Тойнби, — а уходили под страхом смерти»¹.

Плацдарм агрессии и расизма

Государство Израиль было создано не на демократической основе, как это предусматривалось соответствующими документами ООН, а путем агрессии и экспансии, возведенных в ранг государственной политики.

В так называемой «Декларации независимости», провозглашенной 14 мая 1948 г., в день образования государства Израиль, содержались неуважительные выпады в адрес резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. и явное ее извращение. Политика экспансионизма обосновывалась как «реакция на ненависть», которой якобы окружен Израиль во «враждебном мире ислама».

Уже в результате войны 1948—1949 гг. Израиль сумел дополнительно к отведенной ему ООН территории оккупировать земли площадью 6,7 тыс. км², в том числе захватить большую часть Иерусалима с его святыми местами. В ходе войны к 400 тыс. палестинцев, покинувших ранее свои дома, присоединилось еще 340 тыс. беженцев. Вскоре общее число палестинских беженцев составило более 900 тыс. человек. Они вынуждены были оставить в Палестине 75 тыс. жилищ, около 350 деревень, всего около 350 тыс. га плодородной земли. Общая стоимость собственности, захваченной израильтянами у палестинских арабов, оценивалась тогда в 2,5 млрд долларов².

Арабские страны, составившие антиизраильскую коалицию, из-за разрозненности, отсутствия единой стратегии и руководства, а главное из-за отсталости и зависимости от колониальных держав оказались тогда не в состоянии помешать захвату Израилем значительной части территории, на которой, по решению ООН, предполагалось создать арабское государство Палестины.

¹ Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978, с. 13.

² Азия и Африка сегодня, 1970, № 1, с. 14.

Оставшаяся часть территории Палестины, которую не сумел захватить Израиль, была поделена тогда между Иорданией и Египтом. Западный берег Иордана и восточная часть Иерусалима со святынями ислама и христианства временно перешли под его контроль. Международный статус Иерусалима так и не был обеспечен из-за его нарушения. Территориальный вопрос в арабо-израильском конфликте еще более осложнился религиозным фактором.

Уже в январе 1950 г. Израиль, попирая резолюцию ООН о международном статусе Иерусалима, объявил этот город своей столицей. Наглое самоуправство сионистских агрессоров, отказ освободить захваченные земли Палестины вынудили арабские страны отказаться от дальнейших мирных переговоров с Израилем. Почти все мусульманские государства солидаризировались с арабскими странами в бойкоте израильских экспансионистов.

Так образовался сложный узел арабо-израильского конфликта, в котором переплелись многие созданные в основном сионистами и их империалистическими покровителями территориальные, национальные и религиозные проблемы, затрагивающие интересы не только арабов-палестинцев, но и всего мусульманского мира.

Сионистские экстремисты открыто проявляют себя непримиримыми врагами ислама. Они нагло демонстрируют пренебрежительное отношение и презрение к мусульманскому образу жизни, попирают национальные и гражданские права арабов-мусульман, оскверняют святыни ислама, уничтожают мусульманские кладбища, разрушают мечети. Сионистские идеологи пытаются обосновать свой антимусульманский синдром присущим якобы мусульманам «врожденным антисемитизмом». Несостоятельность и вздорность этого тезиса доказывается хотя бы таким простым аргументом, что основоположники мусульманской религии — арабы — сами относятся к семитской группе народов и уже поэтому никак не могут быть антисемитами. Но у арабов, как и у других мусульманских народов, есть все основания считать себя антисионистами. Ведь именно сионисты вот уже больше четырех десятилетий разбойничают на землях, где находятся священные для всех мусульман места, связанные с историей возникновения ислама. Это сионисты сделали их недоступными не только для мусульман-паломников, но и для более двух миллионов арабов, согнанных со своих родных земель. Это по вине сионистов многие палестинцы-арабы

вынуждены скитаться на чужбине, поскольку их дома разрушены, а земля занята израильскими захватчиками. Те же палестинцы, которые остались на своей земле, подвергаются унижениям и преследованиям. Одних бросают в тюрьмы и концлагеря. Других беспощадно эксплуатируют. В отношении всех жителей оккупированных арабских территорий сионисты проводят политику расизма и геноцида.

Иудаизм и сионизм сводят всю географию и этнографию к делению народов мира на две части: иудеев и «гоев». Сионистские идеологи утверждают, что мусульмане, особенно черные, — это низшая раса.

Сионисты бесчинствуют и творят разбой не только в Палестине, они выступают против соседних арабских стран — Ливана, Сирии, Иордании, Египта, Ирака, Туниса... Они угрожают и другим мусульманским государствам. Все это совершается с благословения и при поддержке тех самых самозванных «друзей» ислама, которые на словах объявляют себя защитниками мусульман, а на деле покровительствуют израильским расистам, их финансируют и вооружают.

Трагедия Святого города

Иерусалим в переводе означает Город мира. Арабы его называют «Кудс», что означает «Святой». Но с тех пор, как он был сначала разделен (вместе с разделом Палестины), а затем и аннексирован сионистами, нет мира под его оливами. Вместе с попранием национальных и человеческих прав арабов-палестинцев израильские оккупанты оскверняют все, что является для мусульман святым.

«Иудаизация» Иерусалима сопровождается изгнанием из города арабов. Восточный Иерусалим заселяется израильскими, вокруг города созданы военизированные поселения. Сионисты запланировали в ближайшие годы довести еврейское население так называемого Большого Иерусалима почти до миллиона, превратить его в «вечную и неделимую столицу» не только Израиля, но и всего «всемирного еврейства».

Создаваемые в Восточном Иерусалиме еврейские кварталы дают возможность израильским властям не только извлекать большие доходы от иностранного туризма, но и создавать у посетителей такое впечатление о городе,

какое выгодно Израилю. Как сообщал в начале 1986 г. лондонский журнал «Миддл ист», во время экскурсий туристам подробно рассказывают о последних археологических находках, относящихся к временам израильско-иудейского царства, Древнего Рима и Византии, но 1300-летний мусульманский период, связанный с историей арабов, фактически замалчивается, он как бы отсутствует. Между тем даже в официальном туристском справочнике среди достопримечательностей Иерусалима перечислено около тридцати исторических памятников в старой части города времен династий Омейядов, Аббасидов, Фатимидов, Айюбидов, 79 — периода владычества мамлюков и 37 — времен Османской империи¹. Большая их часть считается мусульманской, вакуфной собственностью. Такое положение мешало какое-то время израильским властям взять под свой контроль многие мусульманские памятники. Но в 70-е гг. часть вакуфной собственности в квартале Маграби была экспроприирована израильскими властями. Вскоре и сам жилой квартал Маграби был полностью снесен, его буквально сровняли с землей бульдозерами. Там создали широкую площадь, чтобы открыть доступ к Стене плача, поскольку она почитается священной среди исповедующих иудаизм. Жители же этого квартала — палестинские арабы — были не только насильно выселены, но им к тому же было запрещено здесь появляться даже для отправления молитвы в ближайших мечетях. Наибольшее же оскорбление религиозным чувствам мусульман, писал журнал «Миддл ист», нанесли израильские власти, когда предприняли подземные работы по прокладке туннеля вдоль границы площади Харам аш-Шариф, где расположены такие святыни ислама, как мечети Куббат ас-Сахра и аль-Акса. Доступ к ним тем самым был значительно затруднен. К тому же и молиться в этих мечетях мусульманам стало далеко не безопасно.

Комитет по делам Иерусалима, созданный при Организации исламской конференции, неоднократно протестовал против бесчинств оккупантов и высказывал серьезную озабоченность судьбой мусульманских святынь в древнем городе. Грубое нарушение прав человека на оккупированных Израилем территориях не раз осуждалось ООН и другими международными организациями.

Однако Тель-Авив не желает прислушиваться к голосу мирового сообщества. Более того, он пытается увековечить

свое господство на оккупированных арабских землях и в Иерусалиме.

В июне 1980 г. 22 мусульманских государства внесли на рассмотрение Совета Безопасности ООН текст резолюции по вопросу об Иерусалиме, требовавшей от Израиля отмены всех мер, направленных на изменение статуса этого города. При голосовании 14 государств — членов Совета Безопасности проголосовали «за» и лишь представитель США воздержался. На VII чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей в Нью-Йорке 29 июля 1980 г., 112 государств осудили израильского агрессора за его политику оккупации Иерусалима и приняли подавляющим большинством голосов резолюцию в поддержку законных национальных прав палестинцев (лишь 7 государств во главе с США выступили против).

Израильское руководство отреагировало на эти решения самым наглым образом: через два дня кнессет утвердил «основной закон», провозглашающий Иерусалим «вечной и неделимой столицей» Израиля. Это циничное и противозаконное решение израильского правительства вызвало бурю справедливого гнева в мусульманских странах и волну возмущения во всем мире.

Проблема Иерусалима стала своего рода платформой для консолидации мусульманских государств на антиимпериалистической основе. Расширилась не только география стран, выступающих на стороне правого дела арабов, но и сам фронт борьбы народов этих стран. Они борются как против империалистических устремлений Соединенных Штатов и продолжающейся израильской оккупации, так и против сепаратных сделок ценой отказа от борьбы за национальные права палестинцев и от противодействия американо-израильскому стратегическому союзу, который носит антиарабскую, а в конечном итоге и антимусульманскую направленность.

«Миротворчество» на крови

Стратегический союз между США и Израилем, направленный своим острием против мира ислама, действует уже давно. Именно в рамках этого союза происходит и давно установившееся распределение ролей.

Три десятилетия назад, когда разразился суэцкий кризис 1956 г., между сионизмом и империализмом тоже

¹ Цит. по: За рубежом, 1986, 4 апреля, с. 15.

заранее были распределены роли не только в готовившейся против Египта «тройственной» агрессии, но и в более широком заговоре против мусульманских государств. Американцы, конечно, были в курсе планов вооруженного вторжения в Египет. Они знали и о притязаниях Израиля на значительные территории Ливана и Иордании. Это прямо признал позднее в своих мемуарах бывший английский премьер-министр Г. Вильсон. Он пишет, что сионистские лидеры хотели заполучить в качестве вознаграждения за участие в интервенции помимо значительной части Синай также юг Ливана и Западный берег реки Иордан.

Одной из главных целей организаторов «тройственной» агрессии против Египта было не только свержение режима Насера и замена его правительством прозападной ориентации, но и нанесение удара по всему национально-освободительному движению в мусульманском мире. Однако мужественная борьба египетского народа, решительная позиция Советского Союза, поддержка справедливой борьбы Египта всеми миролюбивыми силами, действенная солидарность с ней арабских и многих мусульманских стран сорвали замыслы агрессоров и заставили их покинуть не только берега Суэцкого канала, но и весь Синайский полуостров.

После окончания «тройственной» агрессии Вашингтон всячески поддерживал Тель-Авив в затягивании полного вывода израильских войск со всех оккупированных территорий. На словах американская дипломатия «осуждала» агрессоров, а на деле потворствовала и помогала им удерживать захваченные арабские земли.

Уроки суэцкого кризиса в 1956 г., как и последующие события в мусульманском мире, убедительно доказали, что борьба арабов против израильской агрессии объективно носит антиимпериалистический характер. Поэтому ее успех зависит не только от конкретного соотношения военных сил, но и от последовательности антиимпериалистического курса руководителей мусульманских стран во внешней и внутренней политике, от правильного учета реальной расстановки сил на международной арене.

Объясняя провал тройственной агрессии, многие западные и арабские авторы выдвигают на первый план особые заслуги и личные качества Насера. Безусловно, они сыграли важную роль. Но первостепенное значение имели те политические принципы, которые он выработал на основе длительного опыта борьбы против империализ-

ма и израильского экспансионизма. Главный из них основывался на понимании исторической реальности второй половины XX в.: соотношение сил в мире изменяется в пользу социалистической системы, поэтому только в сотрудничестве с ней мусульманские страны могут защитить и укрепить свою независимость.

Фиаско тройственной агрессии показало, что военные методы империализма бессильны остановить национально-освободительное движение. Все попытки империалистов взять реванш за Суэц оказались тщетными. Крах суэцкой авантюры означал закат военного и политического колониализма в мусульманском мире.

После провала вооруженной англо-американской интервенции против Ливана и Иордании в 1958 г., а также тщетных попыток с помощью реакционных переворотов свержения антиимпериалистических правительств в мусульманском мире США и их партнеры по НАТО стали делать основную ставку на сионистский Израиль. С середины 60-х гг. они уже отводят Израилю роль самостоятельной ударной силы в развязывании и ведении войн в интересах неокOLONиализма на мусульманском Востоке.

Двадцать лет агрессии после шести дней войны

Война Израиля против арабских стран была развязана в июне 1967 г. внезапно и завершилась молниеносно. Однако готовилась она американо-израильскими стратегическими союзниками в течение предшествовавших ей почти двух десятилетий, а вылилась, можно сказать, в непрерывную двадцатилетнюю цепь агрессивных актов. Таким образом, «шестидневная война» стала своеобразным водоразделом сорокалетнего ближневосточного конфликта. Война пронеслась как ветер. Но посеянные ею семена насилия дали кровавые всходы. Ближний Восток оказался ввергнутым после этого в пучину бесконечных войн и кровопролитий.

Казалось бы, события двадцатилетней давности могли бы уже стать достоянием истории. Но они никак не застывают в огнедышащей лаве ближневосточного вулкана. История подготовки «шестидневной войны» 1967 г. тесно переплетается с современной политикой и аферой «ирангейта» по ряду направлений. Для президента США Джонсона нападение Израиля на арабские страны

в 1967 г. не было неожиданностью, как и разразившийся 20 лет спустя скандал «ирангейта» — для президента Рейгана.

Израиль, используя момент внезапности нападения на арабские страны, сумел в течение шести дней войны захватить весь Синайский полуостров, сектор Газа и восточный берег Суэцкого канала, Голанские высоты Сирии, Западный берег Иордана и Восточный Иерусалим. В целом Израиль оккупировал свыше 68,5 тыс. км², то есть втрое большую территорию, чем он занимал в границах 1949 г.

За шесть дней вооруженной израильской агрессии против арабских стран в июне 1967 г. и последующие 20 лет оккупации Израилем арабских земель погибли и были изувечены десятки тысяч арабов на фронтах, сотни тысяч стали жертвами бомбардировок, обстрелов и карательных операций. Более миллиона арабов, лишившись крова, оказались в лагерях беженцев или покинули свою родину...

Тем временем США продолжают выступать с различными «мирными инициативами», а за кулисами «миротворчества» разрабатывают планы совместных американо-израильских военных акций то против Иордании и Сирии, то против Ливана и Ливии. И опять десятки тысяч убитых и раненых палестинцев, сирийцев, иорданцев, ливанцев, ливийцев... И снова предпринимаются попытки американской дипломатии навязать арабам мир на унижительных условиях, сопровождаемые демонстрацией силы США и новыми агрессивными акциями Израиля.

Поддержка Вашингтоном Тель-Авива и одновременное заигрывание с консервативными силами мусульманского мира не привели к уменьшению напряженности на святой земле ислама. Напротив, «размораживаемая» на крови мусульман ситуация в этом регионе используется американо-израильскими стратегическими союзниками вовсе не в интересах мира.

Провозглашенная десять лет назад в Кэмп-Дэвиде так называемая «новая эра» на Ближнем Востоке открыла новую полосу войн, вооруженных конфликтов и междоусобиц в мусульманском мире. «Мир по-американски» дал одновременно «зеленую улицу» для вооруженной американо-израильско-натовской интервенции в Ливан и подготовки нового варианта тройственной агрессии, направленной против всех освободившихся мусульманских стран.

В клещах междоусобиц и агрессий

Долгое время Ливан называли «оазисом стабильности» на беспокойном Арабском Востоке. На Западе диву давались, как такой маленькой стране, зажатой между «воинственным Израилем» и «бурлящей Сирией», удавалось оставаться в стороне от кровопролитных войн на Ближнем Востоке и от революционных потрясений в арабском мире. Если же там и происходили иногда «беспорядки с перестрелками», то подобные отклонения, как правило, объясняли чисто религиозными неурядицами. Но 60-е гг. резко изменили картину. Ливан не раз стал объектом вооруженных интервенций и агрессии сначала со стороны Израиля, а затем США и некоторых стран НАТО. Они совершались всегда под «миротворческим» предлогом — восстановить мир в охваченной междоусобной войной стране, сравнительно еще недавно считавшейся витриной западной демократии на мусульманском Востоке. Результаты такого «миротворчества» оказывались совершенно противоположными объявляемым целям. Недолгие периоды стабильности в отношениях между религиозными общинами сменялись периодами перманентной напряженности, перераставшими не без помощи и участия «миротворцев» в кровопролитные столкновения не только между различными религиозно-политическими группировками, но и внутри самих религиозных общин. Непрерывающаяся гражданская война сопровождается откровенным разбоем американо-израильских «стратегических союзников» против Ливана, жертвами которого становятся десятки тысяч ливанцев и палестинцев, как мусульман, так и христиан. Взорванный совместными стараниями Вашингтона и Тель-Авива ливанский «рай» обернулся адом. Страна туризма, веселого времяпрепровождения богачей стала ареной многоактной трагедии. Классическое государство традиционного нейтралитета и конфессионального мира, долгое время оставшееся как бы в стороне от арабо-израильских войн, превратилось в эпицентр ближневосточного конфликта и, можно сказать, в классическую страну межобщинных противоречий.

После налета в рождественские праздники 1968 г. на Вейрутский аэропорт, где израильскими десантниками было сожжено более десяти гражданских самолетов, Тель-Авив уже начал вести систематическую необъявленную

ную войну против Ливана. Вместе с изрешеченными пулями стеклянными стенами Бейрутского аэропорта вдребезги разлеталась и витрина ливанского «благоденствия» и «конфессиональной гармонии». В осколках этой витрины, как в капле воды, отразились социальные и политические, религиозные межобщинные и внутриобщинные, национальные и региональные, а также межарабские и межимпериалистические противоречия... Витрина буржуазного Запада в Ливане стала зеркалом, отражающим весь сложный и запутанный клубок антагонизмов, конфликтов и разногласий, которые переплелись во многих кризисах на мусульманском Востоке.

Смеяющиеся друг друга правительства в Ливане, формировавшиеся на конфессиональной основе, не хотели и не могли удовлетворить законные требования и нужды ливанского народа. Они уповали на то, что Запад всегда сумеет защитить Ливан от Израиля и поддерживать стабильность. Буржуазные правохристианские лидеры, мусульманские феодалы и капиталисты призывали проводить «политику лавирования». Они предлагали лишь «приглядываться» к арабским столицам, но «прислушаться» к Вашингтону.

Однако американцы не столько удерживали, сколько подталкивали Израиль на «необъявленную войну» против Ливана. Периодическими рейдами в приграничные районы, обстрелами, бомбардировками и бандитскими налетами Тель-Авив, с благословения Вашингтона, всегда стремился запугать Ливан, ослабить его изнутри, изолировать от арабского фронта борьбы.

Ливан не случайно был избран ими главной мишенью. В конце 60-х гг. там проживало не менее 320 тыс. палестинцев, из которых около 100 тыс. — в лагерях палестинских беженцев. После трагических событий начала 70-х гг. в Иордании, где Израилем и США было спровоцировано иордано-палестинское кровопролитие, Ливан стал главной опорной базой палестинского движения сопротивления. К тому же империалистические и сионистские круги всегда рассматривали Ливан как наиболее слабое звено в арабском фронте борьбы.

Ливан — единственная страна в мире, где все государственные структуры власти — снизу доверху — и в значительной степени общественно-политическая жизнь строятся на конфессиональной основе. В Ливане проживает более трех миллионов человек, из них 90% — арабы, около половины считают себя христианами и более поло-

вины — мусульманами. И те и другие в свою очередь подразделяются на два десятка различных общин и сект, из которых только десять пользовались правом представительства в парламенте и правительстве по принципу: на каждых шесть христиан — пять мусульман во всех государственных и правительственных институтах. По неофициальному «джентльменскому соглашению» начала 40-х гг. из 99 депутатов парламента 54 представляли христиан и 45 — мусульман. По этому же неписаному закону распределялись и важнейшие государственные посты: президент — обязательно католик-маронит, премьер-министр — мусульманин-суннит, председатель парламента — представитель христианской православной общины. Преимущественное положение в управлении государством представителей христиан, тесно связанных с иностранным капиталом, позволило им занять ключевые посты как в экономике и государственном аппарате, так и в руководстве вооруженными силами и органами безопасности.

Пестрота религиозного состава населения находит отражение и в партийной системе страны. По оценке западных политологов, в Ливане насчитывается сейчас более ста различных партий-организаций и религиозно-общинных политических фракций. Из них по крайней мере 20 официально называют себя политическими партиями, но почти все они, за исключением Ливанской коммунистической партии и Сирийской социальной национальной партии, а также некоторых других прогрессивных организаций, представляют собой конфессионально-клановые группировки, возглавляемые чаще всего представителями знатных феодальных и буржуазных семей Ливана. Они выражают в основном интересы крупной и средней буржуазии.

Нерешенность палестинского вопроса, эскалация израильских вооруженных провокаций против Ливана, обострение социально-политических и экономических проблем, их переплетение с межимпериалистической и межарабской борьбой за влияние в стране, с междоусобицей местных феодальных и буржуазных кланов, с расприями религиозных общин — все это накапливало горячий материал, который в раскаленной атмосфере неурегулированности ближневосточного конфликта, в конце концов создав критическую массу, привел к взрыву. Он ввергнул Ливан в пучину войн и кровопролитий, продолжающихся с небольшими перерывами более тринадцати лет.

Ливанский кризис стал не только составной частью ближневосточного конфликта, но и в значительной степени его зеркалом и барометром. Основные этапы ливанской трагедии — периодические затухания и вспышки вооруженных столкновений внутри страны, а также масштабы агрессивных акций Израиля против Ливана и степень силового давления, оказываемого на него Вашингтоном, — были отражением различных этапов американской политики и стратегии применительно к мусульманскому Востоку.

Соединенные Штаты и Израиль заинтересованы в затягивании и углублении ливанского кризиса для достижения преследовавшихся ими общих стратегических целей. Империализм, сионизм и правохристианские круги, втянув в ливанский кризис палестинское движение и Сп-рию, стремятся их обескровить в братоубийственной войне, увести в сторону от антиимпериалистической борьбы и заодно укрепить позиции христианской и мусульманской реакции.

Результаты американо-израильского военного альянса и «посреднической» деятельности американских «миротворцев» в Ливане нашли отражение в кровавых итогах ливанского кризиса: более 70 тыс. убитых и раненых, из них не менее 60 тыс. мирных жителей, около миллиона человек остались без крова, десятки тысяч ливанцев и палестинцев согнаны в концлагеря, шесть городов оказались полностью разрушенными, 14 палестинских лагерей были стерты с лица земли, более 30 деревень сожжено.

В условиях непрекращающейся агрессии Израиля, грубого вмешательства империалистических держав во внутренние дела Ливана и усиливающегося вовлечения в ливанский кризис некоторых мусульманских государств произошла определенная перегруппировка политических сил страны. Не менее двадцати различных политических партий и организаций, в том числе ранее отражавших интересы различных религиозно-клановых группировок, стали все больше координировать свои действия в рамках созданного ими единого Фронта национально-патриотических сил (НПС) Ливана, который, объединив в своих рядах как выходцев мусульман, так и патриотически настроенных христиан, развернул борьбу против израильской агрессии и американо-натовской вооруженной интервенции. Возглавил этот фронт (впоследствии, с августа 1985 года, он стал называться Фронтом национального

союза, а затем Фронтом национального спасения) духовный и политический лидер одной из мусульманских общин — друзов Валид Джумблат. Ливанские патриотические силы остановили, однако, свой выбор на нем не только потому, что друзские формирования проявили высокие боевые качества и стойкость в борьбе с американо-израильскими захватчиками и их правохристианскими союзниками. Было еще более важное обстоятельство. Валид Джумблат является также председателем весьма влиятельной Прогрессивно-социалистической партии (ПСП), созданной его отцом, известным прогрессивным ливанским деятелем, лауреатом Ленинской премии и духовным вождем друзов Кемалем Джумблатом, который был убит наемными убийцами в марте 1977 г. ПСП, возникшая вначале, как и многие другие ливанские партии, на религиозно-общинной основе, превратилась впоследствии в центр притяжения прогрессивных деятелей — выходцев из других религиозных общин — и вместе с Ливанской коммунистической партией стала боевым авангардом левых сил и патриотов, ведущих борьбу за независимость и суверенитет Ливана.

ПСП борется за политическое решение ливанского кризиса на основе отказа от изжившей себя консервативной религиозно-общинной структуры государственного устройства. Она выступает против засилья иностранного капитала в стране и за усиление контроля государства во всех сферах и более всего — в экономике. Вместе с другими прогрессивными силами страны ПСП активно противодействует попыткам так называемого Ливанского фронта, объединяющего правохристианские силы, навязать свою гегемонию или разорвать страну на части, как это возжеленно «прогнозируют» в Вашингтоне и Тель-Авиве.

Заметные сдвиги и изменения в расстановке сил произошли за годы войны в Ливане в шиитской общине и в ее политических организациях. Взрыв «политизации» шиитов в Ливане одни наблюдатели связывают с демографическим «взрывом» в шиитской части населения, ставшей самой многочисленной религиозной общиной в стране. Другие политики склонны рассматривать политическую активизацию шиитов как следствие усилившегося влияния исламской революции в Иране, после которой Тегеран заметно увеличил не только моральную, но и материальную помощь своим «собратьям по вере». По-видимому, оба эти обстоятельства сыграли немаловажную

роль в возрастании политической и военной активности шиитов в Ливане. Но более существенное значение имели, конечно, другие внутренние и внешние причины. Первое — это то, что шииты всегда были как в экономическом, так и политическом отношении наиболее обездоленной и бесправной частью ливанского общества. Второе обстоятельство связано с тем, что шииты, традиционно проживавшие в южных районах Ливана, а также на окраинах Бейрута, понесли самые большие потери от израильской агрессии и американо-натовской интервенции в Ливане.

Именно в силу политического бесправия и экономической дискриминации внутри ливанского общества шиитская община и раньше, до израильской агрессии, была в определенной степени «конфессиональной базой» Ливанской компартии, наиболее последовательно и решительно выступающей в защиту самых обездоленных слоев населения. Такое отверженное положение шиитов в религиозно-политической системе Ливана вызывало у них естественный протест. У наиболее политически зрелых шиитов он находил выражение в их слиянии с коммунистами. У другой, особенно фанатично настроенной части шиитской общины этот протест, естественно, направлялся по религиозному руслу. На такой базе создавались различные религиозно-политические организации.

Отверженность шиитов Ливана имеет давнишние исторические корни. Впоследствии они дали и свои политические побеги. Шииты, спасаясь от преследований суннитской династии Омейядов, еще в VII в. поселились в Горном Ливане, откуда они затем были вытеснены католиками. Вновь став гонимыми, шииты расселились небольшими общинами в долине Бекаа и более крупной и компактной общиной в Южном Ливане, где они составляли в 70-х гг. 70% всего населения (более 600 тыс. человек). На протяжении веков шиитов унижали и угнетали как мусульмане-сунниты, так и христиане-марониты. Не надеясь на защиту ни со стороны христианского Запада, ни арабского (суннитского) Востока, ливанские шииты, как и друзы, внесли немалый вклад в завоевание независимости Ливана. После изгнания отсюда колонизаторов они надеялись на торжество справедливости и на преодоление нищеты. Однако занять то место, на которое они рассчитывали в независимом государстве, им не удалось. Соотношение сил оказалось не в пользу шиитов. По меткому

выражению одного из шиитских лидеров, им достались лишь «откидные места» во всех государственных учреждениях страны. Шиитская община, как самая малочисленная, в то время получила наименьшее число мест в парламенте, а ее члены — весьма второстепенные должности в государственных органах. В качестве компенсации шиитам выделили, чисто символически, один высший пост председателя палаты депутатов, который подлинного политического веса никогда не имел. По данным, например, французской газеты «Монд», опубликованным в 1974 г., накануне гражданской войны, из 85 высших административных постов 43 принадлежали христианам, 22 — суннитам, только 14 — шиитам и 6 — друзам. Между тем, по оценке ливанской газеты «Орьян-Жур», в современном Ливане христиане составляют 40%, а мусульмане — 60% всех жителей, при этом на долю шиитов приходится 28,2%, суннитов — 26,9, маронитов — 22,8% всех ливанцев¹, так что мусульманское население заметно превзошло по численности христианское. Уже в 70-х гг. численность шиитской общины перевалила за миллион, и она стала самой многочисленной в стране. Тем не менее шииты оставались наиболее бесправной и угнетаемой общиной, которая к тому же на юге Ливана подвергалась самым частым ударам со стороны израильских агрессоров.

Именно шииты составляли большинство населения южных пригородов столицы, так называемого пояса нищеты, перенаселенных кварталов ливанской бедноты и палестинских беженцев. Жители этих «бидонвилей», палестинских лагерей Сабра, Шатила, Бурдж аль-Баражна, были главными поставщиками быстро растущего пролетариата и малооплачиваемых служащих и еще более многочисленной армии безработных. «Пояс нищеты», по выражению французского публициста Э. Руло, быстро превращался в «пояс гнева». Этот гнев зрел против гнета прозападной феодально-буржуазной верхушки, против всей дискриминационной конфессиональной системы, против американо-израильской и правохристианской агрессии.

Рост влияния и быстрое распространение «марксистского, атеистического радикализма» среди ливанских трудящихся встречали активное противодействие как христианских, так и мусульманских лидеров, усматривавших

¹ Orient — Jour, 1984, 18.IV.

в этом угрозу раскола общины и ущемление своих классовых и религиозно-клановых привилегий.

Шиитские массы и многие другие обездоленные, составлявшие большинство мусульманского населения Ливана, были особенно восприимчивы к радикализму как политической, так и религиозной окраски. Главными носителями такого «радикализма» во всем арабском мире, и особенно в Ливане, были палестинцы. Поэтому, естественно, ливанцы-мусульмане, и в первую очередь шииты, вливались в создаваемые палестинцами вооруженные формирования.

Чтобы помешать этому опасному «отливу единоверцев» из мусульманских общин, их лидеры стали ускоренно создавать свои отряды и формирования. Признанный духовный предводитель ливанских шиитов имам Муса Садр, который прибыл в Ливан из Ирана в начале 60-х гг., решил возглавить религиозно-политическую организацию «Движение обездоленных». Помимо религиозного воспитания она вела проповедь против «феодалов и других эксплуататоров», против империализма и экспансионистских устремлений Израиля, против «конфессионализма и устаревшей политической системы» Ливана. Движение выступало также за «единство, территориальную целостность, независимость и суверенитет Ливана». В разгар гражданской войны 1975—1976 гг. на базе этого движения было создано и военное командование вооруженных шиитских формирований. Новая военно-политическая организация получила название «Амаль» («Надежда»), одновременно это слово является аббревиатурой арабского названия «Отрядов ливанского сопротивления». Формирования «Амаль» выступали на стороне палестинцев и национально-политических сил Ливана.

Иностранная вооруженная интервенция в условиях незавершенной гражданской войны в Ливане, пребывание в стране «межарабских сил безопасности» с участием Сирии и некоторых других арабских государств, имевших традиционные прочные связи с ливанскими мусульманами, одни — с суннитами, а другие — с алавитами и друзами, включение затем в ближневосточный конфликт «иранского фактора» после направления из Тегерана в Ливан исламских добровольцев, открыто вставших на сторону наиболее радикально настроенных шиитских фундаменталистов, — все это под влиянием действующих чаще всего в диаметрально противоположных направлениях

сил и обстоятельств ускорило и углубило раскол как среди шиитов, так и во всех других мусульманских общинах.

Размежевание сил внутри этих общин происходило не только на пути решения вопросов самого ливанского кризиса и проблем будущего государственного устройства Ливана. Это размежевание шло и по условиям урегулирования более широкого ближневосточного конфликта, включающего и палестинскую проблему, и оккупацию Израилем арабских земель, на него влияли и американские агрессивные действия против Ливии и ирано-иракская война, и многие нерешенные межарабские противоречия и конфликты.

Все эти противоречия и конфликты, как в зеркале, отражались в запутанной религиозно-политической структуре Ливана. Особенно остро они стали проявляться в шиитском движении «Амаль» после израильского вторжения и оккупации Южного Ливана.

Замышляя и осуществляя агрессию, Тель-Авив и его правохристианские союзники всячески старались столкнуть южноливанских шиитов с палестинцами, выдавая их за «главных виновников» всех обрушившихся на Ливан бед и несчастий. Одновременно усиленно разжигались антисирийские настроения в Ливане, а на севере страны провоцировались столкновения с суннитами и алавитами, которых правохристианская реакция называла сирийской «пятой колонной» в стране, а всех других ливанских мусульман — «заложниками» Сирии и Организации освобождения Палестины. Однако если на первых порах сионистам и ливанской реакции удавалось иногда провоцировать столкновения между шиитами, друзами и палестинцами, то на последующих этапах борьбы именно их вооруженные формирования составили главную силу развернувшегося в стране массового движения сопротивления оккупантам и местным прислужникам, «квислингам».

Масштабы и эффективность этой борьбы в значительной степени определялись боевой и партизанской деятельностью шиитского населения на юге страны и военными операциями друзов в Горном Ливане. Подписание под американским нажимом ливано-израильского так называемого «соглашения о мире» вызвало у шиитов, да и у других мусульманских общин серьезное опасение, что они могут оказаться в будущем под двойным прессом сионистов и правых христиан.

Патриотические силы страны, создавшие Фронт национального спасения Ливана, еще шире развернули после этого вооруженное сопротивление американско-израильским оккупантам и их правохристианским пособникам. Отвергая навязанное Ливану силой полуколонизальное соглашение, они требовали его расторжения и вывода из страны войск израильских агрессоров и «многонациональных» натовских интервентов. И эти требования подкреплялись конкретными действиями.

На юге Ливана, по призыву шиитского духовенства, израильским оккупантам и их правохристианским прислужникам была объявлена священная война — джихад. Любые контакты с врагом расценивались как предательство ислама. Попытки израильтян создать из деклассированных или безработных шиитов, в основном подростков, местную «милицию» для выполнения жандармских функций усилили гнев шиитского населения. Еще большее возмущение вызвала развернутая оккупантами кампания репрессий против мусульманского духовенства, сопровождавшаяся оскорблениями религиозных чувств населения. В связи с этим все более религиозную окраску принимало сопротивление оккупантам и правым христианам и в других районах Ливана.

Земля Ливана, однако, не только дымилась, но и горела под ногами оккупантов. Смерть подстерегала захватчиков-израильтян и натовских интервентов на каждом шагу. Президент США Рейган 8 февраля 1984 г. отдал приказ о «передислокации морской пехоты» из Бейрута на корабли. Вслед за американским ретировалось и натовское воинство. Свернув бутафорский флаг «многонациональных сил», интервенты позорно покинули землю Ливана. В начале 1985 г. со значительной части захваченной ливанской территории стали уходить и израильские оккупанты. На тех флагштоках, где прежде развевались в Бейруте флаги оккупантов и интервентов, взвились знамена патриотических ливанских организаций, в том числе зеленое знамя шиитской организации «Амаль» и красный флаг Прогрессивно-социалистической партии Ливана, установивших свой контроль над значительной частью Бейрута и его окрестностей. Навязанный Ливану путем «выкручивания рук» капитулянтский «мир» рухнул под ударами ливанских патриотов. Кабальное соглашение о мире с Израилем, которое большинство арабских стран назвало «Вторым Кэмп-Дэвидом», просуществовало девять месяцев после его подписания. Но это

было мертворожденное дитя. Анулирование «соглашения о мире» превратилось в событие, выходящее за рамки одного Ливана.

Навязывая Ливану это неравноправное, можно сказать, полуколонизальное соглашение, США и Израиль бросали вызов не только арабскому, но и всему мусульманскому миру. И вот впервые арабская страна отвергла «мир», который, как думали в Вашингтоне и Тель-Авиве, они сумели навязать арабам в развитие «кэмп-дэвидского процесса». Но политика силы получила действенный отпор.

Трагедия Ливана — это суровое испытание не только для этой страны, но и для всех арабских народов. Впервые небольшая арабская страна превратилась в поле боя не только с израильтянами, но и с американскими завоевателями. Она стала объектом новой «тройственной» агрессии с участием израильских оккупантов, натовских интервентов и местных реакционных сил в лице правохристианских сепаратистов. Их давний закулисный сговор вылился в открытый террор против арабского освободительного движения.

Немного прошло времени после разрекламированного «поэтапного ухода» израильских войск из Южного Ливана, как они вновь стали там сеять смерть и разрушение. Под прикрытием «отхода» они с помощью правохристианских экстремистов с еще большим рвением стали разжигать междоусобные и межобщинные распри и одновременно расширять карательные операции против местного населения.

С явного благословения Вашингтона и при прямой поддержке Тель-Авива на севере и юге страны снова стали поднимать голову правохристианские, а в ряде случаев и мусульманские сепаратисты и всякого рода экстремисты. Главная ставка на этот раз делалась не только на поощрение сепаратизма и раскол страны, но и на разжигание внутриобщинных конфликтов и столкновений, особенно среди мусульман, играя на ливано-палестинских, ливано-сирийских, внутripалестинских и прочих противоречиях. Пропаганда идей исламской революции некоторыми шиитскими группировками и находящимися в Ливане иранскими добровольцами, различные формы присутствия, а часто и активной деятельности ряда других мусульманских, особенно арабских, государств, поддерживающих различные религиозные общины и политические группировки, а также подстрекательская деятель-

ность израильской агентуры способствовали осложнению ливанского кризиса и обострению междоусобной борьбы. Раскручиваемая подобным образом в Ливане и во всем мусульманском мире конфессиональная карусель все набирает скорость, ставя под угрозу суверенитет, единство и территориальную целостность многих мусульманских стран, а также препятствуя решению назревших там острых социальных проблем на национально-демократической основе. Религиозно-общинные традиции, как отмечал Генеральный секретарь ЦК Ливанской компартии Жорж Хауи, все более вступают в противоречие с национальными интересами и с задачами социально-экономического и политического развития страны.

«Религиозный фактор, который на предшествующем этапе бесспорно играл важную роль в патриотическом подъеме, — пишет Ж. Хауи, — постепенно утрачивает свою национально-демократическую направленность в борьбе против израильской оккупации и американского господства, оказывая растущее противодействие проведению радикальной демократической реформы. Он все губительнее влияет на национально-демократические силы, объективно способствует углублению внутриванского кризиса»¹.

Патриотические силы, провозгласившие в августе 1985 г. создание Фронта национального союза с участием 15 прогрессивных партий и организаций Ливана, призвали преодолеть религиозные разногласия во имя достижения национального единства и укрепления независимости страны. Конфессиональная система, подчеркивалось в принятой Фронтом декларации, разложилась окончательно, и больше нет и не может быть иллюзий относительно возможностей урегулирования ливанского кризиса и решения всех проблем на межконфессиональной основе. В большинстве своем конфликтующие стороны в Ливане давно уже признали, что их борьба носит не столько религиозный, сколько политический характер. И все же вопреки этому некоторые мусульманские (как суннитские, так и шиитские) экстремистские круги продолжают посылать с идеей «исламизации» если не всего, то большей части Ливана, ратуя за переход от конфессиональной к исламско-теократической системе. Однако ни «христианизация», ни «исламизация» не отвечают национальным интересам Ливана.

Ставка на раскол

Вашингтон и Тель-Авив вполне устраивают негативные тенденции, которые мешают консолидации патриотических сил. Выражая мнение циничных империалистических прагматиков, заинтересованных в расколе мусульманского мира и усилении в нем «центробежных тенденций», американский журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» предсказывал, что исламский мир — это «котел пескончаемых конфликтов между различными религиозными сектами и общинами». Американские «исламоведы», предусмотрительно подсчитав, где и сколько шиитов и суннитов, заранее уже предрекают возможные взрывы на религиозной почве в Саудовской Аравии и в эмиратах Персидского залива, в Пакистане и в Турции. К тому же журнал идет дальше в своих мечтах: «...внутренняя нестабильность исламского мира еще более усугубляется «взрывным коктейлем» религиозного пыла и этнической вражды». Подобные этнорелигиозные конфликты журнал предвидит, например, в Индии и на Филиппинах, где мусульмане составляют меньшинство, а также в таких многонациональных государствах, как Турция и Пакистан, Иран и Ирак, где мусульманское население хотя и преобладает, но национальные меньшинства в своей совокупности превосходят или почти сравниваются с численностью «господствующих» наций.

Путем расширения междоусобных конфликтов внутри развивающихся государств, разжигания вражды между самими мусульманскими странами, провоцирования раскола между различными отрядами освободительного движения в мусульманском мире империализм стремится максимально ослабить патриотические и прогрессивные силы этого региона, оторвать их от мирового фронта антиимпериалистической борьбы, лишить их действенной поддержки стран социалистического содружества.

Ставка на раскол мусульман и на проведение затем против них карательных операций под прикрытием миротворческих миссий не нова. К ней прибегают периодически. Так развивались события в конце 50, в 60 и 70-х гг. Аналогичный сценарий разыгрывается и сейчас, в 80-х гг., правда, с одной значительной «поправкой». Раньше междоусобицы и внутривосточные потрясения в мусульманском мире служили предлогом для военной интервенции одного из «стратегических союзников» — США или Израиля.

¹ Проблемы мира и социализма, 1985, № 14, с. 15.

То Ливан, то Ливия сталкиваются теперь с угрозами использования против них так называемых коллективных операций и «санкций». Первые подобные опыты уже проведены. Не исключается и их повторение с привлечением все тех же сухопутных или военно-морских «многонациональных» сил НАТО и Израиля. Недаром Тель-Авив делает настойчивые заявки на включение его в систему НАТО. Израиль становится все более зависимым от американского империализма и живет в постоянной неуверенности за свое будущее. Полная несостоятельность идеологии сионизма, его политических и военных доктрин проявилась в свете бурных событий «войны камней» на оккупированных арабских территориях. Проводя все эти годы политику экспансии и агрессии против арабских стран, сионисты всегда пытались оправдать ее заботой о «безопасных границах» Израиля. Бросив армию на подавление народного восстания на Западном берегу Иордана, сионисты впервые оказались перед необходимостью вести войну внутри пресловутых «безопасных границ».

«Израиль, которого должна была радовать перспектива его 40-летнего юбилея, — писал французский журнал «Экспресс», — вступил в 1988 год с грустью. Достигшее зрелого возраста еврейское государство, которое на заре своей юности мечтало стать образцовой демократией, осознает сегодня, что не может быть уже и речи о «бескровной» или «управляемой» оккупации сектора Газа и Западного берега Иордана, точно так же как шесть лет назад не было «бескровной» войны в Ливане в рамках операции «Мир Галилее». Поводом для разочарования является и то, что чудеса о «земле обетованной» хождения больше не имеют»¹.

Начавшееся в юбилейный сороковой год принятия резолюции ООН по Палестине народное восстание против израильской оккупации — это не стихийный «бунт подростков», вылившийся в уличные беспорядки. Это не проявление какой-то «подстрекательской деятельности» ООП. И не вспышка «массового терроризма», направляемого мусульманскими фундаменталистами, как это пытались представить на Западе и в самом Израиле. Массовое безоружное восстание недаром получило название «войны» или «революции камней». В ней слились в едином потоке и стихийный бунт целого поколения, выросшего в израильской оккупации, и длительная борьба за социаль-

ную справедливость, и организованное движение не только политического, но и религиозного протеста палестинцев против угнетения, за свои законные национальные права.

Созревание «стихийной революции» происходило конечно же не без влияния Организации освобождения Палестины и, возможно, некоторых патриотически настроенных мусульманских организаций. Но главные виновники разыгравшейся трагедии — это сами израильские оккупанты. Восстание стало кульминацией сопротивления арабов двадцатилетней израильской оккупации. Признав этот неопровержимый факт, советник израильского министра иностранных дел Михаэль Бар-Захар выразил французскому корреспонденту удивление лишь по поводу того, что пороховая бочка взорвалась только через 20 лет. «Взрыв был неизбежен, — заявил он, — ибо полтора миллиона палестинцев были доведены до отчаяния, не видя никакого выхода из своего драматического положения»¹.

«Война камней», как всякая другая война, является тоже продолжением политики. Но политики не столько вторжения «воинствующего ислама», сколько политики угнетения, дискриминации и жестоких репрессий арабов-палестинцев, которые и сорок лет спустя после ухода колонизаторов из Палестины все еще продолжают борьбу за деколонизацию своей родины. Можно сколько угодно вести дискуссии относительно точки отсчета начала ближневосточного конфликта, но гораздо важнее приступить к его разблокированию. Дело вовсе не в «извечном историческом» антагонизме между иудаизмом и исламом, между евреями и арабами, о чем в последнее время опять много говорят и пишут на Западе. Подлинные корни возникновения и причины нерешенности конфликта — в торпедировании американо-израильскими стратегическими союзниками многих резолюций ООН, которые, кстати, признаются ими как международно-правовая основа существования Израиля, но отвергаются как такая же законная основа независимого арабского государства Палестины.

Израильские власти, чтобы скрыть от мировой общественности творимые ими преступления на оккупированных арабских землях, попытались осуществить полную блокаду этих районов от внешнего мира. Вашингтон и на этот раз поспешил на помощь своему союзнику, стараясь новой «мировторческой миссией» госсекретаря Дж. Шуль-

¹ Express, 1988, 8.I.

¹ Express, 1988, 8.I.

ца на Ближнем Востоке отвлечь внимание мировой общественности от карательных операций Тель-Авива на Западном берегу Иордана и в секторе Газа. Эта политика израильского кнута и американского пряника была решительно осуждена состоявшимся в марте 1988 г. в Аммане совещанием министров иностранных дел стран — участниц Организации исламская конференция. Телевидение Иордании отказалось даже от показа интервью Дж. Шульца с местными журналистами по окончании его переговоров с королем Хусейном, сославшись на тот очевидный факт, что американский госсекретарь является адвокатом Израиля и не может поэтому занимать беспристрастную позицию в ближневосточном урегулировании.

Одному из авторов довелось в те дни наблюдать с восточного берега Иордана, как израильская военщина тщательно блокировала пути и перерезала почти все коммуникации, связывающие оккупированные районы с Иорданией. Но эхо событий на Западном берегу докатывалось до гостей и туристов, находившихся тогда в Иордании, вместе с ревом израильских самолетов, которые, как бы имитируя ракетные залпы, преодолевали звуковой барьер над гладью Мертвого моря. Добравшиеся окольными путями с Западного берега и из сектора Газа палестинцы рассказывали об убийствах, массовых арестах и жестоких репрессиях, которые чинят израильские оккупационные власти.

Нет, свидетельствовали они, убиты не единицы, как сообщают израильские и западные газеты и радио, а сотни людей, ранены и изувечены более 7 тыс. человек, около 16 тыс. брошены в тюрьмы. Составляются все новые, дополнительные списки «зачинщиков беспорядков». В них включено немало и мусульманских священнослужителей, которых обвиняют в «подстрекательстве» к восстанию. Верующим запрещено собираться в мечетях. Многие представители палестинской интеллигенции и исламского духовенства насильственно депортируются. Однако все эти варварские преступления — убийства, пытки, избиения, депортации — не могут остановить борьбы палестинского народа за его законные национальные права.

Железный занавес, которым пытается Тель-Авив оградить оккупированные земли, и «мировотворческая» ширма Вашингтона, сулящего предоставить палестинцам «внутреннюю автономию», — это лишь разное обрамление создавшегося тупика. С этим, по существу, согласился в те дни и израильский премьер-министр Шамир, выразив-

ший признание госсекретарю США Шульцу за его «своевременный» визит на Ближний Восток именно в разгар народного восстания, с которым Израиль не в состоянии справиться самостоятельно.

На состоявшейся 9 апреля 1988 г. в Москве встрече М. С. Горбачева с лидером ООП Ясиром Арафатом особо отмечалось, что подъем палестинского народного движения дал ощутимый импульс поиску практических решений всеохватывающего ближневосточного урегулирования. Как было подчеркнуто на этой встрече, потенциал этого массового подъема в том, что он носит глубоко демократический характер, не сбивается на путь экстремизма, несмотря на провокационные и жестокие репрессии оккупантов.

Выразив от имени советского народа полную солидарность с самоотверженной борьбой палестинского народа, М. С. Горбачев заверил Я. Арафата в том, что Советский Союз действовал и будет действовать в пользу справедливого всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке.

«Выступление палестинцев, — заявил Я. Арафат в беседе с автором на проходившей в июне 1988 г. в г. Бенгази Международной конференции солидарности с борьбой палестинского народа, — нарастает день ото дня, и никакая политика «железного кулака», никакие репрессии не сломят восставший народ...

Палестинцы — народ трудной, трагической судьбы. Но они не одиноки, отстаивая свое правое дело. Выход из создавшегося там тупика может быть найден только коллективными усилиями всех вовлеченных в конфликт сторон, включая арабский народ Палестины, а также постоянных членов Совета Безопасности ООН...

Именно на такой широкой основе Советский Союз добивается созыва международной конференции по Ближнему Востоку, что находит поддержку во всем мире. Идею такой конференции решительно поддерживали и руководители многих мусульманских государств. Международная конференция по ближневосточному урегулированию, подчеркивалось в принятом в начале 1988 г. на чрезвычайном заседании Лиги арабских стран заявлении, является единственно подходящим средством для его мирного, справедливого и всестороннего решения. Тем израильским руководителям, которые пытаются с помощью своих стратегических союзников всячески помешать этому, следовало бы давно понять одну простую истину. Блокируя

путь к справедливому миру на Ближнем Востоке, они рубят сук, на котором сами сидят, поскольку игнорируют интересы безопасности самого Израиля.

Времена тайных договоров и колониалистских амбиций прошли. В нашем тревожном взаимосвязанном и взаимозависимом мире речь может идти не о его разделе или дележе колоний, а о неделимости, безопасности всего мира в целом, каждого материка и региона, всех государств и народов. Только их коллективными усилиями можно найти ответы на жгучие вопросы современности и выработать альтернативу конфронтационной напряженности на мировой арене, и особенно в таких горячих точках планеты, как зона Персидского залива и Ближний Восток, считающиеся родиной ислама.

Джихад против «Кадисии»

В Междуречье, недалеко от слияния Тигра и Евфрата, где якобы когда-то, по библейскому преданию, простирались райские кущи, не раз проливалась кровь мусульман за «святую веру». Немало прогремело войн и сражений с тех пор, как в окрестностях иракских городов Эн-Неджеф и Кербела были убиты и похоронены зять Мухаммеда — четвертый халиф Али и последний прямой потомок пророка, его внук Хусейн, который, по преданию, был растерзан на части сторонниками династии Омейядов. Никто из убийц не захотел, очевидно, брать на себя личную ответственность за это преступление. Тем не менее смерть Хусейна стала символом скорби и печали более 60 млн мусульман-шиитов. В его память совершается традиционный ритуал «шахсей-вахсей». Он сопровождается добровольным истязанием наиболее фанатично настроенных шиитов. Следуя за колесницей с изображением мученика Хусейна, они избивают себя цепями иногда до смерти.

Но ни муки растерзанного Хусейна, ни самоистязания его последователей не могут сравниться с жертвами и страданиями миллионов иранцев и иракцев, которые оказались привязанными к колеснице жестокой войны между двумя мусульманскими государствами — Ираном и Ираком. В отличие от «шахсей-вахсей», ее продолжительность измеряется не днями, а годами. Жертвы же ее исчисляются не десятками и сотнями, а сотнями тысяч убитых и изувеченных людей.

Отвечая на вопрос, кто начал и кто не хочет кончать эту войну, западная печать обычно указывает на Багдад и Тегеран как выразителей «арабского национализма и исламского фундаментализма». Даже сотни кораблей США и их союзников в Персидском заливе и оглушительный рев американских военных самолетов, «заглушающий призывы муэдзинов с минаретов мечетей», символизируют, например, для корреспондентов «Чикаго трибюн» лишь «конфронтацию вокруг исламской революции Ирана». Проводя аналогию с суэцким кризисом 1956 г., они утверждают, что он якобы отражал конфронтацию с панарабской революцией Насера¹. Так ли это на самом деле? Аналогия в данном случае ближе к истине, чем сама констатация событий в Персидском заливе. Конечно же, как в свое время суэцкий кризис, события в Персидском заливе в большей степени отражают конфронтацию между силами освобождения и порабощения, чем круговорот лишь «вокруг исламской революции Ирана».

Не потому ли смерч ирано-иракской войны, сея смерть и разрушения, передвигается в непредсказуемых направлениях на суше и на море? С гор Курдистана — в Междуречье, из Персидского залива — в Ормузский пролив и Оманский залив. Раскрученный омут «танкерной и минной войны» поглотил уже несколько сот торговых и нефтеналивных судов. Под предлогом защиты «свободы судоходства» США и их союзники в этом районе создали самую мощную со времен второй мировой войны военноморскую группировку. В этом беспрецедентном наращивании сил тон задает Вашингтон. Он послал туда более четырех десятков кораблей, включая авианосцы и линкоры с 25 тыс. американских военнослужащих, в том числе специально обученных десантников. Но чем больше скапливалось там военно-морских сил, тем больше нарастала напряженность в Персидском заливе. Не снижался накал боев и по обе стороны ирано-иракского фронта. Враждующие стороны то и дело возобновляли обмен ракетными и бомбовыми ударами по мирным городам и селениям. Число убитых и раненых перевалило далеко за миллион. Разрушения и ущерб оцениваются уже в 540 млрд долларов. Все последствия войны вообще не поддаются оценке.

Самая продолжительная с 1945 г. война побивает рекорд за рекордом. Она стала самой кровопролитной. Самой разрушительной. Самой дорогостоящей. Она стала

¹ Chicago Tribune, 1987, 8.XI.

и самой взрывоопасной для международного мира. Пожар войны все больше грозит перекинуться на другие мусульманские страны и выйти за рамки региона.

Опасная обстановка в Персидском заливе сложилась в результате неурегулированности сорокалетнего ближневосточного конфликта в широком плане и как прямое следствие семилетней ирано-иракской войны. Корни вспыхнувшего в сентябре 1980 г. конфликта уходят в глубокую историю и в унаследованные от колониализма давние территориальные и другие разногласия между Ираном и Ираком. Но питают эти корни и противоречия, имеющие не только национальную, но и религиозную подоплеку. Этого никак нельзя отрицать.

В Тегеране эту войну возвели в ранг джихада, хотя в ней одни мусульмане убивали других и, по существу, лилась кровь единоверцев. В Багдаде ее называют «Кадисией» — по аналогии с решающей битвой, в которой правоверный халиф Омар в 635 г. под местечком Кадисия разбил персидское войско, проложив тем самым исламу путь в Месопотамию и в Иран. Но эта затянувшаяся на годы война не сулила победы ни одной из сторон. Она выгодна лишь врагам ислама, которые рассчитывают с ее помощью укрепить позиции неоколониализма как в арабском мире, так и в Иране. В этой связи индийская газета «Нэшнл геральд» справедливо указывала на «большую иронию судьбы» в войне, которую ведут две мусульманские страны, совершившие сравнительно недавно антиимпериалистические, антиимпериалистические революции. Эта война в случае ее продолжения может открыть путь для новой интервенции империалистов в районе Персидского залива. Для США и их стратегических союзников, особенно Израиля, такой поворот событий рассматривается уже не как ирония, а как подарок судьбы. Этот «подарок» был подготовлен самими вчерашними колонизаторами и сегодняшними неоконизаторами, мечтающими о восстановлении утраченных позиций в этом регионе.

Как явствует из опубликованных в Тегеране секретных документов, захваченных иранскими студентами в посольстве США, к усилению напряженности в отношениях между Ираном и Ираком причастны разведывательные службы ряда империалистических государств, особенно американское ЦРУ и израильская разведка «Моссад». Иранская газета «Кейхан», а затем некоторые органы западноевропейской печати приводили немало доказательств подстрекательской деятельности представите-

лей американской администрации, в том числе бывшего помощника президента по национальной безопасности З. Бжезинского, направленной на провоцирование и разжигание ирано-иракской войны¹.

Хотя З. Бжезинский позднее оспаривал утверждения о том, что он содействовал возникновению военного конфликта между Ираком и Ираном, бесспорным остается факт, который не отрицают в Вашингтоне, что этот конфликт открыл перед Соединенными Штатами широкие возможности для оказания нажима как на Ирак, так и на Иран.

При этом Вашингтон не скрывает своих надежд на то, что в конечном итоге война должна привести если не к свержению одного из режимов конфликтующих сторон, то к их сближению с Западом. Об этом откровенно писала газета «Вашингтон пост», которая объясняла, что «создание в Тегеране прозападного режима» не только способствовало бы восстановлению позиций США в этом районе, но и укрепило бы шаткие режимы в соседних мусульманских государствах — Турции и Пакистане².

Выгодность продолжения ирано-иракской войны империалистическим государствам находит проявление в том, что многие из них, по крайней мере не менее 10 стран, снабжают военной техникой обе конфликтующие стороны. Подобные параллельные военные поставки Ирану и Ираку, обогащающие торговцев оружием, истощают два мусульманских государства, поскольку они расплачиваются за них и деньгами и кровью. Недаром бывший госсекретарь США Г. Киссинджер с присущим ему цинизмом признавался, что в этой войне было бы «лучше всего, если б проиграли обе стороны»³. В свою очередь другой известный эмиссар Вашингтона на Ближнем Востоке, заместитель госсекретаря Р. Мэрфи, с удовлетворением отмечал на заседании конгресса США в июне 1984 г., что «победа одной из сторон невозможна в военном отношении, равно как и нежелательна в стратегическом плане»⁴.

В Вашингтоне не скрывают, что длительная война при любом ее исходе, с одной стороны, ослабит Иран, создающий потенциальную угрозу распространения исламской революции антиимпериалистической направленности, с другой — она исключает или нейтрализует Ирак в арабо-

¹ Le Monde, 1980, 30.X. Азия и Африка сегодня, 1984, № 3, с. 7—8.

² The Washington Post, 1980, 28.X.

³ South, 1985, April, № 42, p. 12.

⁴ Christian Science Monitor, 1984, 14.VI.

израильском конфликте, обеспечивая тем самым явный выигрыш как для Тель-Авива, так и Вашингтона. На словах аятолла Хомейни знает, что «если — да не допустит этого Аллах — Соединенные Штаты выиграют эту войну, исламу будет нанесен такой удар, от которого он долго не сможет оправиться»¹. Но на деле из этой правильной посылки иранское руководство не делало правильного вывода. Оно отвергло предлагаемые ему любые варианты мира, считая их «хуже, чем война». Но вряд ли это мнение разделяют народы Ирана и Ирака. Война причинила им неисчислимые бедствия и страдания. На военные нужды Ирак направляет 60% ассигнований государственного бюджета, а Иран — свыше 43%. Истощились валютные запасы обеих стран, у Ирака с 1980 г. они уменьшились на 95%. Одновременно до 80 млрд долларов подскочила его внешняя задолженность (в 1979 г. она не превышала 2 млрд долларов). Иран со своей стороны официально не прибегал к иностранным займам для ведения войны. Однако западные финансовые круги считают, что у Ирана сохраняется задолженность в размере до 5,3 млрд долларов, а его запасы иностранной валюты почти полностью иссякли. В целом, по оценке иностранных финансовых экспертов, на войну каждая из сторон ежемесячно тратила не менее 1 млрд долларов².

Правящее исламское духовенство Ирана, убедившись в невозможности одержать военную победу в «священной войне» против «безбожников Багдада», рассчитывало достичь своих целей с помощью «войны на истощение». Но в результате именно сам Иран «истощался» в возрастающих с каждым годом темпах. Население страны испытывает все большую усталость от тягот войны. Росло прежде всего недовольство в различных слоях общества большими людскими жертвами на фронте и в тылу. Практически уже нет ни одной семьи, которая не отдала бы на алтарь «священной войны» своего мученика. Им остается себя утешать лишь верой в то, что все они, как утверждает имам, попадут в рай. Но жизнь самих родных и близких погибших мучеников все больше сопровождается познанием адскими муками и тяготами.

При всех отрицательных экономических и внутриполитических последствиях войны реакционное духовенство Ирана, как и силы внешней реакции и империализма, были

заинтересованы в ее продолжении. Они стремятся извлечь из войны максимальные материальные и политические выгоды. И надо сказать, что это им удастся. Хотя единства в правящих кругах Ирана не существует и наблюдается даже обострение разногласий между различными исламскими и политическими группировками, в целом правящему режиму война, очевидно, выгодна.

Президент Ирана Хаменеи не случайно признал, что эта война содействует укреплению «единства наций». К тому же, по его словам, она означает не только «стабильность и упрочение исламского режима на земле Ирана», но и «экспорт исламской революции»¹.

Ирано-иракская война выгодна реакционным клерикальным и националистическим кругам в арабских и других, особенно соседних мусульманских государствах. Конфликт между Ираном и Ираком сопровождается, как это подчеркивалось в заявлении совещания коммунистических и рабочих партий арабских стран (июнь 1985 г.), нарастающими проявлениями движения вспять во внутренней и внешней политике, «усилением реакционных, шовинистическо-расистских и религиозно-конфессиональных тенденций, беспрецедентной эскалацией репрессивного деспотического курса»².

Стремясь отвлечь внимание масс от острых социально-экономических проблем, реакционные мусульманские круги стремятся использовать различного рода внешние трения и междоусобные конфликты для укрепления своих позиций и правящих антинародных режимов.

Обе враждующие стороны пытались оправдать войну положением ислама о том, что война дозволена, если жизнь людей в опасности. Тегеран при этом утверждал, что ведет оборонительную, а следовательно, и законную с точки зрения ислама войну, которую, дескать, развязал Багдад. Но с тех пор, как Иран, отвергнув неоднократные предложения Ирака о прекращении войны на основе восстановления статус-кво, перенес военные действия на иракскую территорию, у Багдада появилось тоже достаточно оснований ссылаться на оборонительный, справедливый характер затянувшейся не по его вине войны. Во всяком случае, хотя ислам запрещает мусульманину убивать мусульманина, этим запретом явно пренебрегали обе стороны. В этой войне, несомненно, переплелись как

¹ International Herald Tribune, 1985, 5.IV.

² Новое время, 1986, № 20, с. 25.

¹ Эттелаат, 1985, 23.VII; см. также: Проблемы мира и социализма, 1985, № 12, с. 75.

² Проблемы мира и социализма, 1985, № 12, с. 75.

внешние и региональные, так и многие внутренние векторы сил. Их равнодействующая в большей степени способствовала затягиванию, чем прекращению конфликта. Не в последнюю очередь война явилась результатом столкновения националистических, идеологических и психологических моментов. Религиозный исламский фактор придавал всем этим противоречиям и мотивам особую остроту. Среди других составных сил соперничество на национальной и религиозной почве носит, пожалуй, самый долговременный характер.

Эмоциональный и кровавый исламизм шиитского толка, проповедуемый аятоллой Хомейни, создавал угрозу багдадским руководителям, — писала французская «Котидьен де Пари». — Они принадлежат к суннитам и возглавляют страну, в которой шиитов немного больше, чем суннитов. К тому же иракцы поддерживали требования арабов Хузестана, а иранцы обыгрывали якобы имеющую место дискриминацию шиитов в Ираке. Вся эта смесь интриг, национализма и религиозной розни и создала, по мнению газеты, столь взрывоопасную ситуацию, которая привела к войне¹.

«Исламская революция» в Иране, которая имела ярко выраженный шиитскую окраску, ускорила перерастание давнишнего конфликта в кризисную стадию. В свою очередь, ирано-иракская война придавала исторически сложившимся религиозным противоречиям между суннитами и шиитами политическую заостренность, перенесла их в сферу межгосударственных и даже международных отношений.

Однако ни надежды Багдада использовать чувства «арабского национализма» у населения иранского Хузестана, ни расчеты Тегерана поднять шиитов на юге Ирака против баасистского правительства не оправдались. Усилившиеся в ходе войны чувства иранского и иракского государственного патриотизма оказались сильнее в одном случае «арабизма» населения Хузестана, а в другом — традиционно «оппозиционного настроения» иракских шиитов.

Пагубное влияние ирано-иракской войны опасными импульсами расходится по Ближнему и Среднему Востоку, по всему мусульманскому миру. Она внесла немалые изменения в баланс региональных сил, привела к усиле-

нию серьезных трений, углублению раскола среди арабских и других мусульманских стран, занявших разные позиции по отношению к ее участникам. Активизировался процесс формирования разного рода осей и блоков, что наносит ущерб единству и сплоченности арабов, подрывает усилия по отпору агрессивному, экспансионистскому курсу Израиля, пользующегося всесторонней помощью и поддержкой вашингтонских покровителей. Отвлекая на себя внимание крупных сил, этот вооруженный конфликт развязывает руки империалистам и сионистам в осуществлении их стратегических замыслов, связанных с попранием национальных прав арабских народов, прежде всего палестинского, грубым вмешательством в их дела, блокированием всеобъемлющего, справедливого и прочного ближневосточного урегулирования.

Эта бессмысленная братоубийственная война, внося немалый дополнительный накал в уже и без того напряженную международную обстановку, представляет собой как бы звено, посредством которого Ближний и Средний Восток включается в обширную зону преднамеренно создаваемой империализмом США нестабильности в мусульманском мире. Эта зона простирается от Северной Африки через Ливан, Персидский залив, Афганистан, Пакистан вплоть до конфликтных очагов Юго-Восточной Азии. Таким образом, весь обширный регион традиционного распространения ислама становится вроде постоянного источника серьезной угрозы международному миру вследствие непрекращающихся заговоров, подрывных действий, актов агрессии, объявленных и необъявленных войн. Но они, как и ирано-иракская война, возникают не сами по себе, чаще всего это дело рук империализма, сионизма и местной реакции, в том числе исламских фундаменталистов. Разразившийся вооруженный конфликт между Ираном и Ираком стал, по признанию американской печати, «удачным катализатором», а главное — куда более убедительным аргументом, чем события в Афганистане, для экстренного осуществления намеченной в Вашингтоне программы наращивания прямого военного присутствия США в зоне Персидского залива и в сопредельных районах. Ирано-иракская война открыла перед Западом новые возможности для оказания нажима в выгодном для них направлении как на Ирак, так и на Иран. Именно этим объясняется то своеобразное распределение ролей между США и западноевропейскими странами в ирано-иракском конфликте. Заявляя на словах о «невмешатель-

¹ Цит. по: Васильев А. Персидский залив в эпицентре бурь, с. 221.

стве», США через своих мусульманских и западноевропейских клиентов поощряли оказание военной и другой помощи обоим воюющим сторонам.

Не случайно, анализируя последствия ирано-иракской войны, американская газета «Филадельфия инкуайрер» в ноябре 1985 г. с циничной откровенностью писала: «В конце концов, дипломатические и стратегические выгоды из продолжения этой войны Соединенные Штаты извлекают в большей степени, чем кто-либо другой, в том числе Советский Союз». Вашингтон на словах метал громы и молнии якобы лишь в сторону Тегерана. На деле же он занес военный кулак, к тому же с ядерной дубинкой, над обширным регионом мусульманского мира, включенным в «зону ответственности» американского центрального командования (СЕНТКОМ). При этом американцы выдвигали различные лживые предлоги для того, чтобы расширить масштабы локального кризиса в Персидском заливе.

Но оттого, что поднялся уровень американско-натовского военного присутствия в Персидском заливе, уровень напряженности отнюдь не снизился. Напротив, число жертв «танкерной», а затем и «минной» войны отнюдь не стало меньше. Обстановка еще более накалилась из-за милитаристской активности по соседству с кризисным районом. В Аравийском море корабли и боевые самолеты США, Франции, Англии занимались не столько тралением, сколько отработкой интервенционистских операций. В Восточном Средиземноморье ВМС Турции и Пакистана занялись впервые тоже отработкой неких совместных операций. Неожиданно вслед за концентрацией израильских войск на границе с Ливаном был объявлен призыв резервистов в Израиле. Одновременно тогда усилился также военный нажим США и Франции на Ливию со стороны Чада. А из Вашингтона тем временем все громче раздавались угрозы в адрес Ирана и призывы к союзникам по НАТО ускорить создание военно-морского варианта «многонациональных сил» по подобию тех, чья миссия с позором провалилась несколько лет назад в Ливане. Тегеран в свою очередь предупредил, что любой американский авантюризм в Персидском заливе может обернуться против самих США и их союзников. Тегеран сделал тогда еще одно предупреждение, что не допустит, чтобы «свобода судоходства» по-американски вылилась в «свободу разбоя» США и их союзников. Если же Великобритания и Франция станут соучастниками американской агрессии, то Иран «готов повторить ливанский урок», приведший пять

лет назад к гибели около 300 солдат из состава «многонациональных сил» в Ливане.

Подобные заявления были подкреплены призывами к «стражам исламской революции» быть готовыми принять «мученическую смерть» в борьбе против американского империализма. Благоразумно, однако, уклонившись от прямого столкновения с американцами, Тегеран тем не менее продолжал усиливать военное давление на Кувейт и другие арабские страны.

После спровоцированной 31 июля 1987 г. во время хаджа в Мекке «кровавой пятницы» — ее жертвами стали более 400 паломников, из них большинство иранцев — угроза перерастания ирано-иракской войны в более широкую ирано-арабскую конфронтацию с возможным вовлечением в нее и других мусульманских государств еще более усилилась.

Синхронность с этими событиями милитаристской активности США и их союзников в зоне залива и в Средиземноморье не могла не вызывать ряда резонных вопросов.

Случайно ли такое совпадение?

Почему именно американские военные корабли вызвали вдруг сопровождать кувейтские танкеры?

Почему Вашингтон после «ирангейта» сделал такой крутой антииранский крен и широкий жест в сторону арабов, согласившись даже «сдать в аренду» флаг США кувейтским танкерам?

Иранские лидеры и в самом деле недалеки были от истины, утверждая, что все это является результатом «американского заговора». Но только ли против одного Ирана? Ведь не случайно Вашингтон уже давно призывает присоединиться к его военным провокациям в Персидском заливе не только страны НАТО, но и Израиль.

Не идет ли речь о новом, более широком тройственном американско-израильско-натовском заговоре как против Ирана, так и против всех освободившихся мусульманских государств Ближнего и Среднего Востока?

Не является ли очередная милитаристская активность США и их союзников в заливе прелюдией к более широкому вооруженному вмешательству на Ближнем Востоке?

Разве не под аналогичными предлогами защиты «свободы судоходства» и «обеспечения безопасности» была развязана «тройственная» агрессия против Египта в 1956 г.? Разве англо-американская интервенция в Ливане и Иордании в 1958 г. не была реакцией на свержение монархии

в Ираке? Разве израильская агрессия против арабов в июне 1967 г. не обосновывалась тоже некими «превентивными мерами»?

Не для того ли США поставляли через израильских и других посредников оружие Ирану, чтобы использовать затем хотя бы краткосрочный «перевес» Тегерана в войне в качестве повода для интервенционистской операции не только на море, но и на суше для «разъединения» воюющих сторон, как это уже было в Ливане? Пример Ливана в этом отношении особенно поучителен. Ведь чем больше эта сторона погружалась в трясину междоусобной и конфессиональной борьбы, тем все более широкие масштабы приобретала там американско-израильско-натовская интервенция. Локальная война в зоне Персидского залива, казавшаяся многим «бессмысленной», приобрела для Вашингтона неоглобалистский смысл еще до того, как президент Рейган 1 июня 1987 г. одобрил план наращивания вооруженных сил США в Персидском заливе под предлогом использования американских кораблей для эскортирования кувейтских танкеров.

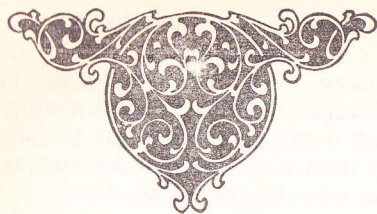
В этой ситуации Совет Безопасности ООН 21 июня 1987 г. единогласно принял резолюцию № 598, предусматривающую использование всех средств, определенных Уставом ООН, во имя восстановления мира в зоне Персидского залива. При этом Совет Безопасности снова призвал все государства проявлять «максимальную сдержанность». Ирак, уже давно стремящийся к прекращению войны, одобрил новые мирные усилия международного сообщества и выразил согласие к выполнению требований, содержащихся в этой резолюции. Иран, который раньше не проявлял готовности к политическому урегулированию конфликта, не стал отвергать резолюцию Совета Безопасности, что называется, с порога. Тем не менее Тегеран занял неуступчивую позицию даже в отношении Организации исламской конференции. Очередное совещание в верхах, которое проходило в январе 1987 г. в Кувейте, Иран бойкотировал. Между тем в качестве одного из важнейших вопросов в повестке дня этого совещания обсуждалось урегулирование ирано-иракского конфликта. Не потому ли, что ключ к его решению там так и не сумели найти, участники встречи еще раз призвали Иран и Ирак заключить перемирие и приступить к политическому урегулированию. Но и этот призыв оказался малодейственным. Тегеран оставил без внимания аналогичный призыв о прекращении войны руководителей арабских государств — участ-

ников чрезвычайного совещания Лиги арабских стран на высшем уровне.

С возобновлением в начале 1988 г. «войны городов», то есть обмена воюющими сторонами бомбовыми и ракетными ударами по столицам и густонаселенным районам Ирака и Ирана, война вступила в еще более жестокую и бессмысленную фазу. Иранские муллы, как писал в те дни западногерманский журнал «Штерн», вновь стали призывать к «последнему, решительному наступлению». Очевидно, в плане подготовки к нему они заранее заказали где-то в Европе 5 млн металлических талисманов-пропусков в рай для новых смертников — «моджахедов».

В этих условиях, когда эскалация военных действий достигла, казалось, уже критической точки, Багдад, который и до этого не раз выражал готовность сесть за стол переговоров, выступил 14 июля 1988 г. еще с одной инициативой о прекращении огня и отводе войск на исходные границы. Тегеран принял это предложение вместе с резолюцией ООН, и мировая общественность с удовлетворением приветствовала прекращение самой длительной в мусульманском мире за последние сорок лет войны. В ней все больше росли не только прямые жертвы войны, но также и ее «побочные издержки» и трагедии, такие, как гибель 298 пассажиров иранского гражданского самолета, сбитого американскими ракетами над Персидским заливом. Так «миротворцы» вносили свою немалую лепту в «войну невинных жертв».

В Библии и в Коране рассказывается о «всемирном потопе», который поглотил многие земли, в том числе и считавшиеся некогда «земным раем». По высказанной недавно гипотезе американского ученого Дж. Заринса, рай находился, очевидно, не в Междуречье, а на дне теперешнего Персидского залива. Возможно, в незапамятные времена эти места и в самом деле напоминали рай. Но в незабываемые для иранцев и иракцев трагические дни места библейского рая все больше были охвачены потоком войны. Угрожая выйти из берегов Персидского залива, он мог привести не к мифической, а к подлинной всемирной катастрофе...

Ислам и новое мышление (Вместо заключения)

Последние годы уходящего века стали поистине кульминационными для надежд и тревог человечества.

Одна из главных особенностей переживаемого периода — усиливающаяся взаимосвязь того, что происходит на мировой арене и в отдельных районах или странах. Как мы видим, противоречивая роль политического ислама находит в наши дни тоже взаимосвязанное, неоднозначное отражение как во внутренней жизни мусульманских государств, так и в мировой политике.

В наше время не только политические течения в исламе, но и ход социального прогресса в целом в значительной степени связаны с антиколониальными и национально-демократическими революциями. Мусульманские, как и другие народы, сбросившие колониальное ярмо, не хотят больше мириться с ролью бесправных объектов империалистической политики. Они тоже решительно вступают на путь самостоятельного исторического творчества. «Народы Востока, — как писал В. И. Ленин, — просятся к тому, чтобы практически действовать

и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»¹.

Мусульмане имели возможность на собственном опыте убедиться, что милитаризм во внешнем своем проявлении используется не только как орудие борьбы против мировой социалистической системы, но и национально-освободительных движений.

В глобальном плане центр тяжести политического и экономического развития милитаризма, как известно, в послевоенный период явно переместился из Европы в США. Эту «американизацию» милитаризма остро ощутили на себе многие мусульманские страны.

Соединенные Штаты, добиваясь осуществления гегемонистских целей, приняли у бывших колонизаторов эстафету в выполнении роли главного жандарма относительно национально-освободительных движений. Практически в послевоенный период США прямо или косвенно участвовали во всех агрессиях, войнах, карательных и диверсионных операциях против мусульманских народов, поднявшихся на борьбу против империализма и реакции. Не потому ли афро-азиатский регион традиционного распространения ислама оказался в эпицентре локальных войн и междоусобных конфликтов? Не потому ли мир ислама превратился в обширный полигон апробации милитаристских и неоколониалистских методов империализма? В наши дни он стал своеобразным зеркалом современного мира, многоликого, пестрого, динамичного, пронизанного острыми противоречиями и противоборствующими тенденциями. Мира, где, с одной стороны, соседствуют невиданные возможности развития, прогресса, а с другой — свирепая нищета, отсталость, средневековье, где существуют к тому же самые обширные «поля напряженности».

В послевоенный период, по подсчетам советских и иностранных специалистов, в локальных войнах и конфликтах в общей сложности погибло уже более 20 млн человек. Это в два раза больше, чем унесла первая мировая война, и почти половина общих потерь во второй мировой войне. Так называемые «малые» войны опалили своим огнем более 60 стран «третьего мира». Почти половина этих стран относят себя к мусульманскому миру.

Сотни тысяч мусульман погибли в национально-освободительной борьбе против старых и новых колонизаторов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 328.

Еще большее число мусульман — пакистанцев и индийцев, арабов и иранцев, вообще азиатов и африканцев — нашли смерть в локальных войнах и конфликтах, разжигаемых или провоцируемых империализмом. Достаточно напомнить, что только в междоусобицах в Ливане и в бессмысленной ирано-иракской войне погибло арабов больше, чем во всех арабо-израильских войнах, вместе взятых.

Эти и другие региональные конфликты, а также сопутствующие кризисы отражают, очевидно, наряду с территориальными и национальными не в последнюю очередь религиозные и социально-классовые противоречия. В масштабе региона они являются также следствием борьбы между силами национального освобождения и империалистического порабощения. В более широком, глобальном плане региональные конфликты отражают и главное противоречие между силами войны и мира, реакции и прогресса. Генезис региональных конфликтов далеко не однозначен. Они различны как по своей природе, так и по характеру противоборствующих сил. Они возникают на местной почве как следствие внутренних или региональных противоречий. Но порождаются подобные конфликты, как правило, «либо колониальным прошлым, либо новыми социальными процессами, либо рецидивами захватнической политики, либо тем, другим и третьим, вместе взятым»¹.

Трудность разблокирования региональных конфликтов обусловлена не в последнюю очередь живучестью стереотипов глубоко укоренившегося старого мышления. Они питают милитаризм и империализм, которые все еще рассматривают освободившиеся и зависимые от них мусульманские страны как объект своей политики и экспансии, отказывая им в праве на собственный выбор, на самостоятельную внешнюю политику. Подобные стереотипы, основанные на применении силы в мировой политике, формировались веками. Такой образ мыслей и нецивилизованных действий культивировался многими религиями, в том числе и исламом. Неудивительно, что стереотипы силовой политики были приняты как отправные аксиомы, которые легли в основу и стратегических доктрин Вашингтона, проходивших апробацию, как правило, в мусульманском мире.

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 179.

Чем же мусульмане так разгневали Вашингтон? Почему против них выдвигаются обвинения в «исламском радикализме», «мусульманском терроризме», «исламском фанатизме»? Оказывается, администрацию США не устраивает их приверженность исламу, которая оборачивается ликвидацией иностранного господства и особенно американских военных баз на «святой земле» ислама, национализацией нефтяных ресурсов мусульманских стран, решительной борьбой против империалистического диктата и активным противодействием неоколониалистским заговорам. Вот почему на протяжении четырех десятилетий ЦРУ и Пентагон не только разрабатывали, но и пытались осуществить различные варианты свержения негодных империализму режимов или физического уничтожения «радикальных лидеров» мусульманских государств.

Менялись хозяева Белого дома, менялись названия провозглашаемых ими агрессивных доктрин, выдумывались все новые предлоги для ведения явных и тайных войн против мусульман, но цели империализма остаются неизменными. Варьируются и совершенствуются лишь методы и средства ведения этих войн. Мусульманские страны на собственном опыте убеждаются, что осуществляемая Вашингтоном стратегия «неоглобализма» — это тоже одна из разновидностей воинствующего неоколониализма. Всячески спекулируя исламом, он пытается использовать якобы присущий мусульманам фанатизм в своих корыстных целях. Неоколонизаторам хотелось бы привить мусульманам апатию к гонке вооружений и к перспективе ядерной войны. Она, дескать, угрожает только ядерным державам.

Нет ничего, однако, опаснее таких заблуждений. В ядерный век, когда проблема жизни и смерти человека ставится совершенно по-новому — «быть или не быть человечеству», религия тоже не может оставаться в стороне от судьбоносной проблемы войны и мира. Эта главная проблема современности стала теперь не только политической, но и нравственной. Политика, рождающая войны, становится безнравственной. И здесь религия, имеющая влияние на миллионы людей, способна воздействовать на политику в том же направлении, что и наука, литература, искусство, — облагораживать и наполнять ее гуманизмом. Ведь речь идет не просто о сохранении мира, а о спасении человеческой цивилизации, включая святыни всех религий. Речь идет, наконец, и о спасении общей для всех святыни,

самого святого, что есть в мире, — это жизнь человеческого рода и всего сущего на земле.

Верующие называют жизнь «даром божьим», ученые — «высшим творением природы». Но, независимо от религиозной принадлежности и философских убеждений, люди всегда рассматривали самоубийство как преступление, называя его «величайшим грехом» или аморальным поступком. Ядерная война означала бы не только взаимоуничтожение самих воюющих, но и уничтожение будущих поколений — ни в чем не повинных и ничего не подозревающих детей. Это одновременно и самоубийство, и худший из всех видов убийства, осуждаемых исламом и всеми другими религиями. Вот почему в движении за устранение ядерной угрозы не может быть посторонних и безучастных.

Ислам, заявивший о своей политической силе позже всех других мировых религий, очевидно, ввиду этой относительной «молодости» называют самой «политической верой». В наши дни, когда проблема жизни и смерти человека ставится совершенно по-иному, ислам, как и другие религии, в любом случае не может игнорировать самую жгучую политическую проблему — сохранение мира на земле. От того, станет ли он слугой ядерного милитаризма или подспорьем мирного созидания, зависят судьбы миллионов людей, будь то мусульмане или христиане, верующие или неверующие. В ядерный век мир поистине, как никогда, неделим.

Ядерная угроза имеет как глобальный, так и региональный аспект. По существу, стратегия «неоглобализма» направлена на то, чтобы попытаться апробировать в мусульманском мире некую новую концепцию военного неокolonialизма в его ядерном варианте. Суть ее состоит в том, чтобы под флагом антисоветизма и антикоммунизма развернуть наступление против революционных и национально-освободительных движений в Азии и Африке.

В связи с этим многие мусульманские страны фактически стоят перед угрозой американской реколонизации. Ставка делается на провоцирование междоусобных конфликтов и локальных войн, которые используются для оправдания милитаризации освободившихся стран и для «легализации» вооруженного вмешательства империализма. Именно в рамках этой неокolonialистской доктрины была развязана в 1967 г. израильская агрессия против арабских стран, а в ее пятнадцатую годовщину были осу-

ществлены сначала новая агрессия Израиля, а затем совместная американско-израильская интервенция на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива. Это не просто рецидивы военного колониализма. Их можно рассматривать и как своеобразную ренетицию нового «крестового похода» против мусульман.

В том и другом случае агрессии — выражение открытого разбоя. Нередко он сопровождается террором и бесчинствами, граничащими с геноцидом в отношении мусульманского населения, как это имеет место на оккупированных Израилем территориях. Это особенно наглядно проявилось во время народного восстания против израильской оккупации на Западном берегу Иордана и в секторе Газа в начале 1988 г. Так империализм и сионизм продолжают эстафету поверженного 40 лет назад фашизма.

Милитаристские круги, разжигая локальные, особенно междоусобные, войны, хотели бы, очевидно, доказать невозможность распространения процесса разоружения на так называемую «кризисную зону», в которую включили почти весь мусульманский мир. Внушая мусульманам, особенно национальной буржуазии, идею общности их интересов с устремлениями монополий, империализм стремится навязать свой политический и военный диктат, сорвать сотрудничество освободившихся мусульманских государств с СССР и странами социалистического содружества.

Что касается Советского Союза, то он против того, чтобы осуществление мер в области разоружения ставилось в зависимость от так называемых региональных конфликтов. Он активно выступает за разблокирование и справедливое урегулирование региональных конфликтов. М. С. Горбачев сравнил их с кровоточащими ранами, способными породить очаги гангрены на теле человечества.

«Земля буквально изъязвлена такими опасными очагами, — отмечается в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС по Афганистану. Каждый из них — это боль не только народов, непосредственно в него вовлеченных, это боль всех, будь то в Афганистане, на Ближнем Востоке, в связи с войной Ирака и Ирана, в Южной Африке, в Кампучии, Центральной Америке»¹.

¹ Правда, 1988, 9 февраля.

Как по проблемам разоружения и устранения ядерной угрозы, так и урегулированию наиболее острых конфликтов Советский Союз сделал немало конструктивных предложений и конкретных шагов. Провозгласив смелую программу действий, направленных на укрепление мира, Советское правительство немедленно приступило к ее осуществлению.

Ряд важных мирных инициатив Советский Союз проявил и в разблокировании региональных конфликтов, выступив с конкретными предложениями о созыве международной конференции по Ближнему Востоку и прекращению ирано-иракской войны. Во всем мире с горячим одобрением, а в мире ислама с особым пониманием была встречена достигнутая в феврале 1988 г. правительствами СССР и Республики Афганистан договоренность о начале с 15 мая 1988 г. вывода советских войск из Афганистана и завершении его в течение 10 месяцев. Это может стать важным прорывом в разблокировании и всех других региональных конфликтов. Их мирное урегулирование, по словам президента Афганистана Наджибуллы, является «одним из проявлений борьбы за всеобщий мир и безопасность, благоприятные условия для которых были обеспечены в результате переговоров в Вашингтоне руководителей Советского Союза и США и подписанного ими договора»¹.

Советский Союз, таким образом, еще раз показал пример неотложных действий, к которым он призывает и все другие страны. Решение региональных кризисов и других взрывных проблем, которых особенно много накопилось на Ближнем Востоке и по соседству — в Средиземноморье и в зоне Персидского залива, нельзя откладывать до греческих календ, ибо сами по себе они не урегулируются. Как и в решении глобальных проблем создания безъядерного и ненасильственного мира, в разблокировании региональных конфликтов требуется тоже отказ от некоторых, ранее казавшихся незыблемыми постулатов, пересмотра шкалы прежних ценностей. Это касается прежде всего приоритета главной современной проблемы — выживания человечества над всеми другими, и не только над национальными, но, очевидно, и религиозными ценностями. Два великих многонациональных государства Азии — Советский Союз и Индия, в которых проживает значительная часть единоверцев мусульманского мира, изложили в под-

писанной их лидерами Делийской декларации основные принципы безъядерного и ненасильственного мира. Выдвинутые в ней предложения, касающиеся решения назревших глобальных и региональных проблем, — это наглядное проявление нового мышления.

Не только мир ислама, но и весь наш мир все еще полон противоречий: национальных, религиозных и конечно же классовых. Но все эти противоречия и конфликты, в том числе и главный антагонизм на глобальном уровне между двумя системами, теперь могут и должны решаться не силовыми, а политическими средствами. Приоритет общечеловеческих ценностей над всеми другими, как это было подчеркнуто в докладе М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной конференции КПСС, составляет сердцевину нового политического мышления, позволяющего масштабнее оценить жизненное значение для современных международных отношений нравственных ценностей¹.

Ядром нового мышления является, очевидно, признание того факта, что в условиях нависшей над человечеством ядерной катастрофы народы мира подобны связке альпинистов на горном склоне. Они могут либо вместе взбираться дальше, к вершине, либо вместе сорваться в пропасть. Именно невозможность военного разрешения международных противоречий в этих условиях диктует и новую диалектику силы и безопасности. Хотя современный мир все еще разделен на противоборствующие блоки и конфронтирующие стороны, подлинная безопасность народа неделима. Она может быть только равной для всех или же ни для кого. С появлением оружия массового уничтожения и установившегося паритета сил на глобальном уровне появился объективный предел не только для классовой конфронтации на международной арене, но, очевидно, в ряде случаев и на региональных уровнях в межнациональных, межобщинных и конфессиональных конфликтах. Это наглядно прослеживается на примере сложившейся тунижской ситуации на Ближнем Востоке, перешедшей в течение уже более 30 лет кипрской проблемы, многолетних междоусобных войн в Ливане, Чаде, Западной Сахаре и, наконец, на развитии конфликта в зоне Персидского залива. По большому счету ни один из этих кризисов или войн не сумел обеспечить надежную безопасность враждующих

¹ Правда, 1988, 9 февраля.

¹ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, с. 29.

сторон. Более того, ни одна из локальных войн, развязываемых империалистическими державами как поодиночке, так и в коалиции, не достигала ставившихся ими политических целей. Это бессилие политики силы является, с одной стороны, доказательством кризиса военных методов неокOLONиализма, с другой — проявлением на региональном уровне своеобразного «баланса бессилия» самих противоборствующих сторон в условиях паритета сил двух противоборствующих группировок в глобальном масштабе. Но было бы совершенно ошибочно рассматривать все региональные конфликты только через призму советско-американского противоборства. Это делается Вашингтоном для того, чтобы использовать региональные конфликты как постоянный резерв для оправдания доктрины «неоглобализма», для маневрирования уровнем конфронтации силовой политики в целях антисоветизма, перенацеливания стратегии «прямого противоборства» попеременно то на Советский Союз, то на силы национально-освободительного движения в мире ислама и за его пределами.

Советский Союз выступает против превращения региональных конфликтов в арену противоборства двух систем, особенно СССР и США.

Нельзя допустить, чтобы извечный спор, чей образ жизни или чья вера лучше, перерос в ядерную войну, которая означала бы смерть всякого образа жизни, а следовательно, и конец всякой веры вообще. В борьбе за сохранение жизни на земле человечество обязано возвыситься над всеми другими распрями и спорами, конфликтами и войнами. Для этого надо отказаться от стереотипов старого мышления, от всяческих гегемонистских доктрин, от попыток самоуправно вершить судьбы народов и вмешиваться во внутренние дела других государств.

Выступая перед участниками встречи представителей партий и движений, принимавших участие в юбилейных торжествах в Москве по случаю 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, М. С. Горбачев особо отметил, что происходящая в Советском Союзе перестройка со всеми ее международными последствиями разрушает страх перед «советской угрозой» и тем самым выбивает почву из-под ног милитаризма, который все более теряет свое политическое оправдание.

«Сейчас, — заявил советский лидер, — уже невозможно рассматривать мировое развитие с точки зрения только борьбы двух противоположных систем. Диалектика этого развития представляет собой единство, противоборство,

соревнование и взаимодействие множества факторов»¹. Среди них в аналогичном диалектическом противоречии проявляется в наши дни и исламский фактор.

Выдвинутая Советским Союзом Программа безъядерного мира и создания всеобъемлющей безопасности и изложенные в Делийской декларации принципы ненасильственного мира — это в наше время единственная разумная альтернатива глобальному ядерному безумию и всякого рода региональным конфликтам, будь они большой или «малой интенсивности». В создании такой системы наша страна проводит и будет проводить линию на тесное взаимодействие и развитие связей со всеми некоммунистическими тенденциями и организациями, в том числе религиозными, которые выступают против войны.

Но, естественно, самую большую ответственность за выживание человечества и избавление его от ядерного оружия несут две великие державы — США и Советский Союз. Состоявшийся 1 июня 1988 г. в Москве обмен ратификационными грамотами о введении в силу заключенного в Вашингтоне советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности начал отсчет эпохе ядерного разоружения. В книгу мира без войн, без насилия, без ядерного оружия вписаны, таким образом, первые строчки.

Императивы нового политического мышления, похоже, легче пробивают себе дорогу на глобальном, чем на региональном уровне. Это исходит, очевидно, из заблуждения, будто с урегулированием региональных кризисов можно не торопиться. Они, дескать, большой угрозы не таят. Но это опасное заблуждение. Как в решении глобальных проблем, так и в разблокировании региональных конфликтов также требуется пересмотр прежней шкалы ценностей.

Следя за развитием локальных войн, приобретающих постепенно международный характер, невольно приходишь к заключению, что сложившийся в мире глобальный паритет сил по-своему проецируется на своеобразном «равновесии бессилия» в региональных конфликтах в мире ислама. Ни одна из конфронтирующих в них сторон не может добиться убедительного перевеса сил, не говоря уже о победе. Войны приобретают все более затяжной и разрушительный характер.

За восемь лет ирано-иракской войны, кажется, задействованы и испробованы уже все имеющиеся у воюющих

¹ Правда, 1987, 5 ноября.

сторон силы и средства: танковые атаки, авиационные палеты, ракетные удары, «минная война» и «человеческие волны». Эскалация насилия сопровождалась эскалацией безправственности. Дело дошло до применения (впервые после первой мировой войны) отравляющих веществ против мирного населения. В ход не пущено только оружие массового уничтожения, и то, очевидно, по той причине, что у воюющих сторон пока нет ядерной «исламской» бомбы. Зато стянутые к Персидскому заливу силы американско-назовских «миротворцев» оснащены самым современным, в том числе и ядерным, оружием.

На переговорах в Москве М. С. Горбачев призвал Р. Рейгана «разгрузить Персидский залив от военного присутствия США», заменив его военно-морскими силами ООН, чтобы остановить там опасный процесс. Однако Вашингтон не прислушался к этому разумному предостережению. Как видим, трудность разблокирования региональных конфликтов обусловлена прежде всего живучестью стереотипов старого мышления. Они питают и гегемонистские доктрины США, и экспансионистские планы Израиля, и фанатические амбиции исламских фундаменталистов. Взаимосвязанность и взаимозависимость современного мира в том и состоит, что нельзя в одном месте раздувать, а в другом — тушить пожар войны, как нельзя разоружение на Земле сопровождать гонкой вооружений в космосе.

В поисках программной альтернативы антагонистическому обществу и напряженности на мировой арене, в том числе и в огромном регионе традиционного распространения ислама, ответов ждут многие вопросы. Советский Союз призывает к совместному поиску этих ответов представителей всех направлений политической мысли и действия, всех, кому дороги завоевания человеческого духа, кто хочет сохранить и использовать их для грядущих поколений.

В ядерный век война стала синонимом смерти. Вопрос «война или мир» стал равнозначным вопросу «смерть или жизнь». Это решающий вопрос, перед которым все другие — верующий ты или неверующий, христианин или мусульманин, суннит или шиит — отходят на задний план. Человечество как бы разделилось на два лагеря — жизни и смерти. Ислам, как, впрочем, и другие религии, учит не бояться смерти: несмотря на это, его приверженцы не могут благословить конец света, грозящий человечеству по безволию и вине политических сил, на которые возложено бремя исторической ответственности за сохранение жизни

на земле, может быть, единственной цивилизации во Вселенной. Независимо от того, верят ли одни в небесный рай, а другие предпочитают создавать его на земле, люди должны отстоять жизнь и передать ее потомкам вместе с верой в свои извечные идеалы. Именно эту веру выразили в послании, отправленном М. С. Горбачеву и Р. Рейгану, главы мусульманских общин Советского Союза, которые приветствовали позитивные итоги американо-советской встречи на высшем уровне в Москве такими прочувствованными словами: «Цветущая наша Земля сотворена... как планета людей, планета мира и праведного труда, каждый обитатель которой должен быть счастливым»¹.

Более восьми лет иранцы и иракцы сходились кличем «Аллаху акбар!» или убивать и умирать, словно забыв о записанном в Коране запрете познать мусульманам руку друг на друга. Но никогда они не испытывали столько страсти и веры в этот возглас, как в тот день, когда многотысячные толпы ликующих жителей Тегерана и Багдада с именем Аллаха на устах и слезами на глазах громко выражали восторг по случаю прекращения огня на фронте. И это естественно. Мирное небо над головой радует приверженцев ислама так же, как и всех приверженцев мира. В этом едины все честные люди на Земле, независимо от их политических взглядов и вероисповедания.

¹ Известия, 1988, 2 июня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5	<i>Глава 5</i>	130
<i>Глава 1</i>		<i>Традиции ислама и ориентиры социализма</i>	136
<i>Немного истории: корни, ветви и побеги ислама</i>	8	От «исламского» к «естественному» социализму	146
Под сводами и за стенами мечетей	10	Трудный выбор пути и ориентиров	
Что проповедовал пророк и насаждали его последователи	18	<i>Глава 6</i>	162
Политическая подоплека «божественных откровений»	23	<i>В центре Азии и мусульманского мира</i>	163
Раскол и противоборство	27	Между исламом и адатом	165
Штатные и нештатные «слуги Аллаха»	34	С именем Аллаха... рождение республики	168
<i>Глава 2</i>		Священные принципы ислама и благородные цели апрельской революции	172
<i>Пороки и «пророки» колониализма</i>	42	Ценности ислама и их защитники	178
В тоге друзей ислама	44	Не с Кораном, а с инструкциями ЦРУ	183
Непокорные «рабы» религии покорности	50	Исламские традиции и революционные преобразования	189
Религиозный раскол бывшей британской «жемчужины» и его политические последствия	56	Курс на национальное примирение	
Диктатура с Кораном	60	<i>Глава 7</i>	198
<i>Глава 3</i>		<i>Святотатство на святой земле</i>	200
<i>Многоликий и противоречивый мир ислама</i>	70	Корни конфликта	205
Цвета и оттенки ислама	71	Плацдарм агрессии и расизма	207
О мусульманском единстве без исламской солидарности	83	Трагедия Святого города	209
Последние «фараоны» ислама	91	«Миротворчество» на крови	211
Два пути с одной верой	99	Двадцать лет агрессии после шести дней войны	212
<i>Глава 4</i>		В клетках междоусобиц и агрессий	225
<i>Зигзаги исламской революции</i>	108	Ставка на раскол	230
Растущие ожидания «скрытого имама»	110	Джихад против «Кадисии»	
Взрыв гнева	114	<i>Ислам и новое мышление</i>	243
Вызов «сатане» империализма	116	(Вместо заключения)	
Сломанный «Коготь орла»	118		
Революция несбывшихся надежд	120		
Экспорт с убытками	128		

Леонид Иванович Медведко,
Андрей Валерьевич
Германович

Именем Аллаха...

(Политизация ислама
и исламизация
политики)

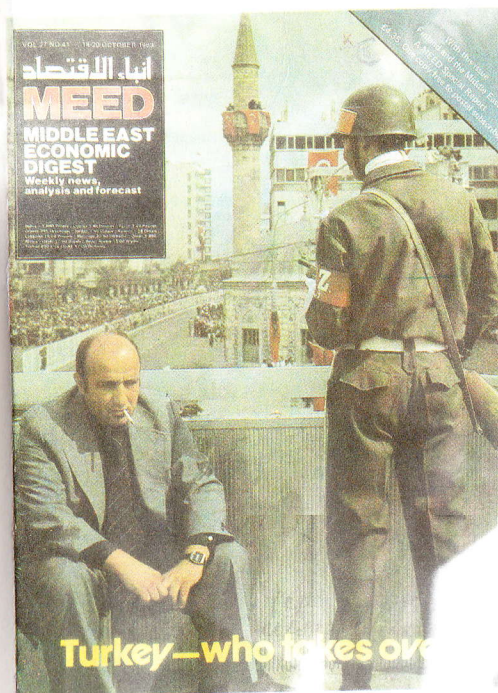
Заведующий редакцией О. А. Белов
Редактор Л. И. Волкова
Младший редактор С. О. Овчинников
Художник А. М. Горлоченко
Художественный редактор А. А. Пчелкин
Технический редактор Ю. А. Мухин

ИБ № 5584

Сдано в набор 27.05.88. Подписано в печать 21.10.88. А00145. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 14,49. Уч.-изд. л. 14,46. Тираж 75 000 экз. Заказ № 3840. Цена 75 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

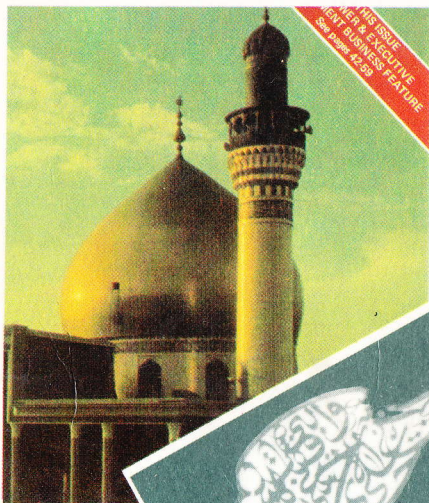
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

75 коп.

ИМЕН Аллаха...

Политизация ислама
и исламизация
ПОЛИТИКИ

Политиздат